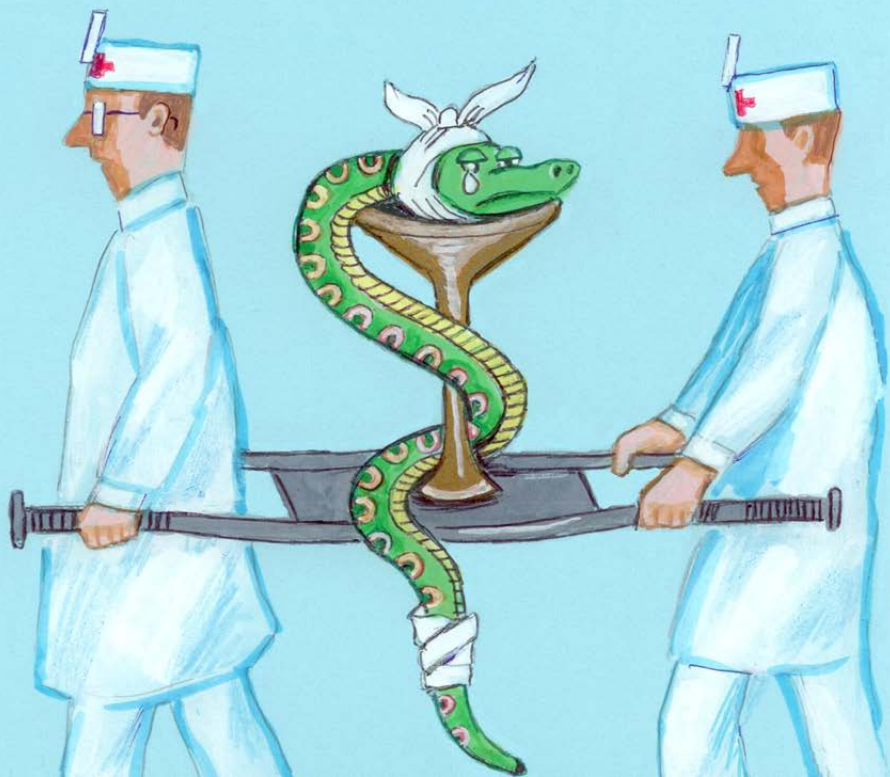

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 6 2019 г.

Болит в сердце

Главный редактор **КРЮКОВ В.А.**, член-корреспондент РАН, профессор,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, ректор РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н.; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н.; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н.; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н.; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н.; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н.; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н.; **Л.Н. Щербаклова**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

6 (540) 2019

Editor in chief - Dr., Prof. **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS

Editorial Board:

Prof. Dr. **Aganbegyan, A.G.**, Russian Academy of National Economy and Public Service at the Russian President; Prof. Dr. **Baranov, A.O.**, Novosibirsk State University; Prof. **Bardazzi, R.**, PhD, Faculty of Political Sciences, University of Florence (Italy); Prof. **Buharova, E.B.**, PhD, Siberian Federal University; Prof. Dr. **Glazyrina, I.P.**, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS; Prof. **Grigoriev, L.M.**, PhD, Higher School of Economics; **Jae Young Lee**, PhD, Korean Institute for International Economic Policy; Prof. Dr. **Hong Yul Han**, Hanyang University, The Korea Consensus Institute; **Kolmogorov, V.V.**, PhD; Prof. Dr. **Kuleshov, V.V.**, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; **Mironosetsky, S.N.**, Siberian Generating Company; **Moe, A.**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute; **Nikonov, V.A.**, Technopark of Novosibirsk Academgorodok; Dr. **Psarev, V.I.**, Interregional Association of the Economic Cooperation «Siberian Accord»; Prof. Dr. **Shvetsov, A.N.**, Institute for Systems Analysis RAS; Prof. Dr. **Suslov, N.I.**, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; Prof. Dr. **Uss, A.V.**, Governor of Krasnoyarsk Krai; Prof. **Weber, Hs.**, PhD, Canada-Russian Economics School; Prof. **Voronov, Yu.P.**, PhD, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; **Yutszyun, Ma**, PhD, Heilongjiang Academy of Social Sciences; **Ze Shi**, PhD, Institute of International Studies; Prof. Dr. **Zorkaitsev, V.I.**, Energy Systems Institute SB RAS.

Advisory Board:

Dr. **Alekseev, A.V.**; Dr. **Barsukova, S.Yu.**; PhD **Fadeeva, O.P.**; Dr. **Gluschenko, K.P.**; PhD **Goosen, E.V.**; Dr. **Kapoguzov, E.A.**; Dr. **Klistorin, V.I.**; Dr. **Litvintzeva, G.P.**; PhD **Melnikov, V.V.**; PhD **Melnikova, L.V.**; Dr. **Shcherbakova, L.N.**; PhD **Shmat, V.V.**; PhD **Teslia, P.N.**; **Veselova, E.Sh.**

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of RAS
Novosibirsk State University
Editorial Office of ECO journal

Editor

ANO Editorial Office of ECO journal
Academician Lavrentyev Av. , 17. Novosibirsk, 630090, Russia

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 4 Медицина периода стресс-тестов

Тема номера: БОЛЕВОЙ СИНДРОМ

- 8 ЕРАХТИНА А.Д.
Инвестиции в здравоохранение,
продолжительность жизни
и экономический рост
- 26 ВОЕВОДА М.И.,
ЧЕРНЫШЕВ В.М.,
СТРЕЛЬЧЕНКО О.В.,
МИНГАЗОВ И.Ф.
Особенности состояния здоровья
трудоспособного населения
в Сибирском федеральном округе
- 43 ТАРАСЕНКО Е.А.,
ДВОРЯШИНА М.М.
Рынок частной медицины в России:
взгляд маркетолога

ТРАНСГРАНИЧНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

- 62 МАКАРОВ А.В.,
МАКАРОВА Е.В.,
МИХЕЕВА А.С.
Внешнеэкономические связи
Монголии: современная ситуация
и проблемы развития

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИЯТИЯ

- 83 ЛЬВОВА О.А.
Реабилитационный потенциал
банкротства бизнеса: определить,
измерить, увеличить

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

- 103 КОМБАРОВ В.Ю.
Факторы становления инженеров
промышленных предприятий
субъектами труда
(социологический портрет)
- 124 БЮРАЕВА Ю.Г.
Какая связь между демографическим
потенциалом и экономическим
развитием Республики Бурятия

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- 145 СИНИЦА А.Л.
Система дошкольного образования
в Сибири: современное состояние
и проблемы развития

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- 164 ГИБАДУЛЛИН А.А.,
ПУЛЯЕВА В.Н.,
ХАРИТОНОВА Е.Н.,
ХАРИТОНОВА Н.А.
Совершенствование
территориальной
электроэнергетической политики
в моногородах России
- 182 БУХАРОВ С.В.
Моногорода и энергетика –
а если серьезно?!

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 Medicine of Stress-Test's Period

Cover Story: PAIN SYNDROME

- 8 ERAKHTINA, A.D.
Medical Investment, Life Expectancy
and Economic Growth
- 26 VOEVODA, M.I.,
CHERNYSHEV, V.M.,
STRELCHENKO, O.V.,
MINGAZOV, I.F.
Physical Conditions of Working
Population in the Siberian Federal
District
- 43 TARASENKO, E.A.,
DVORYASHINA, M.M.
Private Healthcare Market in Russia:
a Marketologist View

CROSS-BORDER INTERACTION

- 62 MAKAROV, A.V.,
MAKAROVA, E.V.,
MIKHEEVA, A.S.
Foreign Economic Relations
of Mongolia: Current Situation
and Development Problems

ECONOMICS OF ENTERPRISE

- 83 LVOVA, O.A.
Rehabilitation Potential of a Business
Bankruptcy: to Determine, to Measure,
to Increase

ECONOMIC SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY

- 103 KOMBAROV, V.Yu.
Factors of the Becoming of Engineers
as Subjects of Labor (Sociological
Portrait)
- 124 BYURAEVA, Yu.G.,
What is the Relationship between
the Demographic Potential and the
Economic Development in the Republic
of Buryatia?

SOCIAL POLICY

- 145 SINITSA, A. L.
Preschool Education System in the
Siberian Federal District: Performance
Indicators and the Living Standards
of Educators

DEBATES

- 164 GIBADULLIN, A.A.,
PULYAEVA, V.N.,
KHARITONOVA, E.N.,
KHARITONOVA, N.A.
Improvement of Territorial Electric
Power Policy in Monotowns of Russia
- 182 BUKHAROV, S.V.
Power and Single-Industry Towns –
are we Serious?!

Медицина периода стресс-тестов

Процесс социальных и экономических изменений, через который проходит Россия на протяжении последних почти 30 лет, значительно изменил привычную (прежде всего для тех, кто застал времена СССР) картину окружающего мира. Изменились не только отношения собственности и системы стимулов и ценностей, многократно возросли роль и значимость многих сфер и направлений человеческой деятельности. К числу последних относится, например, деятельность, связанная с ликвидацией разного рода катастроф. Возросшая сложность технологий вообще и отдельных технических систем в частности, новые политические и социальные рамки и обстоятельства обусловили необходимость создания целого пула соответствующих организаций – от МЧС и национальной гвардии до различных специальных сил быстрого реагирования.

Постепенно от задач реагирования и ликвидации последствий разного рода катаклизмов эти организации переходят к разработке и реализации мер по упреждению и профилактике недопустимых отклонений в функционировании и развитии тех социальных, технологических и иных систем и подсистем, за которые они отвечают.

Одна из подсистем устранения (и предупреждения) чрезвычайных ситуаций получила название «медицина катастроф». Последнюю отличает целый ряд особенностей – от высочайшей квалификации персонала и самого современного технического оснащения до способности обеспечивать сохранность жизни людей в самых сложных и трудно предсказуемых обстоятельствах (что, помимо прочего, предполагает четкую постановку задач и их эффективную реализацию).

Аналогия с медициной катастроф невольно приходит в голову при попытке осмысления тех мер и шагов, которые остро необходимы, чтобы сохранить и приумножить самое дорогое достояние страны – жизнь и здоровье ее граждан, независимо от того, кто они, где живут и чем занимаются.

Те реформы и процессы, через которые более 30 лет методом проб и ошибок идет (пробирается) наша страна, на мой взгляд, вполне можно сравнить с неким стресс-тестом – проверкой страны и общества на устойчивость и выживаемость. Многие из тех мер, что были реализованы на нашем пути в лучшее будущее, не могли не вызвать в обществе болевой реакции и связанных с ней стрессов, разрушительно воздействующих на здоровье и благополучие людей. В результате в российском обществе сформировались все признаки болевого синдрома – ощущение неуверенности, страха и связанные с этим негативные настроения и ожидания.

Как представляется автору, наличие подобного болевого синдрома является одной из причин (скрытым механизмом) снижения продолжительности жизни как в краткосрочном, так и в долгосрочном периоде и потому не позволяет корректно применять разработанные для совсем других условий методы оценки и анализа взаимосвязи расходов на здравоохранение, продолжительности жизни и экономического роста (статья А. Ерахтиной). Стрессовое воздействие социальных преобразований в России оказалось настолько велико, что, несмотря на увеличение расходов на здравоохранение, стране до сих пор не удалось нивелировать их влияние на здоровье и, соответственно, продолжительность жизни населения.

К сожалению, осознание затяжного характера стрессовой ситуации в обществе с позиции состояния здоровья и продолжительности жизни граждан в полной мере пока не наступило. Об этом свидетельствуют предпринимаемые меры по оптимизации и стандартизации системы здравоохранения, которые не дают желаемого результата: продолжительность жизни почти не растет, смертность находится на высоком уровне, кадровый потенциал системы здравоохранения не получает должного развития. А частная медицина со всем арсеналом новых маркетинговых продуктов, применяемых для ее продвижения на рынок, вряд ли способна кардинально изменить не слишком радужную картину. Особенно это касается регионов, значительно удаленных от центра и не имеющих тех возможностей, которыми располагают крупные города (см. статью Е. А. Тарасенко и М. М. Дворяшиной).

Очевидно, что слабое влияние российского здравоохранения на состояние здоровья населения объясняется не только

и не столько проблемами структурного характера или несбалансированностью мер поддержки и распределения финансовых ресурсов, сколько особенностями самого подхода к развитию медицины в местах работы и проживания людей.

Впрочем, с точки зрения понимания важности данного обстоятельства в Сибири, по крайней мере, мало что изменилось за прошедшие почти полтора столетия. Еще в 1880-е годы в Красноярске обсуждение этой проблемы было инициировано «выпускниками академий, дипломированными врачами» В.М. Крутовским, П.И. Рачковским, П.И. Мажаровым и др., которые начали активную работу «за формирование гражданского общества»¹, поскольку, по их мнению, улучшение здоровья населения невозможно без изменения роли и осознания значимости местных сообществ в этом важнейшем деле. Именно поэтому Владимир Михайлович Крутовский (1856–1938), который начал службу окружным сельским врачом в городе Ачинске и закончил свой жизненный путь на врачебном поприще в Красноярске, очень много делал не только для развития здравоохранения, но и улучшения условий жизни в родной Сибири – прежде всего, развития просвещения и культуры².

Несколько лет на начальном этапе своей деятельности он посвятил изучению состояния здоровья рабочих Енисейских золотых приисков. В поле его зрения оказались не только местная медицина, но и условия труда и отдыха горнорабочих. Сегодняшние исследования в традиционных отраслях сибирской экономики показывают, что условия труда по-прежнему оставляют желать много лучшего с точки зрения влияния на здоровье работников (см. статью М.И. Воеводы, В.М. Чернышева, О.В. Стрельченко, И.Ф. Мингазова).

Уже в советское время другой ученый, автор книг и работ по истории отечественной медицины и быту переселенцев профессор Николай Яковлевич Новомбергский (1871–1949)³, активно

¹ Броднева А.В. Кто Вы, доктор Крутовский? Красноярск, 2014. 278 с. [С. 4].

² Шишкин В.И. Крутовский Владимир Михайлович // Историческая энциклопедия Сибири / «К-Р». Новосибирск: СО РАН. Институт истории, Издательский Дом «Историческое наследие Сибири». 2009. 808 с. [С. 213].

³ Новомбергский Н.Я. По Сибири. Сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. Санкт-Петербург: Типография Дома призрения малолетних бедных. 1903 (переизд. М.: Директ-Медиа. 2014. 349 с.); Шишкин В.И. Новомбергский Николай Яковлевич // «Историческая энциклопедия Сибири» / «К-Р». Новосибирск: СО РАН. Институт истории, Издательский Дом «Историческое наследие Сибири». 2009. 808 с. [С. 492].

работавший в 1920–1928 гг. в экономическом отделе Сибревкома и Сибирской плановой комиссии, совсем не случайно ратовал за включение в генеральный план развития Сибири на период 1926/27–1940/41 гг. мер по созданию современных условий труда и жизни сибиряков⁴. «Руководство всей работой принадлежало особой Комиссии под председательством проф. Н. Я. Новомбергского», которая предложила «курс на колонизацию вместо переселения (то есть, вместо механической переброски, создание условий, гарантирующих действительную приживаемость эмигрантов)»⁵.

В основе «стресс-медицины» сибирских врачей лежал подход, при котором проблемы здравоохранения (здоровья и, в конечном счете, продолжительности жизни) должны рассматриваться и решаться обязательно с учетом местных условий и особенностей работы и жизни населения.

Развитие медицины в подобном направлении невозможно без расширения финансовых возможностей, прав и полномочий органов местного самоуправления. Вопросы здравоохранения не могут быть исключены из поля зрения местных сообществ. Однако предпочитаемые российскими реформаторами меры «оптимизации и стандартизации», а также следование усредненному «нормативному» подходу, на взгляд автора, не способны не только снять ту стрессовую атмосферу, в которой пребывают жители страны на протяжении последних лет, но и добиться сколь-нибудь существенного влияния на состояние их здоровья.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

⁴ Основные положения Генерального плана развития народного хозяйства Сибирского края 1926/27–1940/41. Новосибирск: Сибирская плановая комиссия. 1927. 132с.

⁵ Там же. С. 25.

Инвестиции в здравоохранение, продолжительность жизни и экономический рост

А.Д. ЕРАХТИНА, магистр экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский государственный университет, Новосибирск. E-mail: alex.erahtina@gmail.com

Аннотация. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении и смертность рассматриваются как важнейшие аспекты экономического развития человечества. За три последних столетия оба этих показателя увеличились практически вдвое, причем во всех географических и демографических частях мира. Данная статья рассматривает влияние параметров продолжительности жизни, инвестиций в здравоохранение и тесно связанных с ними медицинских инноваций на снижение смертности и, в конечном счете, экономический рост. Изучается и обратное воздействие – экономического роста на продолжительность жизни и здоровье населения. В статье обсуждаются факторы, которые на протяжении нескольких столетий формировали сложившиеся в настоящее время уровни продолжительности жизни в различных странах мира. Далее показаны особенности инвестиционной активности и внедрения инновационных технологий в систему здравоохранения как основных факторов вклада здравоохранения в ВВП. Проводится анализ воздействия всех вышеперечисленных факторов на экономический рост.

Ключевые слова: экономика здравоохранения; инновации; экономический рост; продолжительность жизни

Введение

Человеческое благосостояние чаще всего измеряется в терминах среднедушевого дохода или ВВП на душу населения. Однако не один лишь доход определяет уровень общественного благополучия. Например, Индекс Человеческого Развития, помимо дохода, учитывает такие характеристики, как образование, средняя продолжительность жизни, здоровье и др. Кроме того, широкими мерами развития человечества являются показатели ожидаемой продолжительности жизни и уровня смертности. В этой работе они рассматриваются как взаимосвязанные характеристики, хотя в некотором смысле могут считаться и взаимобратными.

В числе рассмотренных автором факторов снижения смертности в долгосрочной исторической ретроспективе одно

из важнейших мест занимает улучшение состояния здоровья как прямое следствие развития медицины, санитарной гигиены и в целом системы здравоохранения. А одним из ключевых параметров качества здравоохранения является уровень инвестиций. Поэтому мы проанализировали также влияние инвестиций в здравоохранение на продолжительность жизни населения. Кроме того, в статье исследуется роль инноваций как одного из основных связующих звеньев между инвестициями в систему охраны здоровья и повышением ее эффективности. Наконец, показана взаимосвязь показателей снижения смертности и экономического роста.

Большинство рассмотренных исследований и лежащих в их основе данных не охватывают весь мир. Благодаря наличию достоверных источников наиболее «продвинутыми» считаются исследования по США и ОЭСР, на которые и опирается автор.

Факторы, определяющие долгосрочную тенденцию снижения смертности

Логически рассуждая, следует связывать уровень смертности с уровнем национального дохода, который во многом определяет качество питания и доступность медицинской помощи: чем выше доход, тем ниже уровень смертности и выше продолжительность жизни. В исторической перспективе огромное значение имеет также уровень знаний (образования), поскольку осведомленность людей об основах гигиены и охраны здоровья, как и появление новых медицинских знаний и технологий помогают бороться с заболеваниями и увеличивать продолжительность жизни людей.

В своем масштабном исследовании Р. Фогель показывает, как уровень смертности изменялся в западных странах между 1700 г. и 1980 г. [Fogel, 1986]. Так, в США за этот период произошло снижение смертности на 35 п.п., а в Великобритании – на 21. Ученый обратил внимание, что большая часть этого сдвига произошла до 1911 г., что, по его мнению, было связано главным образом с совершенствованием медицинских знаний и технологий. Экономисты в области здравоохранения Престон и ван де Вэлле на первое место среди положительных факторов ставят улучшение в системах водоснабжения и канализации. Но в целом, очевидно, следует признать, что на снижение смертности

повлиял целый комплекс факторов, среди которых из-за отсутствия достоверных данных очень сложно выделить ключевые.

В частности, в список возможных причин снижения смертности нельзя не внести заметные улучшения в сфере питания, на которые обратил внимание британский врач и историк медицины Т. Маккиоун¹, а также практику массовой вакцинации и другие государственные меры по борьбе с основными заболеваниями в конце XIX века [Easterlin, 2004; Cutler, Miller, 2005].

В целом же следует признать, что все названные факторы, объясняющие тренд, так или иначе связаны с улучшением экономических условий. Эта же закономерность отмечена и в более поздние периоды. Так, в работах Престона показано, что в менее развитых странах в течение 1940–1970 гг. на экономический прогресс приходится до 30% увеличения продолжительности жизни [Preston, 2007].

Влияние роста доходов на снижение смертности отмечает также Х. Бирченалл, предполагая прямое влияние роста благосостояния на улучшение питания, уровень здоровья и образование [Birchenall, 2007]. По его мнению, основной составляющей глобального экономического развития стали изменения, произошедшие в отрасли сельского хозяйства, что обеспечило условия для улучшения качества питания и роста доходов населения. Из-за того, что качественная еда стала более доступной, люди в развитых странах становились выше и тяжелее, а их иммунная система улучшалась. Свою лепту внесли и такие факторы, как, например, очистка воды и пастеризация молока в городах развитых стран. При этом примечательно, что в городах снижение смертности началось значительно позже, чем в сельской местности. Бирченалл также показал, что в развитых странах сельские районы демонстрировали более высокие темпы снижения смертности, чем в развивающихся.

Важно отметить, что, несмотря на отставание развитых стран от развивающихся по темпам роста экономики и численности населения, снижение смертности наблюдалось в обеих группах, а различия в продолжительности жизни между ними сокращались (рис. 1). Сближение показателей ожидаемой продолжительности

---

¹ Его теорию подверг критике другой британец – Раззел, который считал, что в подобном случае самые высокие сокращения смертности были бы сосредоточены среди бедных слоев населения, изменения в рационе которых были наиболее существенными, но на самом деле динамика показателей у бедных и богатых не слишком различалась.

жизни в развивающихся и развитых странах отражено в значительном увеличении показателя для развивающихся стран после 1930 г. Увеличение размера выборки способствует устранению смещённости полученных оценок для менее развитых стран: чем большее количество стран рассматривается в группе, тем меньше средняя продолжительность жизни.

Источник: [Birchenall, 2007].

Рис. 1: Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении для развитых и менее развитых стран в период 1860–2000 гг.

Для измерения влияния экономического развития на снижение смертности Бирченалл оценил эффект дохода, используя динамические панельные оценки. По его расчетам, в течение 1960–1990 гг. для болезней, чувствительных к питанию, показатель составил примерно 45%, а для менее чувствительных – 25%, и этот вклад со временем не уменьшился [Birchenall, 2007].

Итак, снижение уровня смертности можно рассматривать как один из компонентов экономического развития. Но какова причинно-следственная связь? Если перейти от динамических оценок к расчету по кросс-секциям, то обнаружится, что корреляция, например, между показателями младенческой смертности и уровнем доходов составляет отрицательную величину $-0,8$. Это служит подтверждением результатов динамического анализа. Также имеются данные о тесной положительной взаимосвязи между индексом общей смертности, ожидаемой продолжительностью жизни при рождении и уровнем национального дохода [Preston, 2007].

Престон показал, что в 1938–1963 гг. средний прирост национального дохода в США на 16% был обусловлен увеличением продолжительности жизни. К факторам, объясняющим этот рост, относятся прогресс в технологиях, питании, медицинском обслуживании и здравоохранении, медицинская грамотность и даже распространение международных финансовых трансфертов, сильно влияющих на доли национального дохода, которые расходуются на здравоохранение.

Влияние инвестиций в здравоохранение на снижение смертности

Рассматривая проблему инвестиций в общественное здравоохранение, нельзя не отметить тот огромный вклад, который внесли в её изучение Д. Катлер и Г. Миллер, проанализировав последствия внедрения технологий очистки воды, таких как фильтрация и хлорирование, в крупных городах Северной Америки в начале XX века.

Пытаясь найти объяснение эпидемиологического перехода и исчезновения «городского проклятия»², которые по сути представляют собой резкое снижение инфекционной заболеваемости ввиду внедрения новых технологий, они изучили основные исторические предпосылки усовершенствования системы общественного здравоохранения. Согласно их исследованиям, в период 1900–1936 гг. в США наблюдалось значительное снижение смертности, в особенности – детской (в пять раз) (табл. 1). А некоторые заболевания (например, брюшной тиф) практически исчезли благодаря применяемым санитарным мерам [Cutler, Miller, 2005].

По их оценке, введение в 1900–1936 гг. новых технологий очистки воды объясняет 43% общего снижения смертности, и 74% и 62% младенческой и детской смертности, соответственно. Ближе к концу рассмотренного периода эффект от внедрения этих технологий значительно усилился: если поначалу смертность от брюшного тифа снизилась на 26%, то в 1920–1936 гг.

---

² Эпидемиологический переход – концепция, выдвинутая в 1971 г. американским демографом и социал-гигиенистом А. Омраном для объяснения процесса исторической эволюции смертности и заболеваемости. Под ним понимается изменение интенсивности и структуры причин смертности от состояния, при котором основная масса людей умирает от принципиально устранимых заболеваний, к состоянию, когда наибольший вклад в смертность вносят патологии, связанные с процессом старения. URL: <http://demographia.ru/node/818>

снижение достигло 90%. При этом ученые признают, что важным фактором также стало распространение сведений о санитарных нормах и активное стимулирование населения следовать им.

Таблица 1. Эволюция общей, младенческой, детской смертности и смертности от брюшного тифа в крупных городах США в 1900 г., 1920 г., 1936 г., смертей на 100 тыс. чел.

Смертность	1900		1920		1936	
	среднее	ст. откл.	среднее	ст. откл.	среднее	ст. откл.
Всего	1,935	316	1,492	222	1,354	287
Младенческая	18,931	2,921	11,953	1,752	7,130	2,435
Детская	2,818	1,360	1,260	167	522	267
От брюшного тифа	47	33	4	2	2	2

Источник: [Cutler, Miller, 2005].

Системы водоснабжения в ту пору были довольно дорогостоящими, например, в пересчете на покупательную стоимость доллара в ценах 2003 г. такая система для большого города стоила примерно 300 млн долл. Но и общие выгоды оказывались нешуточными, составляя чуть менее 700 млн долл. в год (из них на амортизацию приходилось всего 30 млн). Расчетная отдача от технологий отчистки воды составляла 23 долл. на 1 долл. инвестиций. Ежегодные сэкономленные затраты равнялись в среднем 500 долл. на человека (в ценах 2003 г.), варьируясь от 291 до 1775 долл.

В XIX веке ведущим фактором увеличения продолжительности жизни и сокращения числа инфекционных заболеваний стало развитие биотехнологий и их внедрение в медицину (прививки и бактерицидная терапия) [Easterlin, 2004]. Тогда же усилилось влияние на эти показатели уровня образования, а воздействие экономического роста и повышения уровня жизни, напротив, снизилось.

Это вполне объяснимо, поскольку соблюдение правил гигиены и санитарии определяется не только уровнем дохода, но и общественными нормами, традициями и верованиями. Нарушение гигиенических стандартов было одной из самых серьезных проблем, ведущих к распространению эпидемий, особенно в крупных городах (считается, что именно урбанизация в свое время способствовала распространению массовых заболеваний). «Правильные» же привычки стали возникать не из-за принуждения, а скорее из-за повышения осведомленности людей

о возможных последствиях антисанитарного поведения и принципах распространения болезней. Эта осведомленность, в свою очередь, во многом зависела от уровня общего образования и распространения медицинских знаний. Благотворные изменения в поведении граждан являлись своего рода их частными инвестициями в состояние собственного здоровья.

Изменения в условиях окружающей среды также могли сыграть значительную роль в предотвращении передачи инфекций. Сюда можно отнести, например, помимо уже упомянутого улучшения водоснабжения, такие общественные блага, как борьба с паразитами и грызунами, утилизация отходов, спрос на которые создавался в том числе по мере роста доходов.

Не всегда процесс внедрения новых технологий в здравоохранении идет гладко. Иммунизация и вакцинация, к примеру, и сегодня остаются предметом широких споров, поскольку 1) они порождают проблему «безбилетника», снижая стимулы к иммунизации у отдельных лиц, полагающих, что наличие прививки у большинства населения уже является достаточным барьером для распространения инфекции; 2) существует зависимость детей от решения родителей об иммунизации; 3) из-за пробелов в санитарно-гигиеническом образовании многие люди не понимают, что в определенный период после иммунизации риск заболеть при общении с зараженными возрастает и др. Много вопросов вызывает проблема риска неправильной дистрибуции антибиотиков. Как известно, чрезмерное и/или бесконтрольное их применение способствует появлению штаммов бактерий, устойчивых к лекарствам.

Необходимо особо отметить, что значительная часть вклада в снижение инфекционной заболеваемости принадлежит не отдельным лицам или фирмам, а огромной армии практикующих врачей и исследователей, изучавших причины распространения болезней и занимавшихся поисками эффективных средств борьбы с ними. Кроме того, в создании системы общественного здравоохранения, организации массовой вакцинации, инспекции, поддержания карантинных режимов и т.д. чрезвычайно важна организующая роль государства. Именно с подачи государственных органов микробная теория стала доминирующей в обучении врачей и медсестер. Во многих случаях государственные институты работали в тесном контакте с добровольными ассоциациями,

которые способствовали осведомленности людей об основных санитарных мерах [Easterlin, 1999].

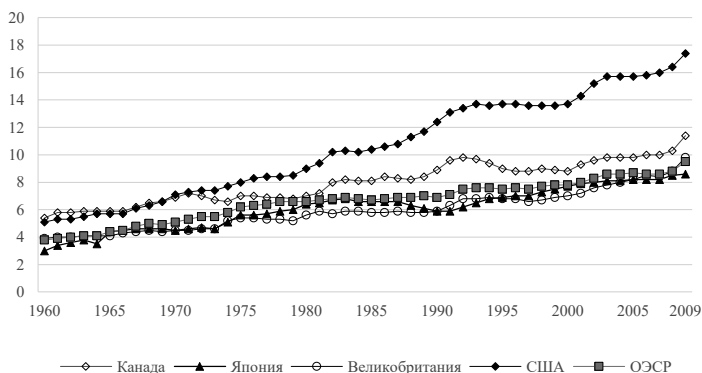
Медицинские инновации: оптимальные инвестиции и рост затрат

За три последних столетия ожидаемая продолжительность жизни человека при рождении выросла практически вдвое, согласно статистике ОЭСР. Темпы роста менялись от десятилетия к десятилетию, но охвачены были все регионы мира. Даже расположенные к югу от Сахары страны с самыми высокими показателями смертности, обусловленной широким распространением эпидемиологических заболеваний, включая ВИЧ, превысили средний исторический уровень.

В странах ОЭСР ожидаемая продолжительность жизни в 1960–2009 гг. возрастала в среднем на 3–4 месяца ежегодно. Всего за этот период жители ОЭСР получили около 11 дополнительных лет жизни. А жители Республики Корея, Чили, Мексики и Турции – по 20 лет и больше.

Вряд ли существует возможность выявить все причины для объяснения этого факта, но если взглянуть на проблему с точки зрения связи между уровнем дохода и уровнем здоровья, нетрудно заметить, что существуют два основных связующих фактора. Это 1) влияние дохода на формирование материальных условий биологического выживания, и 2) его влияние на социальную активность и способность контролировать жизненные обстоятельства [Marmot, 2002]. Расходы на здравоохранение относятся к первому фактору и служат предметом исследований многих экономистов. Помимо прочего, такой интерес объясняется их постоянным ростом в странах ОЭСР. За период с 1960 по 2009 гг. доля расходов на здравоохранение в ВВП по ОЭСР в целом выросла почти на 12 п.п., а в США – более чем втрое (рис. 2).

Некоторые ведущие экономисты сходятся во мнении, что «основной причиной увеличения доли отрасли здравоохранения в ВВП в последние 30 лет являются (дорогостоящие) технологические изменения в медицине» [Fuchs et al., 1996]. Но вряд ли можно спорить с тем, что сыграло роль и само по себе повышение уровня жизни и благосостояния населения [Blomqvist, Carter, 1997]. Как правило, чем богаче человек, тем больше он вкладывает в свое здоровье.

Источник: OECD Health Data 2011.

Рис. 2: Доля расходов на здравоохранение в ВВП в 1960–2009 гг., выборка стран ОЭСР, %

В наши дни на общий уровень здоровья сильнее всего влияет совершенствование медицинских знаний, а ключевым здесь является процесс исследований и разработок [Davis et al., 2006]. При этом, конечно, инновационный процесс не ограничивается только разработкой, здесь чрезвычайно важны такие факторы, как потребность в инновации, ее эффективность с точки зрения затрат, широта распространения новшеств, возможное воздействие на окружающую среду и др.

Примечательно, что определение оптимального объема инвестиций в медицинские инновации во многом зависит от применяемого подхода к оценке их эффективности. В частности, экономическую эффективность обычно измеряют в терминах *статического потребительского излишка*, который, по мнению Филипсона и Джина, не может быть лучшей мерой, ведь социальные издержки и выгоды от НИОКР определяет не статическая, а *динамическая эффективность*³. Кроме того, они обратили внимание, что возможность присвоения части потребительского излишка компаниями, осуществляющими инновации, является стимулом для НИОКР и, следовательно, условием достижения

³ В микроэкономике статический потребительский излишек определен как суммарная выгода всех субъектов, которые приобретают за короткий период некий товар по равновесной рыночной цене, более низкой, чем они были бы готовы заплатить. В динамике потребительский излишек определен не на коротком временном интервале, а на протяжении жизни многих поколений.

динамической эффективности, в то время как отсутствие патентной системы хотя и повышает рентабельность имитаторов инноваций (позволяя им использовать новую технологию практически задаром), дестимулирует НИОКР и снижает динамическую эффективность [Philipson, Jena, 2006].

Яркий пример – лекарства для борьбы с заболеваемостью ВИЧ / СПИДом. Новые средства в этой нише появились на рынке в конце 1980-х годов, что привело к резкому снижению уровня смертности. Эти препараты считались высокоэффективными с точки зрения затрат. Их совокупный излишек потребителя за 20 лет значительно вырос и достиг своего пика (29,62 млрд долл. США) в 2000 г. (табл. 2). При этом валовая потенциальная ценность выживания⁴ для всех пациентов с ВИЧ / СПИДом за рассматриваемый период увеличилась почти на 400 млрд долл. Однако, несмотря на то, что цены на лечение весьма высоки, уровень присвоения излишка производителями составил всего 5%. Это иллюстрирует тот факт, что чем выше эффективность лечения, тем меньше доля социального излишка, присвоенного производителем, благодаря использованию патентной системы.

Таблица 2. Валовая потенциальная ценность выживания пациентов с ВИЧ / СПИДом в 1980–2000 гг., США

Год	Заболеваемость ВИЧ, чел.	Индивидуальные затраты на лечение, долл./чел	Сумма потребительского излишка, млрд долл.
1980	20,000	17,655	0,35
1985	160,000	146,874	23,50
1990	40,000	322,311	12,89
1995	40,000	613,839	24,55
2000	40,000	740,515	29,62
Общая дисконтированная стоимость потребительского излишка за период 1980–2000 гг. (в ценах 2000 г.)			398

Источник: [Philipson, Jena, 2006].

Несмотря на то, что присвоение социального излишка производителями, несомненно, важно для стимулирования инвестиций в НИОКР, в теории все еще существуют пробелы касательно точной оценки оптимального ассигнования: необходима ли поддержка со стороны правительства, или же 5% уровня присвоения

⁴ Определенная как экономия от лечения эффективными препаратами, полученная благодаря разработке и удешевлению последних.

социального излишка уже достаточно для возмещения расходов на НИОКР и обеспечения стимулов к инновациям.

Отметим, что статическая максимизация потребительского излишка приводит только к статической эффективности, что характеризуется низким уровнем отдачи для производителя. Достижение же динамической эффективности, напротив, приводит к оптимальному уровню присвоения прибыли производителями в сочетании с приемлемым излишком потребителей.

В свою очередь на *излишек производителей* негативно влияют следующие факторы:

- государственное регулирование, монопольное ценообразование;
- трудности получения патентов (из-за жесткого контроля уникальности внедряемых технологий и длительного контроля безопасности новых лекарственных средств и технологий лечения).

Вопросы ценообразования чрезвычайно важны для повышения доступности новых запатентованных медицинских продуктов и поддержки будущих инновационных инициатив. Как снизить смертность, если эффективное лечение от тяжелых заболеваний населению не по карману?

Как показывает практика, из всех секторов экономики инновации повышают цены только в здравоохранении [Chandra, Skinner, 2012]. Именно поэтому большинство ведущих экономистов в области здравоохранения склоняются к тому, что «основной причиной увеличения доли сектора здравоохранения в мировом ВВП в последние 30 лет являются технологические изменения в медицине» [Chandra, Skinner, 2012]. Был даже подсчитан размер вклада новых технологий в рост расходов на здравоохранение – на уровне 38–62% [Heffler et al., 2001].

Однако увеличение расходов на здравоохранение может также отражать неэффективное использование ресурсов или неспособность должным образом учитывать экономическую эффективность. В 1940–1998 гг. расходы на здравоохранение в США опережали годовую динамику ВВП на 2,2 п.п. При этом эксперимент по медицинскому страхованию Rand Health Insurance Experiment, проведенный с 1974 г. по 1982 г. в США (5809 жителям США были назначены разные схемы медицинского страхования для измерения их эффективности), показал, что увеличение страхового покрытия расходов на медицинское обслуживание практически

не сказывается на объеме потребляемых услуг здравоохранения на душу населения [Newhouse et al., 1993].

Чандра и Скиннер с помощью сложных математических моделей показали, что продуктивность системы здравоохранения опирается на неоднородность эффектов лечения среди разных групп пациентов, форму производственной функции здравоохранения (зависимости здоровья от использования ресурсов на лечение и профилактику) и структуру затрат на медицинские услуги [Chandra, Skinner, 2012]. Согласно этому принципу, они делят инновации на три категории:

1) высокоэффективные инновационные методы лечения с небольшой вероятностью чрезмерного применения (пример – антиретровирусная терапия при ВИЧ);

2) лечение, особо эффективное для некоторых пациентов, но не для всех (стенты);

3) методы лечения с неопределенной клинической ценностью (отделения интенсивной терапии для хронически больных пациентов).

По их мнению, страны с преобладающей первой и эффективной второй категорией в среднем достигают наибольших улучшений в уровне здоровья населения, тогда как страны со слабо выраженной второй и активно применяемой третьей категориями инноваций получают значительное увеличение затрат на здравоохранение без существенного улучшения качества медицины. То есть не развитие технологии само по себе, а преобладание того или иного типа инноваций влияет на баланс расходы/результат в здравоохранении. Это частично объясняет огромные и недостаточно эффективные расходы на здравоохранение в США. Фактически американская система, основанная на добровольном медицинском страховании и рыночных механизмах финансирования, способствует росту расходов на медицинскую помощь и снижению её доступности для широких слоёв населения [Улумбекова, 2012].

Другой аспект проблемы инноваций в здравоохранении – повышается ли их качество вслед за увеличением стоимости? Хальт, Джаффе и Филипсон изучили огромное количество технологий, внедренных в течение 50 лет, на предмет оценки эффективности затрат [Hult et al., 2018].

В частности, они оценили коэффициент повышения экономической эффективности (incremental cost-effectiveness ratio, ICER), который отражает соотношение цена/качество с учетом изменения инновационных стандартов системы здравоохранения. В общей сложности анализ 12 560 различных НИОКР показал, что затраты на инновации укладываются в ценовой диапазон (в пересчете на доллары США 2014 г.) от 282 до 315 тыс. долл. и диапазон качества – от 0,27 до 27 QALY (quality-adjusted life years, лет жизни, добавленных лечением, с поправкой на качество жизни)⁵. То есть инновации в целом приводят к созданию более дорогих, но и более качественных и экономически эффективных методов лечения, чем те, на смену которым они приходят.

В целом увеличение расходов на здравоохранение в условиях развития инновационных технологий следует изучать более детально, так как в течение последних 50 лет прогресс в инновациях продвигался с разной скоростью, с сопутствующим ростом и снижением цен и качества лечения, что делает данные слишком массивными и труднообозримыми. Для более глубокого исследования этот период следует разделить на несколько подпериодов, согласно выявленным тенденциям, а инновации, которые невозможно усреднить из-за их радикально новых характеристик, целесообразно разделить на подтипы (как, например, в исследовании Чандры и Скиннера).

Продолжительность жизни и экономический рост

Согласно основам экономической теории, существует несколько аспектов влияния улучшения здоровья населения на экономический рост. Наиболее очевидный и распространенный из них: чем лучше здоровье, тем продолжительнее трудоспособность и выше производительность. Кроме того, как отмечают Жанг и Ли, увеличение продолжительности жизни побуждает людей чаще делать крупные сбережения, и это служит дополнительным ресурсом для инвестиций и экономического роста [Zhang et al., 2003]. Мигель и Кремер предполагают, что долголетие побудит людей вкладывать больше средств в образование (человеческий

---

⁵ В расчетах не учитывались 5%-е «хвосты» распределения ввиду наличия аномально больших и малых затрат.

капитал), что также стимулирует экономическое развитие [Miguel, Kremer, 2004]. Используя межстрановые панельные данные, экономист ОЭСР Мартин показал действие еще одного фактора: в странах с низким уровнем детской смертности наблюдается низкий уровень рождаемости, что, ограничивая рост населения, сдерживает экономический рост, но увеличивает ВВП на душу населения.

При анализе влияния здоровья на экономический рост удобнее всего рассматривать здоровье как особую форму человеческого капитала.

В современной литературе господствуют два основных подхода.

1. Здоровье рассматривается как одна из составляющих производственной функции (подход Лукаса). Основываясь на этой концепции, Мэнкью предположил, что улучшение здоровья должно способствовать росту выпуска [Mankiw et al., 1992]⁶.

2. Более высокий уровень здоровья приводит к экономическому росту за счет содействия технологическим инновациям. Другими словами, уровень здоровья должен коррелировать с производительностью (подход Нельсона-Фелпса) [Nelson, Phelps, 1966]. Используя этот подход, Лорентцен, МакВиллиан и Вакзиарг обнаружили, что показатели смертности, в отличие от продолжительности жизни, сильно влияют на уровень доходов. В частности, смертность среди взрослого населения, по-видимому, отражается в форме снижения доходов в Африке за период 1960–2000 гг. [Lorentzen et al., 2008].

Для того, чтобы проиллюстрировать различия между двумя основными подходами, Агион, Ховитт и Мартин предложили следующую модель [Aghion et al., 2010]:

$$\Delta \log y_i = a + b \Delta \log LE_i + c \log LE_{i,0} + d \log y_{i,0} + u_i$$

где $\Delta \log y_i$ – ежегодное изменение логарифма ВВП на душу населения в стране i , умноженное на 100; $\Delta \log LE_i$ – ежегодное

---

⁶ Отметим следующее: когда Асемоглу и Джонсон в 2007 г. провели межстрановой анализ влияния увеличения ожидаемой продолжительности жизни на рост душевого ВВП, их расчеты, хоть и показали наличие этой зависимости, но она была статистически не значима [Acemoglu, Johnson, 2007]. Кроме того, было подтверждено, что страны, в которых наблюдался быстрый рост ожидаемой продолжительности жизни, не продемонстрировали соответствующих темпов ускорения роста доходов. Нужно отметить, что исследования этих взаимосвязей продолжаются и по сей день.

изменение логарифма продолжительности жизни в стране i , умноженное на 100; $\log LE_{i,o}$ – логарифм продолжительность жизни в начале наблюдаемого периода; $\log y_{i,o}$ – логарифм уровня ВВП на душу населения в начале наблюдаемого периода; u_i – ошибка аппроксимации.

Достоинством модели является ее универсальность, она объединяет оба названных подхода: если $c=0$, мы получаем первый из них, и если $b=0$ – второй.

Статистическое оценивание параметров модели показало, что продолжительность жизни в начале наблюдаемого периода является значимым фактором, то есть он может работать вместо показателя смертности. Однако регрессия логарифма душевого ВВП на рост продолжительности жизни (подход Лукаса) не дает значимых результатов даже при добавлении эндогенного уровня ВВП на душу населения в начале наблюдаемого периода.

Показатель ожидаемой продолжительности жизни может рассматриваться как эндогенный фактор. Чтобы это доказать, Агион, Ховитт и Мартин использовали методы Лорентцена, МакВиллиана и Вакзиарга [Aghion et al., 2010]. В итоге им удалось подтвердить причинно-следственную связь между увеличением ожидаемой продолжительности жизни и ростом доходов.

Заключение

Увеличение продолжительности жизни и снижение уровня смертности находятся под действием множества различных факторов, индивидуальное влияние каждого из них чрезвычайно сложно выявить. Более того, их значимость может меняться в разные исторические периоды. Наибольший эффект в сокращении смертности в XIX веке был достигнут благодаря резкому снижению инфекционной заболеваемости в результате появления эффективных методов контроля над распространением инфекций, введения массовой иммунизации и применения антимикробной терапии. Развитие медицины и медицинских технологий считается неоспоримой причиной снижения смертности на протяжении нескольких столетий. Экономическое развитие способствует росту доходов, а вместе с ним – благоприятным изменениям в питании, образе жизни, доступности медицинской помощи, непосредственно влияющим на здоровье и продолжительность жизни. Важный вклад внесли улучшение условий

жизни (внедрение водоснабжения и канализации, совершенствование технологий очистки воды), а также распространение медицинской грамотности и санитарных норм.

Одним из основных факторов, влияющих на здоровье и продолжительность жизни, является совершенствование медицинских технологий. Но постоянно растущий уровень затрат на медицинские инновации не всегда находит адекватное отражение в повышении качества и эффективности здравоохранения. Поэтому очень важно уделять больше внимания правильной оценке затрат на такие инновации и ценообразованию на новые медицинские продукты, с целью повысить доступность эффективных методов лечения для населения, не забывая при этом о стимулировании производителей к инвестированию в НИОКР.

Увеличение продолжительности жизни, несомненно, влияет на экономический рост. Несмотря на то, что причинно-следственная связь начальной ожидаемой продолжительности жизни и уровня доходов более или менее выявлена, по-прежнему ведутся споры о влиянии увеличения ожидаемой продолжительности жизни на рост душевого ВВП.

Литература /References

Улумбекова Г.Э. Реформа здравоохранения США: уроки для России // Социальные аспекты здоровья населения. 2012. Т. 27. № 5.

Ulumbekova, G. (2012). Healthcare reform in the USA: lessons for Russia. *Social'nye aspekty zdorov'a naselenia. Social aspects of population health*. No. 27(5). (In Russ.).

Acemoglu, D., & Johnson, S. (2007). Disease and development: the effect of life expectancy on economic growth. *Journal of political Economy*. No. 115(6). Pp. 925–985.

Aghion, P., Howitt, P., & Murtin, F. (2010). The relationship between health and growth: when Lucas meets Nelson-Phelps (No. w15813). National Bureau of Economic Research.

Birchenall, J.A. (2007). Economic development and the escape from high mortality. *World development*. No. 35(4). Pp. 543–568.

Blomqvist, Å. G., & Carter, R. A. (1997). Is health care really a luxury? *Journal of health economics*. No. 16(2). Pp. 207–229.

Chandra, A., & Skinner, J. (2012). Technology growth and expenditure growth in health care. *Journal of Economic Literature*. No. 50(3). Pp. 645–80.

Cutler, D., & Miller, G. (2005). The role of public health improvements in health advances: the twentieth-century United States. *Demography*. No. 42(1). Pp. 1–22.

Davis, S.J., Murphy, K.M., & Topel, R.H. (2006). *War in Iraq versus containment* (No. w12092). National Bureau of Economic Research.

Easterlin, R.A. (1999). How beneficent is the market? A look at the modern history of mortality. *European Review of Economic History*. No. 3(3). Pp. 257–294.

Easterlin, R.A. (2004). *The reluctant economist: Perspectives on economics, economic history, and demography*. Cambridge University Press.

Fogel, R.W. (1986). Nutrition and the decline in mortality since 1700: some preliminary findings. In *Long-term factors in American economic growth*. Pp. 439–556. University of Chicago Press.

Fuchs, V.R. (1996). Economics, values, and health care reform. *American Economic Review*. No. 86(1). Pp. 1–24.

Hult, K.J., Jaffe, S., & Philipson, T.J. (2018). How Does Technological Change Affect Quality-Adjusted Prices in Health Care? Systematic Evidence from Thousands of Innovations. *American Journal of Health Economics*. No. 4(4). Pp. 433–453.

Heffler, S., Levit, K., Smith, S., Smith, C., Cowan, C., Lazenby, H., & Freeland, M. (2001). Health spending growth up in 1999; faster growth expected in the future. *Health Affairs*. No. 20(2). Pp. 193–203.

Lorentzen, P., McMillan, J., & Wacziarg, R. (2008). Death and development. *Journal of economic growth*. No. 13(2). Pp. 81–124.

Mankiw, N.G., Romer, D., & Weil, D.N. (1992). A contribution to the empirics of economic growth. *The quarterly journal of economics*. No. 107(2). Pp. 407–437.

Marmot, M. (2002). The influence of income on health: views of an epidemiologist. *Health affairs*. No. 21(2). Pp. 31–46.

Miguel, E., & Kremer, M. (2004). Worms: identifying impacts on education and health in the presence of treatment externalities. *Econometrica*. No. 72(1). Pp. 159–217.

Nelson, R.R., & Phelps, E.S. (1966). Investment in humans, technological diffusion, and economic growth. *The American economic review*. No. 56(1/2). Pp. 69–75.

Joseph P. Newhouse, Rand Corporation. Insurance Experiment Group, & Insurance Experiment Group Staff. (1993). *Free for all?: lessons from the RAND health insurance experiment*. Harvard University Press.

Philipson, T.J., & Jena, A.B. (2006). Surplus appropriation from R&D and health care technology assessment procedures (No. w12016). National Bureau of Economic Research.

Preston, S.H. (2007). The changing relation between mortality and level of economic development. *International journal of epidemiology*. No. 36(3). Pp. 484–490.

Zhang, J., Zhang, J., & Lee, R. (2003). Rising longevity, education, savings, and growth. *Journal of Development Economics*. No. 70(1). Pp. 83–101.

Статья поступила 03.04.2019.

Для цитирования: Ерахтина А.Д. Инвестиции в здравоохранение, продолжительность жизни и экономический рост// ЭКО. 2019. № 6. С. 8-25. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-6-8-25.

For citation: Erakhtina, A.D. (2019). Medical Investment, Life Expectancy and Economic Growth. *ECO*. No. 6. Pp. 8-25. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-6-8-25.

Summary

Erakhtina, A. D., Master of Economics, IEIE SB RAS, NSU, Novosibirsk

Medical Investment, Life Expectancy and Economic Growth

Abstract. Life expectancy at birth almost doubled during the last three centuries, in all geographical and demographical parts of the world. Such indicators as life expectancy and death rates, reviewed and examined in the article, are considered to be the most important components in overall human economic development. The article is devoted to long-term analysis of longevity significance, along with the role of investment in healthcare and close-related medical innovation in declining mortality, and, finally, to the overall economic growth, conditional on these factors. Firstly, the article provides analysis of factors, forming current patterns of life expectancy trends all over the world for several centuries. Next, there is a discussion concerning features of investment activity and innovation implementation in healthcare, with the latter being the main factors increasing the share of healthcare industry in GDP. Finally, the article includes analysis of impact of all the aforementioned relations on economic growth.

Keywords: *medical innovation; life expectancy; economic growth; Health Economics*

Особенности состояния здоровья трудоспособного населения в Сибирском федеральном округе

М.И. ВОЕВОДА, доктор медицинских наук, академик РАН, директор НИИ терапии и профилактической медицины СО РАН. E-mail: mvoevoda@yandex.ru

В.М. ЧЕРНЫШЕВ, доктор медицинских наук, Новосибирский государственный медицинский университет, НИИ травматологии и ортопедии им. Я.Л. Цивьяна. E-mail: chernyshe-vladimir@yandex.ru

О.В. СТРЕЛЬЧЕНКО, кандидат медицинских наук, директор Сибирского окружного медицинского центра Федерального медико-биологического агентства. E-mail: somc.glav@mail.ru

И.Ф. МИНГАЗОВ, Центр гигиены и эпидемиологии в Новосибирской области, Новосибирск. E-mail: mif2050@mail.ru

Аннотация. Доля трудоспособного населения в России постепенно сокращается. По прогнозам, в 2026 г. численность всего населения уменьшится на 4,3%, а трудоспособного – на 16,4%, что приведет к снижению доли данной группы в возрастной структуре до 55,1% (в 2008 г. было 63,2%). По этой причине состояние здоровья этой категории граждан, анализ причин смертности и меры по ее снижению приобретают особое значение. Цель настоящего исследования – изучение состояния, динамики и особенностей заболеваемости, в том числе профессиональной, и причин смерти трудоспособного населения Сибирского федерального округа (СФО). Опираясь на анализ литературы, посвященной заболеваемости и смертности лиц трудоспособного возраста в СФО и России, а также статистические данные региональных органов управления здравоохранения СФО, авторы сделали выводы, что состояние здоровья трудоспособного населения в Сибири заметно хуже, чем в среднем по России. При этом заболеваемость как в впервые в жизни установленным диагнозом, так и общая продолжает расти. Смертность хотя и снижается с течением времени, но медленнее, чем в целом по стране, поэтому за семь лет отставание от общероссийских показателей увеличилось с 14,8 до 17,25%. В структуре смертности отмечается повышенное (относительно РФ в целом) влияние внешних причин, таких как убийства, самоубийства, отравления суррогатами алкоголя и др. Несмотря на существенное снижение числа смертельных несчастных случаев на производстве (на 1000 человек), по этому показателю СФО опережают лишь Дальневосточный и Приволжский федеральные округа.

Ключевые слова: работоспособное население; смертность; заболеваемость с временной утратой трудоспособности; профессиональная заболеваемость; Сибирский федеральный округ

Введение

Сокращение общей численности населения, а в ней – доли граждан трудоспособного возраста – один из главных демографических вызовов для России в ближайшие годы. В связи с этим общая демографическая нагрузка на 1000 лиц трудоспособного

возраста возрастет с 582 (2008 г.) до 812 (2026 г.), в том числе нагрузка детьми составит 334 чел., а лицами старше трудоспособного возраста – 478 чел. Примерно такое же бремя несли трудящиеся в России в 1939 г. (900/1000), но тогда среди неработающих 740 чел. составляли дети и 160 – пенсионеры [Тихонова и др., 2008; Улумбекова, 2011. С. 42–43; Комаров, 2017. С. 36].

Такие изменения возрастной структуры могут привести к перегрузке и утрате эффективности многих существующих социальных систем и институтов (пенсионной системы и социального страхования, общего и профилактического здравоохранения и т.д.), которые формировались в совершенно иных условиях. Кроме того, дефицит рабочей силы, особенно квалифицированной, может стать существенным ограничением экономического роста.

В Сибири социально-демографические процессы имеют свою специфику. Расчет темпов прироста численности занятых по подпериодам (табл. 1) показывает, что в целом за 2007–2017 гг. в СФО происходило снижение данного показателя, что особенно заметно на фоне роста по РФ в целом. При этом в отдельных регионах занятость увеличивалась (особенно сильно в Новосибирской области), но негативная тенденция оказалась сильнее, и среднегодовое сокращение численности работающих составило 0,19%. Регионами с сокращающейся занятостью были Алтайский, Забайкальский, Красноярский края, Иркутская и Кемеровская области. Наиболее значительным было сокращение в Алтае, в среднем на 1% ежегодно, а в 2007–2009 гг. даже на 2,5%.

Отметим также, что численность работающих довольно сильно варьировала в разных регионах от периода к периоду, это помечено штриховкой ячеек таблицы с убывающими показателями. Наиболее тяжелым было кризисное сокращение в последние четыре года, и оно затронуло всю Россию.

В связи с изложенным вопросы сохранности здоровья трудоспособного населения приобретают все большее значение. Отдельно отметим актуальность изучения смертности: по мнению врачей, вероятная предотвратимость летальных исходов при отдельных причинах составляет от 22 до 70% от общего числа случаев, т.е. такое количество жизней можно было сохранить [Стародубов, 2009. С. 94–98]. Между тем, и в демографической литературе, и среди публикаций по общественному здоровью крайне мало аналитических работ по оценке состояния здоровья

работающего населения на уровне страны, федеральных округов. Эти проблемы в основном описываются по отдельным предприятиям или населенным пунктам.

Таблица 1. Среднегодовые темпы прироста численности занятых в РФ и в субъектах СФО в 2007–2017 гг., %

Регион	2007–2009	2010–2012	2013–2015	2016–2017	2007–2017
РФ всего	0,12	1,01	0,36	-0,13	0,38
СФО всего, в том числе	-0,63	0,66	-0,20	-0,79	-0,19
Республика Алтай	1,09	0,19	0,83	-1,85	0,23
Республика Бурятия	0,84	2,25	-0,73	-2,07	0,25
Республика Тыва	-0,79	-0,64	1,45	0,68	0,12
Республика Хакасия	2,19	-1,45	0,87	-0,18	0,39
Алтайский край	-2,49	0,97	-1,05	-1,51	-0,98
Забайкальский край	-1,76	-0,28	0,31	-0,28	-0,53
Красноярский край	-1,09	0,79	-0,50	0,05	-0,21
Иркутская область	-0,43	0,11	0,23	-2,29	-0,44
Кемеровская область	-1,58	0,44	-0,82	-1,15	-0,75
Новосибирская область	0,01	2,31	-0,44	0,03	0,51
Омская область	1,19	0,84	0,06	-1,11	0,37
Томская область	0,48	-2,48	2,39	1,33	0,33

Источник: рассчитано авторами по данным URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/

Целью нашего исследования является анализ состояния, динамики и особенностей заболеваемости и причин смерти трудоспособного населения Сибирского федерального округа (СФО), который в данной статье рассматривается в границах 2018 г., когда в него входило 12 субъектов РФ. Базой послужили как научные публикации, посвященные заболеваемости и смертности лиц трудоспособного возраста в СФО и России, так и материалы Росстата и органов управления здравоохранения субъектов Российской Федерации, входящих в Сибирский федеральный округ.

Особенности СФО

На состояние здоровья работающего населения, помимо субъективных причин (генетика, образ жизни, питание и т.д.), существенное влияние оказывают климатические и погодные условия, а также профессиональные факторы риска, особенно в отдельных отраслях промышленности (угольная, химическая, горная, «горячие цеха металлургических производств» и др.).

В западной части Сибири (Омская, Томская, Новосибирская и Кемеровская области, Алтайский край и республики Хакасия и Алтай) – относительно мягкий континентальный климат. Летом температура воздуха колеблется от +15 °С до +35 °С, зимой может опускаться до –30 °С и ниже. Регионы Восточной Сибири (Иркутская область, республики Тыва и Бурятия, Забайкальский и Красноярский края) расположены в зоне резко континентального климата. Зимой температура может опускаться до –40 °С и ниже, средняя температура в июле-августе не превышает +15 °С. В северных районах Сибири лето (с температурой воздуха выше 10 °С) длится не более календарного месяца, а зимой столбик термометра может легко опуститься ниже –40 °С.

К базовым отраслям промышленности, характеризующимся вредными условиями труда и повышенной травмоопасностью, относятся:

- угле-, газо-, нефтедобыча;
- электроэнергетика;
- цветная металлургия;
- отрасли лесного комплекса;
- энергоемкие отрасли химической промышленности;
- строительство.

Вся эта специфика оказывает серьезное влияние на качество жизни сибиряков и их здоровье.

Заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом среди лиц трудоспособного возраста в СФО традиционно ниже, чем среди всего населения округа. Так, в 2017 г. она составила 590,8 промилле, а среди всего населения – 849,7. Лидерами округа по этому показателю являются Алтайский край (881,1) и Иркутская область (665,7). Самые низкие показатели – в Забайкальском крае и Томской области (соответственно 366,5 и 432,8 промилле)¹ (табл. 2).

В структуре первичной заболеваемости на первом месте – болезни органов дыхания (148,1). Этот показатель в Алтайском

---

¹ Безусловно, заметный разброс региональных показателей требует отдельного изучения. В рамках статьи такая задача не ставилась. Заметим только, что, помимо возможных погрешностей учета, могут оказывать сильное влияние экологические, климатические, экономические и др. факторы, вплоть до кулинарных предпочтений местных жителей и качества работы санитарных служб.

крае и Иркутской области выше, чем в среднем по СФО (соответственно, 198,3 и 168,3 промилле), в то время как в Республике Тыва и Забайкальском крае значительно ниже (84,1 и 91,0). Далее следуют внешние причины (травмы, отравления и др.), которые в 2017 г. составили 94,1 промилле. Цифры выше среднеокружных показали в том году Кемеровская (115,7) и Иркутская (112,3) области, а наиболее низкие – Томская область (52,7) и Забайкалье (62,9). Третье место занимают болезни мочеполовой системы (63,8 промилле). По этим заболеваниям хуже всего обстоит дело в Алтайском крае (156,0) и Кемеровской области (73,0), относительно благополучно – в Новосибирской области (32,0) и Бурятии (33,7) [Стрельченко и др., 2018. С. 243].

Таблица 2. Первичная заболеваемость населения в трудоспособном возрасте

Территория	Зарегистрировано с впервые в жизни установленным диагнозом всего на 1000 чел. трудоспособного населения	
	2016	2017
С Ф О	587,7	590,8
Республика Алтай	606,6	595,4
Республика Бурятия	472,4	484,4
Республика Тыва	393,3	451,9
Республика Хакасия	569,0	625,3
Алтайский край	910,3	881,1
Забайкальский край	347,8	366,5
Красноярский край	550,3	570,6
Иркутская область	646,7	655,7
Кемеровская область	608,5	619,7
Новосибирская область	471,5	468,1
Омская область	651,8	621,3
Томская область	410,7	432,8

Источник табл. 2, 3, 4, 5, 6, 9: Стат. сборник «Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2017 году», 2018. С. 243, 249, 140, 138, 256–261.

Сложившаяся структура первичной заболеваемости обусловлена несколькими существенными факторами. Прежде всего, это суровый климат и достаточно большое количество горнодобывающих, металлургических, химических и других предприятий с вредными и травмоопасными условиями труда.

Первичная заболеваемость во многом определяет уровень общей заболеваемости, хотя их структура отличается, поскольку в последней «накапливаются» болезни, склонные к хронизации течения (сердечно-сосудистой, мочеполовой, костно-мышечной систем, соединительной ткани и др.).

В 2017 г. в СФО *общая заболеваемость* трудоспособного населения в расчете на 1000 чел. была в 1,35 раза ниже, чем заболеваемость по всем возрастным группам (1761,3 промилле). Это легко объяснимо, потому что дети и старики обычно болеют чаще, чем люди средних возрастных групп. Самые высокие показатели заболеваемости зарегистрированы в Алтайском крае (2107,6 промилле), а самые низкие – в Томской области (950,1), Забайкальском крае (961,6) и Республике Тыва (964,8) (табл. 3).

Таблица 3. **Общая заболеваемость населения
в трудоспособном возрасте**

Территория	Зарегистрировано всего заболеваний на 1000 чел. трудоспособного населения	
	2016	2017
С Ф О	1280,3	1299,9
Республика Алтай	1281,9	1302,7
Республика Бурятия	1081,1	1063,9
Республика Тыва	934,8	964,8
Республика Хакасия	1189,0	1293,1
Алтайский край	2025,0	2107,6*
Забайкальский край	949,8	961,6
Красноярский край	1177,7	1198,8
Иркутская область	1284,2	1299,8
Кемеровская область	1150,3	1208,8
Новосибирская область	1174,5	1170,8
Омская область	1432,9	1381,2
Томская область	937,8	950,1

* Цифры по Алтайскому краю не могут не удивлять. Получается, что каждый работник болеет не менее двух раз в год. Но ни представители служб статистики, ни руководители регионального здравоохранения не смогли прокомментировать авторам такие высокие показатели. К сожалению, есть примеры еще более удивительные. Так, в Хакасии заболеваемость детей рахитом более чем в 60 раз (!) выше, чем в Новосибирской и Томской областях, и это соотношение сохраняется на протяжении многих лет. Почему на такой разброс не реагирует Министерство здравоохранения РФ, в который регулярно предоставляются эти сведения, для нас загадка. Возможно, эта публикация поможет привлечь внимание руководящих органов регионов к этой проблеме.

В структуре общей заболеваемости работающего населения СФО доминируют болезни органов дыхания (187,9 промилле), особенно в Алтайском крае (273,4) и Иркутской области (203,2), существенно ниже показатели – в Тыве (105,2) и Забайкалье (122,6). На втором месте – болезни системы кровообращения (161,8), неблагоприятны в этом отношении Алтайский край (290,3) и Республика Алтай (221,9), лучше обстоят дела в Тыве (102,4) и Хакасии (105,6). Далее следуют болезни мочеполовой (139,2), костно-мышечной систем и соединительной ткани (128,3), по которым также наибольшие значения в Алтайском крае (соответственно 304,3 и 199,3).

Заболеваемость с временной утратой трудоспособности (ЗВУТ)² характеризует распространенность тех случаев болезни, которые повлекли за собой невыход на работу. В среднем из-за болезней теряется до 10 рабочих дней на одного работающего (таков средний срок одного «больничного»), что в год составляет потери в размере около 1,4% ВВП. Таким образом, ЗВУТ приводит не только к увеличению расходов на здравоохранение (оплата лечения, питания и пребывания в стационаре и т.д.), но и к упущенным выгодам в производстве ВВП, в связи с чем ее изучение и анализ имеют не только большую социально-гигиеническую, но и социально-экономическую значимость (Румянцева, 2013. С. 4).

В период с 2010 по 2017 гг. по показателям ЗВУТ наблюдалась благоприятная динамика (табл. 4). Частично это связано с тем, что за эти годы значительное количество предприятий с вредными и травмоопасными условиями труда (шахты, металлургические заводы, химические предприятия и т.д.) либо совсем остановились, либо сократили производство. При этом большинство оставшихся и вновь вводимых предприятий, если верить СМИ, стремятся перейти на международные стандарты охраны труда и техники безопасности.

Сокращение заболеваемости с временной утратой трудоспособности закономерно отразилось на числе дней нетрудоспособности. В среднем по округу количество больничных сократилось на 20,7%, а в таких регионах, как Республика Хакасия, Забайкальский край, Иркутская и Кемеровская области – более чем на четверть (табл. 5).

---

² ЗВУТ входит в общую заболеваемость, но отдельно рассчитывается на 100 работающих.

**Таблица 4. Число случаев временной нетрудоспособности
в 2010–2017 гг., тыс. чел.**

Территория	2010	2013	2016	2017	Изменения 2017 к 2010, %
СФО	3782,3	3363,5	3169,3	3119187	- 17,5
Республика Алтай	42,3	37,7	36,530	34426	- 18,7
Республика Бурятия	174,0	152,4	141,6	142088	- 18,3
Республика Тыва	32,6	30,2	31,5	27590	- 15,2
Республика Хакасия	106,0	89,6	83,2	87799	- 17,2
Алтайский край	425,9	387,6	352,2	345697	- 18,8
Забайкальский край	192,0	159,0	138,1	137803	- 28,2
Красноярский край	559,2	501,2	479,9	477872	- 14,5
Иркутская область	554,8	458,9	440,0	419466	-24,4
Кемеровская область	623,4	561,1	505,8	491447	- 21,2
Новосибирская обл.	538,3	498,9	489,5	487987	- 9,3
Омская область	337,9	307,1	293,1	295500	- 12,5
Томская область	195,9	179,8	178,0	171512	- 12,4

**Таблица 5. Число дней временной нетрудоспособности
по регионам СФО в 2010–2017 гг., тыс. чел.**

Территория	2010	2013	2016	2017	2017 г. к 2010 г. (%)
СФО	52849,0	45896,1	43426,4	41960,2	- 20,7
Республика Алтай	447,9	451,4	430,0	444,7	- 0,7
Республика Бурятия	2114,9	1893,1	1760,6	1696,7	- 19,8
Республика Тыва	480,0	428,9	416,3	396,3	- 17,4
Республика Хакасия	1490,3	1147,0	1061,3	1139,1	- 23,6
Алтайский край	6534,9	5724,7	5573,4	5356,6	- 18,0
Забайкальский край	2465,3	1980,3	1679,2	1732,4	- 29,7
Красноярский край	7927,5	6814,2	6268,7	6387,9	- 19,4
Иркутская область	6810,2	5510,4	5006,6	4870,8	- 28,5
Кемеровская область	8831,5	7707,6	6939,2	6562,9	- 25,7
Новосибирская обл.	7807,5	7452,2	7767,4	6956,8	- 10,9
Омская область	5061,4	4397,5	4156,5	4094,2	- 19,1
Томская область	2877,6	2388,6	2367,2	2321,7	- 19,3

Отметим, что продолжительность утраты трудоспособности, характеризующая тяжесть течения болезни, неодинакова по разным классам заболеваний. Если средняя продолжительность одного случая нетрудоспособности в целом по ЗВУТ уменьшилась

на 4,3%, то по новообразованиям она увеличилась на 14,0%, психическим расстройствам – на 13,9, травмам и отравлениям – на 12,8% (табл. 6).

Таблица 6. Средняя длительность одного случая нетрудоспособности по классам болезней в 2010–2017 гг., всего по СФО, дней

Причина нетрудоспособности	2010	2014	2015	2016	2017	2017 к 2010 г., %
Всего по заболеваниям	14,0	13,9	13,5	13,7	13,4	- 4,3
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	32,6	30,6	30,6	29,5	30,0	- 5,1
Новообразования	28,1	31,6	29,4	30,4	31,7	+ 14,0
Болезни крови и кроветворных органов	21,4	20,6	20,4	20,7	20,7	- 0,5
Болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ	18,7	16,4	16,4	16,0	16,6	- 14,0
Психические расстройства и расстройства поведения	21,1	22,5	23,6	23,4	23,0	+ 13,9
Болезни нервной системы	15,8	16,0	15,7	16,0	16,2	+ 2,5
Болезни глаза и его придаточного аппарата	12,7	12,9	13,2	13,3	13,1	+ 1,6
Болезни уха и сосцевидного отростка	10,8	10,5	10,6	10,7	10,7	- 2,7
Болезни системы кровообращения	17,9	17,2	17,4	17,5	17,3	- 1,1
Болезни органов дыхания	9,4	9,2	9,3	10,1	9,1	- 1,1
Болезни органов пищеварения	14,1	13,8	14,2	14,1	14,1	+ 0,7
Болезни кожи и подкожной клетчатки	12,3	12,1	12,4	12,5	12,5	+ 0,8
Болезни костно-мышечной системы	16,1	17,2	16,0	15,9	16,0	0
Болезни мочеполовой системы	11,9	11,1	11,4	11,5	11,7	- 4,1
Беременность, роды и послеродовой период (без отпуска по беременности и родам)	14,4	14,7	14,1	14,0	13,9	- 5,4
Врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения	18,5	20,0	20,8	22,9	18,7	- 6,5
Травмы и отравления	22,3	24,2	23,4	23,8	24,6	+ 12,8
Итого по всем причинам (без отпуска по беременности и родам)	14,0	13,9	13,5	13,7	13,5	- 2,2
Отпуск по беременности и родам	140,0	139,7	140,0	138,6	139,8	- 0,99

Особого внимания заслуживает *профессиональная заболеваемость*³, которая является следствием профессиональной

³ Она входит в общую заболеваемость, но рассчитывается только на работающее население. Показатели могут пересекаться также со статистикой по классам заболеваемости, поскольку проявления профессиональных болезней могут различаться в зависимости от того, на что действуют вредные факторы: поражение кожи, дыхательных путей, желудочно-кишечного тракта, костно-мышечной системы и т.д.

деятельности, воздействия вредных и травмоопасных факторов на производстве.

Динамика по профессиональным заболеваниям в исследуемый период была благоприятной – как по стране в целом, так и по большинству федеральных округов и регионам Сибири (табл. 7). Но тревожит тот факт, что показатели СФО многие годы остаются самыми высокими по сравнению с другими округами (в 2017 г. – 3,32 на 10000 работающих). Среди сибирских регионов самой высокой профессиональная заболеваемость остается в горнодобывающих Кузбассе (10,93) и Хакасии (9,90), самый низкий уровень зарегистрирован в Омской области (0,38) и Республике Алтай (0,2). Красноярский край стал единственным в СФО регионом, где этот показатель за 2013–2017 гг. вырос, причем – почти на 40%.

Проблема высокой *смертности в трудоспособном возрасте* (мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 года) сохраняет свою остроту в России, несмотря на тенденцию снижения в 2013–2017 гг. Пик этого показателя в РФ (8,3 промилле) пришелся на 2005 г. В возрастной структуре общей смертности населения доля трудоспособных граждан в том году превысила 32%.

В 2013 г. смертность населения трудоспособного возраста в РФ снизилась до 5,6 промилле и, после незначительного повышения в 2014 г., продолжала стабильно снижаться, достигнув 4,9 (в 2017 г.). Удельный вес ее в структуре общей смертности снизился до 23%⁴.

Особенно тревожит смертность среди трудоспособных мужчин. Доказано, что продолжительность жизни мужчин в России во многом определяется злоупотреблением спиртными напитками. При этом у них часто более тяжелые условия труда, отличающиеся воздействием опасных и вредных факторов. К счастью, в последнее время продолжительность жизни российских мужчин увеличивается. Меняется их отношение к своему здоровью, улучшается экология, снижается уровень стресса. Но добиться радикального снижения гендерных различий в продолжительности жизни вряд ли получится. Мужчины в России живут на 10–11 лет меньше женщин, – это закреплено на генетическом

---

⁴ Щербакова Е. Смертность в трудоспособном возрасте продолжает снижаться, но не от всех причин смерти [Эл. ресурс]. URL: demoscope.ru/weekly/2017/0741/barom07.php. 2018

уровне в процессе эволюции [О сверхсмертности., 2017]. В развитых странах гендерный разрыв в продолжительности жизни тоже существует, но он заметно меньше, чем у нас – женщины живут в среднем на 6–8 лет дольше мужчин.

Таблица 7. Показатели профессиональной заболеваемости по субъектам РФ и федеральным округам за 2013–2017 гг. (на 10 000 работников)

Федеральный округ РФ и субъект СФО	2013	2014	2015	2016	2017	Отклонения в 2017 г. по отношению к 2013 г., %
Российская Федерация	1,79	1,74	1,65	1,47	1,31	- 26,8
Центральный ФО	0,47	0,39	0,36	0,31	0,31	-36,2
Северо-Западный ФО	2,35	2,11	1,93	1,86	1,90	-19,1
Южный ФО	1,31	1,41	1,34	0,92	0,81	- 38,2
Северо-Кавказский ФО	0,63	0,33	0,41	0,32	0,14	- 77,8
Приволжский ФО	1,69	1,88	1,61	1,38	1,20	- 29,0
Уральский ФО	2,12	1,83	1,73	1,28	1,12	- 47,2
Сибирский ФО	4,46	4,20	4,40	3,98	3,32	- 25,6
Кемеровская область	14,14	13,00	13,32	13,24	10,93	- 22,7
Республика Хакасия	12,59	11,26	16,65	12,14	9,90	- 21,4
Забайкальский край	5,44	4,24	7,31	5,17	4,03	- 25,9
Красноярский край	2,56	2,78	3,53	2,99	3,57	+ 39,4
Республика Бурятия	4,09	3,76	3,30	3,53	3,33	- 18,6
Иркутская область	4,12	5,02	3,87	3,43	1,91	- 53,6
Томская область	1,72	1,66	1,31	1,56	1,35	- 21,5
Алтайский край	1,99	1,70	1,51	1,29	0,90	- 54,8
Республика Тыва	1,11	0,99	0,86	1,15	0,88	- 20,7
Новосибирская область	0,98	0,80	0,78	0,66	0,65	- 33,7
Омская область	1,00	0,85	0,75	0,77	0,38	- 62,0
Республика Алтай	1,66	0,56	1,32	0,19	0,20	- 88,0
Дальневосточный ФО	2,23	2,82	2,75	2,73	2,65	- 18,8

Источник: Федеральное бюджетное учреждение здравоохранения «Федеральный центр гигиены и эпидемиологии» Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: http://fcgie.ru/operativnaya_statisticheskaya_informatsiya.html

Несмотря на тенденцию к сокращению смертности трудоспособного населения, в течение всего анализируемого периода этот показатель в СФО остается выше, чем в среднем по стране (табл. 8), причем эта разница со временем растет. Если в 2011 г. она составляла 14,8%, то в 2017 г. – 17,25%.

**Таблица 8. Смертность населения в трудоспособном возрасте
в 2013–2017 гг. (на 100 тыс. чел. соответствующего
возраста)**

Федеральный округ РФ и субъект СФО	2013	2015	2017	Прирост 2017 г. к 2013 г.	
				Абс.	%
Российская Федерация	560,9	546,7	484,5	-76,4	- 13,6
Центральный ФО	521,9	496,8	446,4	-75,5	- 14,5
Северо-Западный ФО	563,9	558,2	496,1	-67,8	- 12,0
Южный ФО	493,4	505,9	453,5	-39,9	- 8,1
Северо-Кавказский ФО	299,5	289,4	258,2	-41,3	- 13,8
Приволжский ФО	617,1	599,7	519,8	-97,3	- 15,8
Уральский ФО	588,2	598,7	526,1	-62,1	- 10,6
Сибирский ФО	669,0	652,6	583,9	-85,1	- 12,7
Республика Алтай	682,6	635,2	498,8	-183,8	- 29,9
Республика Бурятия	684,8	639,8	528,4	-156,4	- 22,8
Республика Тыва	944,7	880,5	705,8	-238,9	-25,3
Республика Хакасия	645,2	667,0	563,6	-81,6	- 12,6
Алтайский край	623,1	597,5	546,9	-78,2	- 12,6
Забайкальский край	706,6	698,4	544,2	-162,4	- 23,0
Красноярский край	634,9	621,6	560,4	- 74,5	- 11,7
Иркутская область	784,3	780,2	642,5	-141,8	- 18,1
Кемеровская область	762,9	753,8	668,2	- 94,7	- 12,4
Новосибирская область	590,6	574,3	526,4	- 64,2	- 10,9
Омская область	610,6	590,0	518,8	- 91,8	- 15,0
Томская область	560,0	539,4	484,6	- 75,4	- 13,5
Дальневосточный ФО	690,1	659,5	589,3	-100,8	- 14,6

Источник: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ и Стат. сборник «Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2017 году». 2018. С. 277.

В субъектах, входящих в состав СФО, смертность среди граждан трудоспособного возраста сокращалась разными темпами. Результаты по состоянию на 2017 г. тоже сильно различаются. Наиболее удручающие цифры в Республике Тыва (705,8), Кемеровской (668,2) и Иркутской (642,5) областях. Самый низкий показатель в Томской области (484,6), но он лишь соответствует общероссийскому уровню.

Анализ причин смерти среди трудоспособного населения осуществлен по показателям в расчете на 100 тыс. населения соответствующего возраста в динамике с 2011 по 2017 гг.

По данным статистики, в 2017 г. смертность от ишемической болезни сердца в Сибири на 20% превышала общероссийский уровень (РФ – 64,9, СФО – 77,5 на 100 тыс. населения). Самые высокие показатели имели место в Красноярском (101,1) и Алтайском (89,8) краях, в то время как в Республике Алтай – 37,6.

Особенно настораживает существенная разница в показателях смертности от самоубийств – в 1,79 раза (РФ – 17,4, СФО – 31,3), а также от убийств – в 1,76 раза (РФ – 8,5, СФО – 15,0). Это является результатом, скорее всего, неустойчивой социально-экономической ситуации и непростой криминальной обстановки (табл. 9).

Таблица 9. Смертность населения в трудоспособном возрасте от основных причин в 2016, 2017 гг.

Причина	Территория	На 100 тыс. трудоспособного населения	
		2016	2017
Всего	РФ	517,6	484,5
	СФО	611,6	583,9
Новообразования	РФ	77,5	73,3
	СФО	84,9	83,2
Злокачественные образования	РФ	76,4	72,3
	СФО	84,0	81,9
Болезней системы кровообращения	РФ	152,7	143,7
	СФО	162,9	147,7
Ишемическая болезнь сердца	РФ	70,2	64,9
	СФО	84,5	77,5
Цереброваскулярные болезни	РФ	30,6	29,1
	СФО	32,2	30,8
Болезни органов пищеварения	РФ	46,6	41,8
	СФО	44,7	39,8
Внешние причины	РФ	131,4	119,3
	СФО	166,4	154,1
Самоубийства	РФ	20,1	17,4
	СФО	34,0	31,3
Убийства	РФ	9,9	8,5
	СФО	17,4	15,0

Кроме того, в СФО в 1,36 раза чаще, чем в РФ, умирают от случайных отравлений алкоголем (соответственно, 12,7 и 9,3 случая на 100 тыс.чел.). Наиболее неблагоприятной была обстановка в 2017 г. в Бурятии (23,7), Кузбассе и Республике Тыва (по 21,3).

В условиях, когда в округе достаточно развиты отрасли с вредными и травмоопасными условиями труда, особого внимания заслуживает анализ несчастных случаев на производстве со смертельным исходом (табл. 10).

Таблица 10. Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве со смертельным исходом (на 1000 работающих) в 2005–2017 гг.

Территория	2005	2010	2013	2017	2017 к 2005
Российская Федерация	0,124	0,094	0,080	0,056	< 2,2
Центральный ФО	0,107	0,071	0,063	0,048	< 2,2
Северо-Западный ФО	0,122	0,080	0,062	0,052	< 2,3
Южный ФО	0,105	0,079	0,073	0,054	< 1,9
Северо-Кавказский ФО	0,105	0,072	0,062	0,059	< 1,8
Приволжский ФО	0,123	0,096	0,080	0,077	< 1,6
Уральский ФО	0,106	0,088	0,083	0,061	< 1,7
Сибирский ФО	0,161	0,145	0,107	0,068	< 2,4
Республика Алтай	0,090	0,199	0,102	0,19	> 2,1
Республика Бурятия	0,115	0,151	0,069	0,069	< 1,7
Республика Тыва	0,118	0,233	0,044	0,131	+ 11,0%
Республика Хакасия	0,204	0,088	0,038	0,079	< 2,6
Алтайский край	0,144	0,114	0,114	0,045	< 3,2
Забайкальский край	0,123	0,152	0,085	0,135	+ 9,8%
Красноярский край	0,167	0,125	0,116	0,078	< 2,1
Иркутская область	0,152	0,127	0,160	0,076	< 2,0
Кемеровская область	0,269	0,341	0,158	0,089	< 3,0
Новосибирская область	0,120	0,057	0,071	0,057	< 2,1
Омская область	0,140	0,074	0,077	0,012	< 11,7
Томская область	0,085	0,079	0,051	0,027	< 3,1
Дальневосточный ФО	0,202	0,147	0,143	0,1	< 2,0

Источник: Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ и Росстат: ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicators/>

В динамике за 13 лет, как в целом по стране, так и во всех федеральных округах произошло заметное сокращение числа умерших от несчастных случаев на производстве. Однако в СФО, где снижение составило 2,4 раза, этот показатель все еще на 17%

превышает среднероссийский уровень. Хуже сибирских цифры только в Приволжском и Дальневосточном округах.

При этом отдельные регионы СФО показывают разнонаправленную динамику этого показателя. Так, в трех субъектах он даже вырос. В Республике Тыва – на 11,0%, Забайкальском крае – на 9,8%, а в Республике Алтай – в 2,1 раза (табл. 10). При этом лидерами округа по уровню смертности на производстве остаются Забайкалье и Красноярский край.

Заключение. Состояние здоровья трудоспособного населения Сибири в динамике в основном повторяет тенденции, характерные для всей страны. Однако усугубляют ее более суровые условия проживания в ряде регионов и специфика производства, отличающаяся доминированием отраслей с вредными и тяжелыми условиями труда. Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что для лиц трудоспособного возраста в СФО характерны повышенная первичная и общая заболеваемость. Несмотря на снижение смертности граждан трудоспособного возраста, ее уровень остается выше, чем в среднем по стране, и это отставание с течением времени нарастает. Довольно высоким остается численность пострадавших при несчастных случаях на производстве со смертельным исходом (на 1000 работающих). Выше, чем в СФО, этот показатель только в Дальневосточном и Приволжском округах. Самого пристального внимания заслуживает рассмотрение смертности от внешних причин и, прежде всего, от самоубийств и убийств, показатели которых более чем в 1,7 раза превышают таковые по стране.

Литература

Комаров Ю.М. Мониторинг и первичная медико-санитарная помощь. М.: ГЭОТАР- Медиа, 2017. 320 с.

О сверхсмертности мужчин трудоспособного возраста, долголетию и некоторых современных взглядах на причины преждевременной смертности населения / Медицинская статистика и оргметодработа в учреждениях здравоохранения. 2017. 12. [Эл.ресурс] *O_sverkhsmertnosti...* (дата обращения: 12.02.2019).

Румянцева А.И. Заболеваемость с временной утратой трудоспособности в Республике Саха (Якутия) и ее медико-экономическая характеристика. Автореф. канд. дисс. М., 2013. 28 с.

Стародубов В.И. Предотвратимость потерь здоровья населения – критерий оценки деятельности органов местного самоуправления / В.И. Стародубов, Э.В. Кондракова, А.Е. Иванова // Сибирское медицинское обозрение. 2009. № 5 (59). С. 94–98.

Стрельченко О. В., Чернышев В. М., Мингазов И. Ф. Основные показатели здоровья населения и здравоохранения Сибирского федерального округа в 2017 году. Сборник статистических и аналитических материалов. Вып. 17 / Под общ. ред. к.м.н. О. В. Стрельченко. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2018. 277 с.

Тихонова Г. И., Горчакова Т. Ю., Касьянчик Е. А. Медико-демографическая характеристика населения трудоспособного возраста в России. [Эл. ресурс] Institutiones.com/general/1540-mediko-..., 2008.

Улумбекова Г. Э. Демографические вызовы системе здравоохранения Российской Федерации в период до 2020 г. // Вестник Росздравнадзора. 2011. № 5. С. 42–50.

Статья поступила 22.04.2019.

Для цитирования: *Воевода М. И., Чернышев В. М., Стрельченко О. В., Мингазов И. Ф.* Особенности состояния здоровья трудоспособного населения в Сибирском федеральном округе // ЭКО. 2019. № 6. С. 26-42. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-1-26-42.

Summary

Voevoda, M.I., MD, Academician, Director of the Research Institute of Therapy and Preventive Medicine, SB RAS, Chernyshev, V.M., Doctor of Medical Sciences, Novosibirsk State Medical University, Institute of Traumatology and Orthopedics, Strelchenko, O.V., Candidate of Medical Sciences, Director of the Siberian District Medical Center of the Federal Medical Biological Agency, Mingazov, I.F., Center of Hygiene and Epidemiology in the Novosibirsk Region, Novosibirsk

Physical Conditions of Working Population in the Siberian Federal District

Abstract. The share of working-age population in Russia is gradually decreasing. According to forecasts, in 2026 the total population will decrease by 4.3%, while the able-bodied – by 16.4%, which will lead to a drop of this group’s share in the overall age structure to 55.1% (in 2008 it was 63.2%). For this reason, the health status of this category of citizens, cause of death analysis and measures of reducing it are of particular importance. The purpose of this study is to examine the status, dynamics and characteristics of morbidity, including occupational, and causes of death of the able-bodied population of the Siberian Federal district (SFO). Based on analysis of literature on morbidity and mortality of persons of working age in the SFD and Russia, as well as statistical data of regional health authorities of the SFD, the authors concluded that the health of working-age population in Siberia is significantly worse than the average in Russia. At the same time, the sickness rate both with a first-time diagnosis and the overall morbidity continues rising. Although mortality decreases over time, this process is slower than in the whole country, so over 7 years the gap from the all-Russian indicators increased from 14.8 to 17.25%. External causes of death, such as murder, suicide, poisoning with alcohol substitutes and other are rising in the structure of mortality rate (relative to Russia as a whole). Despite a significant reduction in the number of fatal accidents at work (per 1,000 people), the Siberian Federal district still ranks ahead of the Far East and the Volga Federal districts.

Key words: *working population; mortality; morbidity with temporary disability; occupational morbidity; Federal district*

References

Komarov, Yu.M. (2017). Monitoring and primary health care. Moscow. GEOTAR – Media Publ. 320 p. (In Russ.).

On the high mortality of men of working age, longevity and some contemporary views on the causes of premature mortality / Health statistics and OMW in health care institutions (2017). No. 12. Available at: o_serverkhsmertnosti... (accessed 12.02.2009). (In Russ.).

Rumyantseva, A.I. (2013). Morbidity with temporary disability in the Republic of Soha (Yakutia) and its medical and economic characteristics. Abstract. kand. diss. Moscow. 28 p. (In Russ.).

Starodubov, V.I. (2009). Preventability of health losses of the population – the criterion of evaluation of activity of bodies of local self-government / V.I. Starodubov, E. V. Kondrakova, A. E. Ivanova. Siberian medical review. No. 5 (59). Pp. 94–98. (In Russ.).

Strelchenko, O.V., Chernyshev, V.M., Mingazov, I.F. (2018). Basic indicators of public health and health system of the Siberian Federal district in 2017. Collection of statistical and analytical materials. Vol. 17. Novosibirsk. 277 p. (In Russ.).

Tikhonova, G.I., Gorchakova, T. Yu., Kasyanchik, E.A. (2008). Medical and demographic characteristics of the working age population in Russia. Available at: institutions.com “ general / 1540-mediko -... (In Russ.).

Ulumbekova, G.E. (2011). Demographic challenges to the health care system of the Russian Federation in the period up to 2020. *Vestnik Roszdravnadzor*, No. 5. Pp. 42–50. (In Russ.).

For citation: Voevoda, M. I., Chernyshev, V. M., Strelchenko, O. V., Mingazov, I. F. (2019). Physical Conditions of Working Population in the Siberian Federal District. *ECO*. No. 6. Pp. 26-42. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-1-26-42.

Рынок частной медицины в России: взгляд маркетолога

Е.А. ТАРАСЕНКО, кандидат социологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: etarasko@hse.ru
М.М. ДВОРЯШИНА, кандидат экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва.
E-mail: mdvoryashina@hse.ru

Аннотация. В статье анализируются маркетинговые инновации частных медицинских клиник как значимый внутренний драйвер трансформации и развития рынка частной медицины в России. Последняя проявляется в высокой скорости распространения профессиональных практик и новых форматов деятельности, бизнес-моделей и ценностных предложений, что напрямую влияет на структуру и объем сектора негосударственных медицинских услуг. Продуктовые инновации, являющиеся основой для ценностного предложения и позиционирования медицинских клиник, формируют новые сегменты рынка частной медицины. Авторы выделили следующие направления формирования инновационных продуктовых категорий на исследуемом рынке: мультипродукты, высокоспециализированные медицинские услуги и медико-социальный уход, формат «доступная клиника», антивозрастная медицина, стоматология без боли с элементами геймификации.

Ключевые слова: маркетинг медицинских услуг; рынок частной медицины; ценностно-ориентированное здравоохранение; сервисная составляющая; уберизация и макдональдизация; маркетинг взаимодействия

С начала 2000-х гг. в российской системе здравоохранения были запущены серьезные структурные преобразования¹, приведшие к появлению и расширению негосударственного/частного сектора рынка медицинских услуг (далее – рынок частной медицины²). Этот рынок не идентичен сектору платных услуг, поскольку последние могут предоставляться как государственными, так и негосударственными медицинскими организациями. В то же время частные медицинские клиники и центры могут предоставлять некоторые услуги бесплатно – в рамках программ обязательного медицинского страхования (при наличии у пациентов полиса ОМС).

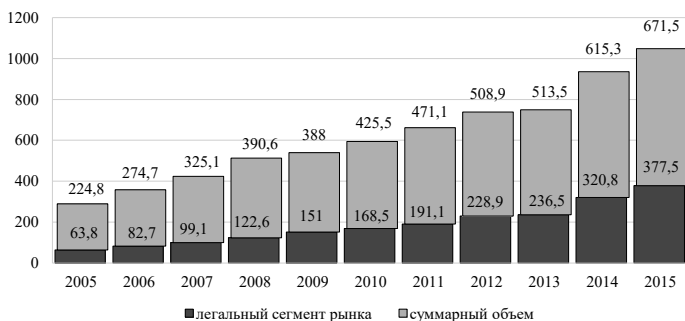
---

¹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 03.01.2018).

² Под частной медициной или частным сектором рынка медицинских услуг авторами подразумевается совокупность именно негосударственных медицинских клиник и центров.

Частная медицина в России: что происходит?

Российский рынок частной медицины по темпам роста в последние несколько лет является одним из лидеров сферы услуг (рисунок), несмотря на снижение реальных доходов и стагнацию покупательной активности населения в условиях рецессии в экономике, различия в объеме платных медицинских услуг³ и ценовую дифференциацию регионов [Глушенко, Карандашова, 2017; Тарасенко, Рыжкова, 2017; Хитров, 2017].

Источник: [Паперная, 2016].

Объем рынка частных медуслуг в России
в 2005–2015 гг., млрд руб.

В 2013–2017 гг. средняя цена за медицинский прием в стране выросла на 37,6% и достигла 1511,1 руб.⁴ В 2018 г. оборот медицинского рынка России увеличился на 11,6% по сравнению с 2017 г. и достиг 3063,3 млрд руб.⁵ При этом большая часть оборота (56,8%) приходится на сектор ОМС, далее следуют секторы бюджетного финансирования и кассовых платежей (по 15,8%).

³ База ЕМИСС// Объем платных медицинских услуг в субъектах Российской Федерации в 2014–2017 годах. URL: http://medresearch.ru/wp-content/uploads/2018/06/SYNOPSIS_rus_med_market_regions_2018_free (дата обращения: 03.10.2018).

⁴ В 2017 г объем рынка медицинских услуг в России составил 1 529 млн приемов, что всего на 0,4% выше уровня 2016 г. // «Анализ рынка медицинских услуг в России» Отчет BusinessStat для РБК. Дата публикации 15.03.2018 URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/10210/> (дата обращения: 28.02.2019).

⁵ Отчет № 2749 «Анализ рынка медицинских услуг в России в 2014–2018 гг.» // Информационно-аналитический портал Restko.ru. Дата публикации 11.02.2019. URL: <https://www.restko.ru/market/2749> (дата обращения: 01.03.2019).

На теневой сектор и ДМС приходится соответственно 6,7 и 4,9% от стоимостного объема рынка медицинских услуг страны⁶.

Социально-демографические, эпидемиологические и культурные трансформации, происходящие в России, включая рост продолжительности жизни, увеличение количества пожилых людей и престарелых (и, как следствие, рост хронических заболеваний и усиление инвалидизации), перемены в области семейно-брачных отношений, ведущие к увеличению числа одиноких людей, порождают изменение традиционных моделей долговременного медицинского ухода за хронически больными и инвалидами. Все это увеличивает рост спроса на услуги клиник репродуктивной медицины, разного рода реабилитационных и геронтологических центров, хосписы, патронажный уход и паллиативную медицинскую помощь на дому.

Продолжающееся в 2018 г. реформирование государственной системы здравоохранения, возникающие в связи с оптимизацией сети государственных медучреждений проблемы с доступностью и качеством медицинской помощи, также косвенно способствуют росту сектора частной медицины в России. По оценкам экспертов, в перспективе до 2019 г. прогнозируется устойчивый рост рынка частной медицины *в среднем на 5,9% ежегодно*⁷. Общий прирост по сравнению с уровнем 2016 г. может достичь 19%, с преобладающей (57%) долей сегмента легальной коммерческой медицины.

Есть все основания говорить о трансформации рынка частной медицины [Дворяшина, 2012 а, б]. Она проявляется в изменении продуктовых и географических границ рынка (появление новых продуктов, в том числе «интегрированных» с социальными, сервисными составляющими; выход отдельных видов услуг за пределы своего региона за счет телемедицины), структурных сдвигах (изменяются доли на рынке крупных и мелких игроков, уровень проникновения сетевых форматов, продуктовой дифференциации и т.д.).

---

⁶ «Анализ рынка медицинских услуг в России в 2014–2018 гг, прогноз на 2019–2023 гг.». Отчет BusinessStat для РБК. Дата публикации 22.01. 2019. URL: <https://marketing.rbc.ru/research/27532/> (дата обращения: 28.02.2019).

⁷ Развитие рынка частных медицинских услуг в 2017–2019 годах. Результаты исследования КПМГ. Дата публикации 24.03.17 URL: <https://home.kpmg.com/ru/ru/home/insights/2017/03/private-medical-services-market-in-russia.html> (дата обращения: 03.09.2018).

Отслеживание происходящих процессов позволяет заинтересованным сторонам выделять привлекательные для инвестирования направления деятельности, делать обоснованные прогнозы вывода на рынок новых услуг, поддерживать или тормозить инициативы по государственному регулированию рынка, осваивать и запускать перспективные маркетинговые инновации⁸ [Дворяшина, 2012; Крюков и др., 2018; Литвинцева, 2015].

Еще одно проявление трансформации рынка частной медицины заключается в высокой скорости распространения профессиональных практик и новых форматов деятельности, бизнес-моделей и ценностных предложений, что напрямую влияет на структуру и объем рыночного потенциала частной медицины [Banaszak-Hall et al., 1996; Beckham, 2015; Girotra, Netessine, 2014; Pfannstue, IRasche, 2017; West, 1990].

Механизм рыночной трансформации упрощенно можно представить так: благоприятные возможности для развития частной медицины, обусловленные в том числе факторами реформирования отрасли, стимулируют предпринимательские инициативы, порождая бурный рост новых медицинских клиник и центров и запуская механизм конкурентной динамики рынка (особенно в крупных городах). Распространение новых видов и форматов услуг, изменение потребительских предпочтений, рост потенциала рынка увеличивают интенсивность конкуренции и ведут к трансформации границ и структуры рынка. Наряду с внешними факторами значимым драйвером этой трансформации становятся маркетинговые инновации: выведение на рынок новых продуктов, внедрение инструментов конкурентного маркетинг-микс, новые стратегии позиционирования клиник, брендинга, каналов сбыта [Тарасенко, Рыжкова, 2017; Тарасенко, 2014]. В свою очередь трансформация рынка частной медицины со временем неизбежно становится фактором эволюции здравоохранения как сектора экономики.

---

⁸ «Исследование рынка коммерческой медицины в России за 2016- первую половину 2017 года». Отчет ООО «Эрнст энд Янг – оценка и консультационные услуги» URL: [https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-health-care-report-2017-rus/\\$FILE/ey-health-care-report-2017-rus.pdf](https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-health-care-report-2017-rus/$FILE/ey-health-care-report-2017-rus.pdf) (дата обращения: 03.11.2018).

Медицинский маркетинг: что нового?

Маркетинговая деятельность медицинских клиник решает традиционный комплекс профессиональных задач [Романов, Кеворков, 2016]:

- организацию и проведение исследований по изучению предпочтений целевой аудитории;
- формирование предложения, реализацию и продвижение медицинских услуг на рынке;
- брендинг и позиционирование клиник или медицинских центров;
- планирование и реализацию интегрированных маркетинговых коммуникаций, включая рекламную деятельность;
- ценообразование и реализацию ценовой политики на медицинские услуги;
- измерение эффективности маркетинговых мероприятий.

Инновационность маркетинга в частной медицине заключается главным образом в адаптации профессионального инструментария к новым для маркетинговых технологий и достаточно специфическим отраслевым управленческим практикам в условиях реформирования здравоохранения.

Для современного российского рынка частной медицины характерен бурный рост продуктовой дифференциации, что при прочих равных означает объективные основания для роста маркетинговых затрат организаций. Лабораторные анализы, диагностика, проведение дистанционных консультаций (технологии телемедицины), оперативное лечение, медицинская реабилитация и санаторно-курортное лечение, услуги на основе стационароразмещающих технологий – все это рассматривается маркетингом в частной медицине как возможные элементы мультиатрибутивного конечного продукта, объединяющего собственно медицинские услуги с социальным обслуживанием либо с сегментом wellness (рекреационными услугами и оздоровительным туризмом). При этом потребитель часто сам определяет конфигурацию конечного продукта, ориентируясь на цены и свои представления о клинической эффективности и качестве услуг.

Ядро платежеспособного спроса на рынке платной медицины формируют профессионалы с устойчивым доходом выше среднего, в возрасте старше 30 лет. Это заставляет частные клиники активно разрабатывать инновационные продукты,

ориентированные на нужды данной аудитории с учетом ее ценностей и образа жизни.

Среди предпочтений этого потребительского сегмента исследователи выделяют: ожидания использования высокотехнологичного оборудования и телемедицинских технологий; повышенные (в сравнении со старшими возрастными группами) требования к качеству и стандартам оказания медицинской помощи, менеджменту боли⁹, сервисной составляющей медицинских услуг.

У пациентов среднего и старшего репродуктивного возраста формируется ожидание больших возможностей и роста доступности решения проблем сниженной фертильности в связи с отложенными рожденьями. Респонденты данной группы артикулируют запрос на повышенный комфорт, временную доступность и даже геймификацию медицинских услуг (например, в детской стоматологии), а также потребность в превентивной медицине и решении проблем, связанных с возрастными изменениями здоровья, плохой экологией. При этом в восприятии потребителей состояние их собственного здоровья устойчиво связано с приверженностью здоровому образу жизни и оздоровительным практикам, что поддерживает лояльность данной аудитории ценностям профилактической медицины.

Частные медицинские организации вводят новые услуги и продукты, повышают уровень сервиса и реализуют другие инициативы, направленные на удержание и привлечение клиентов. Сегментация потребителей и целевое позиционирование медицинских услуг становятся все более широкой практикой маркетинговой деятельности таких компаний.

Разные сегменты рынка характеризуются иногда достаточно существенными различиями в сфере продуктовой дифференциации. Расширение числа критериев сегментации по определенному продукту/услуге, вводимое той или иной медицинской организацией, позволяет протестировать маркетинговую чувствительность

---

⁹ От англ. Pain management, т.е. «управление болью», что предполагает нечто большее, чем просто обезболивание. Особое значение эти вопросы приобретают у некоторых категорий пациентов – например, с постоянными ревматическими болями в суставах, со злокачественными опухолями. Задача адекватного, длительного, эффективного контроля боли у таких пациентов признается в развитых странах одной из важнейших в современной медицинской практике, вплоть до юридической ответственности врача за эффективность контроля и лечения боли. URL: <https://www.health-ua.org/faq/onkologiya/2768.html> (дата обращения: 11.03.2019).

клиентов. Затем наиболее успешные продукты копируются конкурентами, формируется продуктовая категория, позволяющая отслеживать уровень цен на рынке и сопоставлять предложения разных клиник.

Проникновение в сферу медицины информационно-коммуникационных технологий усиливает указанные тенденции [Шкарин, 2018]. Потребители сегодня проявляют завидную осведомленность о технологиях, услугах, клиниках, ценах, имеют возможность обсуждать плюсы и минусы различных вариантов получения медицинской помощи на сайтах рекомендательных сервисов и в социальных сетях. И все это на фоне активной диджитализации медицинских услуг с использованием онлайн-сервисов [Романов, Кеворков, 2016].

Маркетинг начинается с продукта

В апреле 2018-го – марте 2019 г. авторы исследовали рынок частных медицинских услуг с применением метода фокус-групп и экспертных интервью. Всего было проведено 12 фокус-групп (респонденты – слушатели дисциплины МагоЛего «Маркетинг медицинских услуг» для магистерских программ НИУ «Высшей школы экономики»), 17 экспертных интервью (эксперты-практики: 12 врачей и пять медицинских маркетологов, обучающихся в магистратуре «Управление и экономика здравоохранения» НИУ «Высшей школы экономики»).

Целью исследования было выявление продуктовых категорий и наиболее распространенных стратегий позиционирования компаний, работающих в разных продуктовых сегментах рынка частной медицины в семи регионах России: Московской, Самарской, Нижегородской, Новосибирской и Свердловской областях, Приморском и Краснодарском краях.

В результате было установлено, что рынок частных медицинских услуг характеризуется высокой конкурентной динамикой, стимулирующей разработку и запуск продуктовых инноваций, в основе которых лежат новые бизнес-модели и ценностные предложения, учитывающие новые тренды потребительского поведения и запросы потребителей.

Выделим продуктовые инновации, которые уже стали ядром или еще претендуют на формирование новых продуктовых категорий в медицине в изучаемых регионах.

1. **Check-up** (комплекс лабораторных исследований, включенных в единый пакет). Check-up-проекты или программы запущены многими сетями медицинских клиник: «Территория здоровья», «Медси», «Инвитро» (г. Москва), «Центр новых медицинских технологий» (Новосибирск) и др. Часто они сфокусированы на конкретной проблеме (группе заболеваний) или целевой аудитории (программа «Сердце и сосуды» клиники МЛЦ в Самарской области, программа для женщин после 40 лет «Уверенность и контроль» Медицинского центра ДВФУ в поселке Русский Дальневосточного края). Сегментация предложения для данного продукта опирается на огромное число измеряемых параметров человеческого организма, умноженное на число вариаций уровня диагностики: полнота исследования (базовые, расширенные, экспресс и т.д.); пол (мужское, женское здоровье); возраст (детский, взрослый, пожилой); комплексность/профильную направленность (кардио-, гастро-, онко-, офтальмологические, нейрососудистые заболевания и др.). При этом в основу ценностного предложения закладываются тезисы превентивной медицины, быстрой и эффективной ранней диагностики заболеваний, что находит отклик у потребителей, ответственно относящихся к своему здоровью. К особенностям маркетинга данного продукта относятся: регулярные акции и спецпредложения, гибкая ценовая политика, наличие единой информационной медицинской системы, online-запись, партнерство со страховыми компаниями по программам ДМС, пакетное предложение услуг, маркетинговые коммуникации в социальных сетях.

2. Вспомогательные **репродуктивные технологии**, включая услуги ЭКО, суррогатное материнство (Центр ЭКО «Дети из пробирки»; Европейский центр суррогатного материнства в Москве, Медицинский центр «Святая Мария» во Владивостоке, «Нижегородская медицинская компания», Медицинский центр «Гармония» в Екатеринбурге, программы «Счастливые родители» и «ЭКО в кредит без переплат» клиники репродукции «ОХУ center» и «Эмбрио» в Краснодарском крае и др.). В данном сегменте акцент в предложении делается на комплексность и высокую технологичность методов, направленных на лечение женского и мужского бесплодия, услуги суррогатного материнства.

3. Продукты, интегрирующие санаторно-курортные медицинские услуги с форматом **SPA и Wellness** («Кислородный курорт

Парк-отель Дракино» в Подмоскowie и оздоровительный центр «Английский детокс» в Москве, SPA-центр «Морской дворец» в Нижнем Новгороде, программы Green Wood Wellness&SPA в Новосибирске и Медицинского центра «Океан» во Владивостоке, центры здоровья Устиновой в Самаре, медицинский центр «ALMA MEDICAL» в Краснодаре, и др.). Пол, возраст, разноплановые или узкоспециализированные программы санаторно-курортных медицинских услуг, сформированные по профилю лечения или набору дополнительных услуг, сама по себе направленность санаторно-курортного и оздоровительного лечения, продолжительность курса – формируют пестрое, часто фрагментированное пространство предложения, в котором маркетинг делает ставку на модные сегодня концепции SPA и Wellness (рекреация, оздоровление и «очищение» организма). Пакетное предложение услуг, активная онлайн-реклама, включая продвижение в социальных сетях, ценовая гибкость – ключевые инструменты маркетинга в данной категории.

4. Многие клиники, в том числе специализированные, сегодня предлагают услуги в сфере **менеджмента боли**, инновационные методики лечения боли различной локализации («Клиника Герасимова» и «Инкосмед» в Екатеринбурге, «Мелодия движения» в Новосибирске, «Клиника лечения боли» во Владивостоке и др.). Целевая аудитория для этого продукта не слишком многочисленна, но готова на многое за избавление от страданий и снятие болевых симптомов. Это достаточно новая услуга на российском рынке, для которой характерен нишевой маркетинг. Маркетинговые коммуникации с потребителями пока еще слабо развиты.

5. Медицинские **онлайн-консультации** (существуют как виртуальные клиники «Онлайн доктор», MyDoc, DocOnline24, так и возможность обратиться с помощью Интернета за советом к врачу обычного медцентра, как например, организация онлайн-консультации японских врачей для российских пациентов в медицинской корпорации «Хокуто» во Владивостоке и проч.). Целевая аудитория для такого продукта – пациенты, нуждающиеся в срочной консультации, не выходя из дома, жители отдаленных районов. Ценовая доступность, активная интернет-реклама, регулярные акции и спецпредложения, гибкая ценовая политика, пакетные предложения услуг позволяют сегменту телемедицины развиваться достаточно уверенно.

6. Медицинские услуги в местах **торговой розницы** (стоматологическая клиника № 31 в ТЦ «Новинский Пассаж» и клиника «Чайка» в ТЦ «Москва-Сити» в Москве, Сибирский центр здоровья в ТЦ «Европа» в Новосибирске, клиника «Академия здоровья» в ТЦ «Лагуна» и «Региональный диагностический центр» в ТЦ «Аврора» в Нижнем Новгороде, Медико-биологический центр в ТЦ «Оскар» в Краснодаре и др.). Целевая аудитория для такого предложения – молодежь и люди среднего возраста и дохода, посетители торгово-развлекательных центров, у которых возник определенный дискомфорт/медицинская проблема (простудные заболевания и проч.), нуждающиеся в консультации врача общей практики, а также прививках. Как и услуги телемедицины, клиники в торговых центрах – попытка адаптировать бизнес-модели «суберизации»¹⁰ и «макдональдизации»¹¹ к медицинской практике. Маркетинг делает ставку на эффективность, предсказуемость и легкость доступа к медицинским услугам. Естественной для этого продукта становится реклама в местах торговой розницы.

7. Программы anti-age терапии и **антивозрастной медицины** (клиника «Хорошая практика» и центр GL Med в Москве, программы медцентра Light Clinic в Самаре, программа Anti-Age Expert медцентра «Блеск» в Новосибирске, программы Центра красоты и здоровья Promoitalia Anti Aging Center в Нижнем Новгороде, Клиника Екатерининская в Краснодаре, «Медицинский советник» в Екатеринбурге и др.). Основа для маркетингового позиционирования – культура красоты и молодости, ответственное отношение к собственному здоровью, объединение традиционных медицинских услуг и современных методик омоложения, включая косметологию и пластическую хирургию. Целевая аудитория – люди в возрасте 40+ с доходом средневысоким и выше среднего, имеющие возрастные изменения и заинтересованные в уникальных методиках омоложения.

---

¹⁰ Термин, производный от названия компании Uber, которая разработала мобильное приложение, позволяющее переадресовывать потребительские запросы на поездки водителям, использующим свои личные автомобили. Термин «суберизация» относят к использованию компьютерных платформ (мобильных приложений) для проведения пиринговых сделок между клиентами и поставщиками услуг.

¹¹ Социологическое понятие, обозначающее превращение тех функциональных принципов, на которых основывается ресторанный бизнес сети Макдональдс, в базисные принципы организации современной социальной жизни, способствующие её дальнейшей рационализации. См. *Ритцер Д.* Макдональдизация общества 5/Пер. с англ. А. Лазарева. М.: Праксис, 2011. 592 с.

8. **Продукты на основе интеграции медицинских и социальных услуг для организации долговременного медико-социального ухода** (пансион «Лапино» Senior Group в Московской области, пансионат-гостиница «Лотос» во Владивостоке, пансионат «Наследие» в Новосибирске, сеть «Вечерние беседы» и пансионат «Гармония» в Самарской области, дом заботы «Берегиня» в Краснодаре и др.). Продуктовая сегментация такого предложения уже сейчас достаточно глубока: для пациентов с инвалидностью, лежачих/самостоятельно передвигающихся, с наличием/отсутствием психического расстройства/деменции. Большой разброс цен – от экономкласса до люкса, низкий барьер входа, слабая конкуренция делают данный сектор услуг привлекательным для инвестиций в ближайшие годы. Ядром ценностного предложения выступает обеспечение качественного долговременного медико-социального ухода: достойная старость в комфортных условиях, домашний уют, круглосуточный уход и медицинские услуги.

9. **Медицинский патронаж** на дому (центр «Социальная поддержка» и служба «Хелп» в Москве, патронажные услуги клиники «Претор» в Новосибирске, центра «Родной дом» в Краснодаре, центра ухода «Азбука успеха» в Екатеринбурге и др.). Квалифицированные сиделки-медсестры осуществляют лечение и уход за инвалидами и престарелыми, не способными к самообслуживанию, в комфортных домашних условиях. Маркетинг в данном случае преимущественно нишевой, характерно пакетное предложение услуг, активная интернет-реклама, гибкая ценовая политика.

10. **Медицинская реабилитация** (московские центры «Три сестры», ГК «Медси», программы «Активная реабилитация» и «Поддерживающая реабилитация» Senior Group; медкорпорация «Хокуто» во Владивостоке, лечебно-реабилитационный центр «Медгард» в Самаре, клиника нейрореабилитации Bonum в Краснодаре, Уральский центр реанимационной нейрореабилитации «Клинический институт мозга» в Екатеринбурге и др.). Основаниями продуктовой сегментации выступают: степень реабилитации (восстановление или поддерживающая реабилитация); диагнозы (при ДЦП, травме позвоночника, после инсульта, при переломе шейки бедра, при черепно-мозговой травме, для нарко- и алко-зависимых); уникальные авторские методики и известные врачи;

анонимность. Большой диапазон цен. Ценностно-ориентированное предложение выстраивается на потребности эффективного возвращения пациента к качественной жизни, предупреждении осложнений после перенесенных операций и тяжелых травм, уменьшении выраженности нарушений при различных заболеваниях.

11. Паллиативная помощь в частных **хосписах** для пациентов в терминальном состоянии («Дом с маяком», ООО «Хоспис.ру»; программы паллиативного ухода центра «Близкие люди» во Владивостоке, хоспис «Платан» в Краснодарском крае и др.). Ценностно-ориентированное предложение делает акцент на паллиативную помощь высокого качества, более комфортные условия проживания, круглосуточный уход, менеджмент боли, домашнюю атмосферу и общение.

12. **Лечение зубов под микроскопом**, 3D-протезирование (стоматологические клиники «Зуб.рф» и «Менделеев» в Москве, сеть клиник: «Блеск», SkyDent в Новосибирске, лазерная стоматология «ДЕНТ-Арт» во Владивостоке и др.). Позиционирование продукта: стоматологическая услуга премиум-класса, самая передовая методика терапевтической стоматологии, включающая современное эндодонтическое оборудование, позволяющая спасти даже безнадежные зубы. Целевая аудитория – пациенты, относящиеся к среднему классу и желающие быть соучастником высокотехнологичных манипуляций.

13. **Геймификация** стоматологических услуг как дополнительная сервисная составляющая – лечение зубов в видео-очках, особых наушниках или шлемах виртуальной реальности, видеомониторы у стоматологического кресла, позволяющие смотреть фильмы во время манипуляций и т.д., вплоть до проведения детского дня рождения и живой скрипичной музыки (клиники Reformat и «Зубастик Химки» в Москве, «ЭДЕМ» в Новосибирске, «Соната» в Екатеринбурге, сеть Medissa в Краснодаре и др.). Позиционирование услуги: бережное отношение к пациенту, учет индивидуальных особенностей и интересов. Целевая аудитория – взрослые пациенты с дентофобией, дети.

14. Лечение зубов **под общим наркозом** или с применением глубокой седации (клиники «Все свои» и «Дентал-Фантази» в Москве, George во Владивостоке, «Дента» и «Дентал-сервис» в Новосибирске, «Садко» в Нижнем Новгороде, Центр

художественной стоматологии в Самаре и др.). Целевая аудитория – пациенты с уровнем дохода «средний» и «средний+» и психоэмоциональной неустойчивостью, непереносимостью местных анестетиков, заболеваниями ЦНС, а также дети, которым необходимо проведение болевых операций.

Последние три стоматологических продукта, при всей экзотичности их описания, кардинально различаются ядром своего ценностного предложения. Лечение под микроскопом связывается с высокотехнологичной медициной и ориентировано на ответственно относящихся к своему здоровью пациентов, геймификация сопряжена со стандартами повышенного комфорта, а лечение под наркозом апеллирует к высоким стандартам обезболивания и ориентировано на специальные категории пациентов в соответствии с медицинскими диагнозами (системная аллергия на местную анестезию, аутизм, эпилепсия, ДЦП и проч.)

Использование принципов *макдональдизации* (упорядоченность операций, ускоренное обслуживание и жесткий график расписания предоставления услуги) и *уберизации* (или *Uber-формата*) при создании продуктовых предложений и позиционирования медицинских услуг можно расценить как одну из самых перспективных маркетинговых новаций, направленных на массового потребителя. Формат Макдональдса – это некий стандартизированный «фаст-фуд» на рынке медицинских услуг. В рамках такого формата в России развиваются клиники в местах торговой розницы (продукт № 7), а за рубежом – так называемые «клиники супермаркетов», предоставляющие первичную медико-санитарную и неотложную медицинскую помощь в низком ценовом сегменте [Тарасенко, Рыжкова, 2017]. Формат Uber позволяет быстро и недорого заказать медицинскую услугу в любое время суток. Оба они предполагают переход от крупных многопрофильных клиник к небольшим специализированным кабинетам врачей общей практики или диагностическим кабинетам и лабораториям, – формату, который, с одной стороны, востребован потребителями и предоставляет лучшее соотношение цена-качество, напрямую связывая пациента с врачом, минуя регистратуру, с другой – обладает большей мобильностью из-за своей компактности. Наконец, порог входа на рынок у этого формата гораздо ниже, чем у многопрофильной клиники.

Результатом изменений в структуре спроса становится рост маркетинговой активности медицинских организаций, увеличивающих вложения в собственное продвижение, рост осведомленности пациентов о новых возможностях. Все более частым явлением становятся акции, ориентированные на привлечение клиентов. В 2016 г. и первой половине 2017 г. 37% участников опроса, проведенного ООО «Эрнст энд Янг» (далее – ЕУ), осуществляли маркетинговые проекты, направленные в первую очередь на привлечение новых пациентов и увеличение количества посещений¹².

Продуктовая сегментация рынка частной медицины

В настоящее время информационно-аналитическая инфраструктура рынка частной медицины России находится в процессе становления. В упомянутом исследовании ЕУ методология основана на опросном инструменте (количественный опрос экспертов методом анкетирования) и классифицирует клиники по трем ценовым сегментам: премиальному, бизнес- и массовому. Классификация проводится с совокупным использованием нескольких критериев:

- величина среднего чека для физических лиц и ДМС-пациентов;
- собственная оценка участниками своего сегмента;
- сегмент, в котором функционируют обозначенные компанией клиники-конкуренты.

По первому критерию к премиум-сегменту ЕУ относит клиники со средним чеком свыше 15 тыс. руб., в бизнес-сегменте величина среднего чека находится в диапазоне от 6 до 15 тыс. руб.; в массовом – не превышает 6 тыс. руб. Клиники массового и бизнес-сегментов составили основную долю респондентов (82%)¹³.

---

¹² «Исследование рынка коммерческой медицины в России за 2016- первую половину 2017 года» Отчет// ООО «Эрнст энд Янг – оценка и консультационные услуги» URL: [https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-health-care-report-2017-rus/\\$FILE/ey-health-care-report-2017-rus.pdf](https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-health-care-report-2017-rus/$FILE/ey-health-care-report-2017-rus.pdf) (дата обращения: 03.11.2018).

¹³ «Исследование рынка коммерческой медицины в России за 2016- первую половину 2017 года». Отчет ООО «Эрнст энд Янг – оценка и консультационные услуги». URL: [https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-health-care-report-2017-rus/\\$FILE/ey-health-care-report-2017-rus.pdf](https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-health-care-report-2017-rus/$FILE/ey-health-care-report-2017-rus.pdf) (дата обращения: 03.11.2018).

Необходимо заметить, что разработки ценовой сегментации рынка частной медицины при наблюдаемом отсутствии относительно однородных и устойчивых продуктовых категорий сродни «средней температуре по больнице». Пока не проработаны согласованные участниками рынка критерии для его продуктовой сегментации, учитывающие новые продуктовые предложения и инновационные бизнес-модели, практического смысла ценовая сегментация не имеет. При этом изменчивость потребительского поведения, безусловно, объективно тормозит такую работу. Тем не менее результаты проведенного исследования позволяют выделить основные направления формирования продуктовых категорий.

1. *Мультипродукты*: медицинские услуги, интегрированные с социальными/сервисными/Wellness элементами (продукты 3; 8; 13 в приведенном перечне).

2. *Высокоспециализированные медицинские продукты* – услуги на основе комплекса высокотехнологичных технологий диагностики и/или лечения, характеризующиеся слабой информационной асимметрией по качеству/результативности услуги (продукты 1; 2; 4).

3. *Высокоспециализированный медицинский уход* — ядром данных продуктов (9–11) выступают персонализированные технологии ухода за пациентом в привязке к группам заболеваний.

4. *Формат «Доступная медицина»* – (продукты 5; 6) – основой ценностного предложения в данном случае выступает фактор доступности услуги, независимо от занятости и удаленности проживания пациента.

5. *Anti-age медицина* (продукт 7) апеллирует к культуре сохранения молодости и красоты.

6. *Стоматология без боли с элементами геймификации* (продукты 12–14).

Заключение

В настоящее время рынок частной медицины России переживает этап бурного развития. Наряду с факторами реформирования государственного сектора здравоохранения одним из ключевых внутренних драйверов трансформации рынка выступает медицинский маркетинг. Конкурентный маркетинг-микс, программы привлечения и удержания клиентов изменяют

предпочтения потенциальных пациентов медицинских клиник и центров. Проникновение в медицину информационно-коммуникационных технологий многократно увеличивает скорость диффузии изменений в потребительском поведении. Отклик клиентов на маркетинговую активность, маркетинговые инновации усиливают процессы конкурентной динамики, переопределяя рыночную привлекательность тех или иных сегментов, конкурентные позиции компаний, что ведет к перекройке границ и изменению структуры рынка частной медицины, стимулирует развитие смежных рынков (страховая медицина). Выделение инновационных направлений продуктовой категоризации позволяет эффективно отслеживать происходящие на рынке изменения для корректировки маркетинговых стратегий участников рынка.

Поскольку в настоящее время российская экономика нуждается в усилении стратегического управления с использованием потенциала рыночного механизма [Алексеев, 2018; Баранов, 2017], думается, что трансформация и дальнейшее развитие рынка частной медицины должны стать объектом пристального внимания не только научных экспертов, но и бизнес-сообщества, для изучения и адаптации к местным условиям лучших бизнес-практик.

Литература

- Алексеев А. В.* В поисках утраченного равновесия: между государственным регулированием и рыночной неопределенностью // ЭКО. 2018. № 3. С. 101–120.
- Баранов А. О.* Выход из кризиса и перспективы экономического роста в России 2018–2019 гг. // ЭКО. 2017. № 12. С. 5–17.
- Глуценко К. П., Карандашова М. А.* Уровни цен в российских регионах // Регион: экономика и социология. 2017. № 2. С. 76–103.
- Дворяшина М. М.* Трансформация отраслевого рынка: подходы к моделированию // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012 а. № 1. С. 212–225.
- Дворяшина М. М.* Концепция трансформации рынков: источники и направления развития. В кн.: Новая эпоха – новые возможности / Под общ. ред.: Х. Гусарова. Таллинн: Эстона-Американская бизнес-академия, 2012 б. С. 84–93.
- Крюков В. А., Кондратьев Э. В., Маркова В. Д., Масютин С. А.* Предприятия в турбулентной экономике. Концепции, стратегии и модели управления / Подготовила Н. Секрет // Совет директоров Сибири. 2018. № 7. С. 4–8.
- Литвинцева Г. П., Шиц Е. А.* Оценка деятельности кластеров как инструмента увеличения выпуска инновационных товаров // Проблемы современной экономики. 2015. № 3. С. 258–261.

Паперная Г. Кризис роста. Платные медицинские услуги. РБК+. Тематическое приложение к журналу «РБК». 2016. С. 96.

Романов А., Кеворков В. Маркетинг и конкурентоспособность медицинской организации. М.: Дело, 2016. 392 с.

Тарасенко Е. А., Рыжкова Т. Б. Конкурентное позиционирование на рынке частной медицины в кризисных условиях: медицинские клиники в местах торговой розницы // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2017. № 1 (7). С. 26–34.

Тарасенко Е. А. Стратегии позиционирования частных ЛПУ на рынке медицинских услуг // Здравоохранение. 2014. № 9. С. 64–70.

Хитров С. Тренды и прогнозы рынка медицинских услуг в России. Источник: Обзор РБК Исследования рынков «Российский рынок платной медицины 2017».

Шкарин В. В. Определён статус телемедицины / В. В. Шкарин // Ремедиум Приволжье. 2018. № 1. С. 2.

Banaszak-Hall J., Zinn J. S., & Mor V. The impact of market and organizational characteristics on nursing care facility service innovation: A resource dependency perspective. *Health Services Research*, 31(1). 1996. Pp. 97–117.

Beckham D. How to foster innovation in health care delivery. *Hospitals & Health Networks Magazine*. 2015. Available at:

<http://www.hhnmag.com/articles/6638-how-to-foster-innovation-in-health-care-delivery> (accessed 03.09.2018).

Girotra K., Netessine S. Four paths to business model innovation. *Harvard Business Review*. 2014. Available at: <https://hbr.org/2014/07/four-paths-to-business-modelinnovation> (accessed 14.10.2018).

Pfannstuel M., Rasche C. Service Business Model Innovation in Healthcare and Hospital Management: Models, Strategies, Tools. Springer International Publishing. 2017. 296 p.

West M. A. The social psychology of innovation in groups. In M. A. West & J. L. Farr (Eds.), *Innovation and creativity at work: Psychological and organizational strategies*. Chichester: Wiley. 1990. Pp. 309–334.

Статья поступила 02.04.2019

Для цитирования: *Тарасенко Е. А., Дворяшина М. М.* Рынок частной медицины в России: взгляд маркетолога // ЭКО. 2019. № 6. С. 43-61. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-6-43-61.

Summary

Tarasenko, E. A., Candidate of Sociological Sciences, Dvoryashina, M. M., Candidate of Sciences (Economics), National Research University Higher School of Economics, Moscow

Private Healthcare Market in Russia: a Marketologist View

Abstract. The article analyzes the marketing innovations of private medical clinics as a significant internal driver of transformation and development of the private healthcare market in Russia. The transformation of private healthcare market, with high rate of dissemination of professional practices and new formats of activity,

business models and value propositions, directly affects the structure and volume of the market potential of private medical clinics. Product innovations, which are the basis for the value proposition and positioning of medical clinics, are forming new segments of Russian private healthcare market. The authors identified main directions of the formation of innovative product categories in the market of private healthcare in Russia such as multi-products, highly specialized medical services, highly specialized medical care, “accessible clinic” format, anti-age medicine, pain-free dentistry with gamification elements.

Keywords: *healthcare marketing; private healthcare market; value-based healthcare; servitization of healthcare; uberization and McDonaldization of healthcare; marketing interaction*

References

Alekseev, A.V. (2018). In search of lost balance: between state regulation and market instability. *ECO*. No. 3. Pp. 101–120. (In Russ.).

Baranov, A.O. (2017). The way out of the crisis and the prospects for economic growth in Russia in 2018–2019. *ECO*. No. 12. Pp. 5–17. (In Russ.).

Banaszak-Hall, J., Zinn, J. S., Mor, V. (1996). The impact of market and organizational characteristics on nursing care facility service innovation: A resource dependency perspective. *Health Services Research*, 31(1). Pp. 97–117.

Beckham, D. (2015). How to foster innovation in health care delivery. *Hospitals & Health Networks Magazine*. Available at: <http://www.hhnmag.com/articles/6638-how-to-foster-innovation-in-health-care-delivery> (accessed 03.09.2018).

Gluschenko, K.P., Karandashova, M.A. (2017). Price levels across Russian Regions. *Region: ekonomika i sotsiologiya. Region: Economics & Sociology*. No. 2. Pp. 76–103. (In Russ.).

Dvoryashina, M.M. (2012). The market transformation: approaches to the modelling. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem. Modern Research of Social Problems. (electronic scientific journal)*. No. 1. Pp. 212–225. (In Russ.).

Dvoryashina, M.M. (2012). *Market transformation theory: sources and directions of development*. Book: *New era – new features*. Tallinn: Estono-Amerikanskaya biznes-akademiya. Pp. 84–91. (In Russ.).

Girotra, K., Netessine, S. (2014). Four paths to business model innovation. *Harvard Business Review*. Accessed April 30, 2016. URL: <https://hbr.org/2014/07/four-paths-to-business-modelinnovation> (accessed 14.10.2018).

Khitrov, S. Trends and Forecasts of the Medical Services Market in Russia. *Obzor RBK Issledovaniya rynkov «Rossyiskiy ryok platnoy meditsiny 2017»*. (In Russ.).

Kryukov, V.A., Kondratyev, E.V., Markova, V.D., Masyutin, S.A. (2018). Businesses in a turbulent economy. Concepts, strategies and management models. *Sovet direktorov Sibiri*. No. 7. Pp. 4–8. (In Russ.).

Litvintseva, G.P., Shitz, E.A. (2015). Evaluation of activity of clusters as tools for the increase of production of innovative goods. *Problemy Sovremennoy Ekonomiki. Problems of Modern Economics*. No. 3(55). Pp. 258–261. (In Russ.).

Papernaya, G. (2016). Growth crisis. Paid medical services. *RBK +. Tematicheskoye prilozheniye k zhurnalu «RBK»*. P. 96. (In Russ.).

Pfannstuel, M., Rasche, C. (2017). *Service Business Model Innovation in Healthcare and Hospital Management: Models, Strategies, Tools*. Springer International Publishing. 296 p.

Romanov, A., Kevorkov, V. (2016) *Marketing and competitiveness of the medical organization*. Moscow. Delo Publ. 392 p.

Shkarin, V.V. (2018). Defined telemedicine status. *Remedium Volga*. No. 1. P. 2. (In Russ.).

Tarasenko, E.A., Ryzhkova, T.B. (2017). Competitive positioning in the market of private medicine in crisis conditions: medical clinics in retail outlets. *RSUH/RGGU BULLETIN. Series: Economy. Management. Law. Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo*. No. 1 (7). Pp. 26–34. (In Russ.).

Tarasenko, E.A. (2014). Strategies for Positioning Private Healthcare Institutions in the Medical Services Market. *Zdravookhraneniye*. No. 9. Pp. 64–70. (In Russ.).

West, M.A. (1990). The social psychology of innovation in groups. In M.A. West & J.L. Farr (Eds.), *Innovation and creativity at work: Psychological and organizational strategies*. Chichester: Wiley. Pp. 309–334.

For citation: Tarasenko, E.A., Dvoryashina, M.M. (2019). Private Healthcare Market in Russia: a Marketologist View. *ECO*. No. 6. Pp. 43-61. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-6-43-61.

Внешнеэкономические связи Монголии: современная ситуация и проблемы развития¹

А.В. МАКАРОВ, кандидат географических наук, Байкальский институт природопользования СО РАН. E-mail: bulagat@mail.ru

Е.В. МАКАРОВА, кандидат экономических наук, Восточно-Сибирский государственный технологический университет. E-mail: elma79@yandex.ru

А.С. МИХЕЕВА, доктор экономических наук, Байкальский институт природопользования СО РАН, Улан-Удэ. E-mail: asmiheeva@binm.ru

Аннотация. В статье рассматривается современная ситуация в сфере внешнеэкономического сотрудничества Монголии. Приводится характеристика сложившейся специфики социально-экономического развития страны, анализируются изменения товарной и географической структуры внешней торговли за последние пятнадцать лет, структура прямых иностранных инвестиций в экономику страны. Дается характеристика основных тенденций и перспектив развития внешнеэкономических связей Монголии с особым вниманием к проблемам и перспективам российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества.

Ключевые слова: Монголия; внешнеэкономические связи; российско-монгольское торгово-экономическое сотрудничество

Современная специфика экономического развития

Значительный и разнообразный ресурсный потенциал, благоприятная конъюнктура на рынке полезных ископаемых и выгодное экономико-географическое положение по отношению к КНР позволили Монголии в начале нового тысячелетия относительно легко и быстро преодолеть последствия затяжного кризиса 1990-х годов, связанного с переходом к демократической системе управления и рыночной экономике.

Среднегодовой рост ВВП за 2002–2008 гг. составил 8,0% и после резкого спада 2009 г. поднялся в 2011–2013 гг. до двузначного

---

¹ Статья подготовлена в рамках Комплексной программы фундаментальных исследований Сибирского отделения РАН «Междисциплинарные интеграционные исследования на 2018–2020 годы» (проект «Монгольский коридор в условиях Евразийского взаимодействия: история и современность»).

уровня (табл. 1), что позволило Монголии войти в пятерку наиболее динамично развивающихся стран мира [Gupta et al., 2015].

Таблица 1. Основные показатели развития Монголии в 2002–2017 гг.

Показатель	2002	2005	2008	2011	2013	2015	2016	2017
<i>Рост доходов и экономики</i>								
ВВП в текущих ценах, млрд USD	1,6	2,5	5,6	10,4	12,6	11,8	11,2	11,1
ВВП в текущих ценах на душу населения, USD	665,0	998,8	2139,6	3769,6	4385,4	3947,0	3694,1	3735,2
Рост ВВП, % в год	4,7	7,3	8,9	17,3	11,6	2,4	1,2	5,9
Валовые инвестиции, % от ВВП	17,2	37,5	43,6	58,2	53,3	26,4	29,4	37,3
Валовые национальные сбережения, % от ВВП	9,8	38,7	30,7	31,7	27,9	22,4	23,1	26,9
<i>Сводные бюджетные счета, % от ВВП</i>								
Поступления	30,3	27,4	32,9	32,4	31,2	25,8	24,4	29,2
Расходы	31,1	22,7	36,4	34,3	32,2	30,8	39,8	33,1
Общее сальдо бюджета	-0,8	4,7	-3,5	-1,9	-1,0	-5,0	-15,3	-3,9
<i>Платежный баланс, % от ВВП</i>								
Экспорт	37,5	42,2	44,6	39,0	30,1	37,8	42,9	52,4
Импорт	48,7	46,2	55,8	64,6	50,8	33,1	31,0	39,0
Баланс товаров	-11,2	-3,9	-11,2	-25,6	-20,7	4,8	12,0	13,4
Баланс текущего счета	-7,5	3,5	-12,3	-43,3	-37,6	-8,1	-6,3	-10,4
Общий баланс	4,8	5,3	-4,1	0,2	-14,8	-2,3	-0,2	13,1
<i>Золотовалютные резервы</i>								
Всего, млн USD	268,3	333,2	657,4	2451,0	2247,8	1323,2	1303,9	3016,2
<i>Цены и обменные курсы</i>								
Инфляция потребительских цен, % среднее за период	1,1	12,7	26,7	7,7	8,6	5,9	0,5	4,6
Реальный обменный курс, MNT/USD	1110,3	1205,2	1165,8	1265,5	1523,9	1970,3	2140,3	2439,8
<i>Внешний долг</i>								
Общий внешний долг, % от ВВП	79,2	56,5	40,1	100,6	159,1	199,9	232,0	246,2
Обслуживание внешнего долга, % от экспорта	7,4	3,0	2,6	5,4	30,9	33,8	28,5	21,1
<i>Население</i>								
Численность населения, млн чел.	2,4	2,5	2,6	2,8	2,9	3,0	3,1	3,1
Рост населения, % в год	1,3	1,1	1,6	1,7	2,1	2,2	2,0	1,9
Доля городского населения, %	58,3	61,9	64,3	67,4	68,1	68,6	68,9	67,6
Уровень безработицы, %	3,4	3,3	2,8	7,7	7,9	7,5	10,0	8,8
Продолжительность жизни, годы	63,8	65,1	66,4	67,8	68,6	69,1	69,3	70,0

Источник табл. 1–6: составлено по данным Статуправления Монголии. URL: <http://www.nso.mn>

Ключевым драйвером экономического роста страны выступил горнодобывающий сектор, деятельность которого к 2012 г. обеспечивала до 30% ВВП, около $\frac{1}{3}$ доходов государственного бюджета и почти 90% экспорта. В свою очередь доходы от экспорта позволили повысить уровень жизни населения и улучшить социальное обеспечение незащищенных категорий. Доля населения, находящегося за чертой бедности, снизилась с 38,0% в 2008 г. до 21,6% в 2014-м. Среднедушевой доход с 2002 по 2013 гг. увеличился почти в шесть раз, приблизившись к 4,5 тыс. USD/год.

В Стратегии развития Монголии до 2030 г. правительство страны установило амбициозную повестку формирования разносторонне развитой экономики, способствующей укреплению суверенитета страны, сокращению бедности и имущественного расслоения, поддержанию традиционной кочевой культуры и естественной природной среды.

Однако текущая политика ресурсно-ориентированного развития сделала экономику страны крайне зависимой от иностранных инвестиций, уровня мировых цен на минеральное сырье и спроса на него со стороны КНР. Экономические кризисы 2009 и 2015 гг. наглядно показали силу этой зависимости.

Начавшиеся в ходе предвыборной кампании 2012 г. конфликты монгольского правительства с иностранными инвесторами привели к приостановке ряда важнейших ресурсных проектов и многократному сокращению притока иностранных инвестиций. В совокупности с ростом государственных расходов и сокращением объемов экспорта это стало причиной резкого снижения темпов роста монгольской экономики (с 11,6% в 2013 г. до 1,2% в 2016 г.).

Более того, масштабные внешние заимствования привели к увеличению общего внешнего долга страны с 15,3 млрд USD в 2013 г. до 24,6 млрд в 2017-м. По отношению внешнего долга к национальному ВВП Монголия вошла в число мировых «лидеров» (159,1% в 2013 г. и 246,2% в 2017 г.). При этом внешняя задолженность страны будет расти за счет новых заимствований в рамках пакета помощи МВФ.

Напомним: в 2017 г. правительство страны заключило с МВФ, Всемирным банком и Азиатским банком развития, а также суверенными кредиторами (КНР, Япония и Корея) соглашение

о предоставлении финансовой помощи в 2017–2022 гг. объемом 5,7 млрд USD при условии реализации программы реформ².

Первый этап программы включает традиционные меры рационализации государственных расходов (сокращение бюджетных инвестиций, сдерживание роста заработной платы, пенсий и социальных выплат) и доходов (повышение налогов на добычу полезных ископаемых и акцизов на бензин, алкоголь и табачные изделия). Второй предусматривает повышение налога на прибыль, введение прогрессивного подоходного налога (вместо действующей фиксированной ставки в 10%) и повышение пенсионного возраста (поэтапно – на шесть месяцев ежегодно – до достижения целевого уровня в 65 лет для мужчин и женщин к 2028 и 2038 гг. соответственно)³.

В то же время рекордные объемы экспорта на фоне очередного роста цен на минеральное сырье и новый приток иностранных инвестиций в горнодобывающий сектор стали основными факторами возобновления экономического роста в 2017 г. Согласно прогнозам, рост монгольской экономики в ближайшие годы продолжится на уровне 6–8%⁴.

Ключевую роль в усилении темпов экономического развития вновь приобретут мегапроекты в горнодобывающем секторе. Ожидается, что начало полномасштабного освоения крупнейших в мире месторождений меди Ою-Толгой и угля Таван-Толгой позволит Монголии не только увеличить ежегодные объемы их добычи в стране более чем в два раза, но и получить статус ключевого экспортера этих полезных ископаемых в КНР⁵. Помимо этого, в ближайшие годы планируется приступить к разработке еще

---

² Consultation and Request for an Extended Arrangement under the Extended Fund Facility-Press Release: Staff Report and Statement by the Executive Director for Mongolia. International Monetary Fund. 2017. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2017/05/31/Mongolia-2017-Article-IV-Consultation-and-Request-for-an-Extended-Arrangement-Under-the-44954> (дата обращения: 20.07.2017).

³ Strategy for Mongolia. European Bank for Reconstruction and Development. 2017. [Эл. ресурс]. URL: www.ebrd.com/country/strategy/mongolia.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

⁴ Asian Development Outlook 2018 Update: Maintaining Stability amid Heightened Uncertainty. Asian Development Bank. 2018. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/452971/ado2018-update.pdf> (дата обращения: 14.10.2018).

⁵ Mongolia Economic Update: Fiscal space for growth – the role of public investment spending efficiency: main report. World Bank. 2018. [Эл. ресурс]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/648031532963732140/pdf/129025-WP-PUBLIC-Mongolia-Economics-Update-2018-eng.pdf> (дата обращения: 20.08.2018).

целого ряда крупных месторождений каменного угля, благородных и цветных металлов, железных руд и редкоземельных элементов.

Однако, несмотря на улучшение среднесрочных перспектив, структурные проблемы монгольской экономики остаются и будут лишь усиливать ее уязвимость от внешних факторов. Поэтому вопросы развития инфраструктуры, диверсификации экономики и внешнеэкономических связей находятся в центре внимания монгольского правительства.

Внешнеэкономическое сотрудничество

На современном этапе ключевые интересы и возможности Монголии в плане обеспечения экономического роста, повышения благосостояния населения, укрепления позиций на международной арене и реализации национальной стратегии развития в целом сосредоточены в сфере международных экономических отношений.

Общий объем внешнеторгового оборота Монголии с 2002 по 2011 гг. увеличился почти в 10 раз, в том числе объем экспорта вырос с 0,5 до 4,8 млрд USD, импорта – с 0,7 до 6,6 млрд (табл. 2). В 2015 г. в связи с неблагоприятной конъюнктурой на рынке полезных ископаемых произошло резкое сокращение объемов внешней торговли, но уже через два года на фоне роста цен на минеральное сырье объем монгольского экспорта достиг очередного рекорда. При этом с 2014 г. наметилась тенденция к преобладанию объемов экспорта над импортом, что привело к формированию положительного сальдо внешней торговли в 2014–2017 гг.

Таблица 2. Основные показатели внешней торговли Монголии в 2002–2017 гг., млн USD (в ценах текущих лет)

Показатель	2002	2005	2008	2011	2014	2015	2016	2017
Оборот	1214,4	2241,2	5779,0	11415,9	11011,0	8466,8	8274,5	10536,1
Экспорт	524,0	1063,9	2534,5	4817,5	5774,3	4669,3	4916,3	6200,7
Импорт	690,4	1177,3	3244,5	6598,4	5236,7	3797,5	3358,1	4335,5
Баланс	-166,4	-113,4	-710,0	-1780,9	539,2	871,8	1558,2	1865,2

Многokратное увеличение объемов экспорта было полностью обеспечено за счет горнодобывающего сектора. Экспорт минеральных продуктов вырос с 0,2 млрд USD в 2002 г. до 4,3 млрд в 2011 г., их доля в общем объеме экспорта приблизилась к 90%.

Ведущие позиции в структуре экспорта (75%) занимают медный концентрат, уголь и золото (табл. 3).

Таблица 3. **Товарная структура монгольского экспорта в 2002–2017 гг., %**

Товар	2002	2005	2008	2011	2014	2015	2016	2017
Медный концентрат	26,8	30,7	33,0	20,1	44,6	48,8	32,7	26,0
Медь	0,4	0,8	0,7	0,4	0,7	1,4	1,5	1,5
Золото	22,8	31,2	23,7	2,3	7,0	9,0	15,4	9,6
Флюорит	3,2	2,4	2,3	2,0	1,2	1,4	1,2	1,4
Молибден	1,9	4,4	3,2	1,0	0,6	0,6	0,5	0,6
Вольфрам	-	-	0,1	-	0,3	0,3	0,2	0,1
Цинковый концентрат	-	1,0	6,1	3,0	2,0	2,2	3,0	2,9
Железная руда	-	0,4	3,6	9,2	7,7	4,9	5,1	5,1
Металлические изделия	0,9	0,9	0,4	0,5	-	1,0	0,3	0,3
Уголь	-	2,5	7,3	47,2	14,7	11,9	19,8	36,6
Сырая нефть	0,6	0,9	4,0	5,3	11,0	8,3	6,9	6,0
Изделия из шерсти и кожи	15,5	7,7	0,3	-	-	0,1	0,2	0,1
Шерсть, шкуры	7,9	2,7	1,8	1,0	0,6	0,8	0,6	0,5
Кашемировая пряжа	5,8	5,0	3,9	1,2	1,1	0,9	0,7	0,6
Козий пух	0,2	1,3	3,0	2,7	3,9	4,2	3,9	3,3
Мясо и мясные продукты	4,9	1,6	1,0	0,5	0,2	0,5	0,5	0,9
Прочие товары	9,1	6,5	5,6	3,6	4,4	3,7	7,5	4,5

При этом более $\frac{1}{2}$ всего объема экспорта обеспечивают три крупнейшие компании страны (ГОК «Эрдэнэт», ГОК «Ою-Толгой» и угольная компания «Энерджи Ресурс»). Отметим, что многократное увеличение объемов экспорта также ожидается в связи с деятельностью двух последних компаний – после ввода в эксплуатацию в 2020 г. второй очереди ГОК «Ою-Толгой» и с началом полномасштабной разработки месторождения «Таван-Толгой».

В структуре импорта основная часть приходится на минеральные продукты (нефтепродукты), машины и оборудование, автотранспорт и продукты питания, около 5–7% – на изделия из металла и товары химической промышленности, полностью отсутствующей в стране (табл. 4). С началом разработки месторождений Южного региона резко увеличились также объемы импорта электроэнергии.

В 2017 г. из 7,6 млрд кВт·ч потребленной в стране электроэнергии 1,6 млрд (21,0%) было обеспечено за счет импорта. При этом $\frac{3}{4}$ общего объема импорта пришлось на поставки

электроэнергии из КНР для нужд ГОК «Ою-Толгой». Общие расходы на покупку за рубежом электроэнергии в 2017 г. составили 136,0 млн USD, в том числе более 110,0 млн «ушли» в Китай. Учитывая, что потребности ГОК «Ою-Толгой» на втором этапе освоения месторождения (подземная добыча) увеличатся более чем вдвое, ежегодные расходы на импорт электроэнергии (даже при условии сохранения текущих цен) могут превысить 220,0 млн USD.

Таблица 4. Товарная структура монгольского импорта в 2002–2017 гг., %

Товар	2002	2005	2008	2011	2014	2015	2016	2017
Минеральные продукты	19,2	27,7	29,7	19,3	28,0	24,7	21,6	22,7
Машины и оборудование	19,5	21,7	18,7	27,0	18,8	20,7	20,3	21,2
Автотранспортные средства	10,9	9,9	14,1	22,9	11,8	9,7	13,0	14,4
Продовольственные товары	18,8	13,0	13,4	7,3	10,9	12,5	15,1	12,6
Текстиль, изделия из него	12,5	6,6	1,4	0,9	1,6	1,9	2,3	2,1
Продукция химической промышленности	5,0	4,6	4,6	3,9	5,9	7,1	8,1	7,3
Металлы, изделия из них	4,5	7,3	8,2	9,0	10,3	9,8	6,3	7,7
Пластмассы, резина и изделия из них	2,8	2,6	2,6	3,5	3,9	3,7	4,1	4,2
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2,6	2,4	2,0	1,5	2,2	2,3	2,3	2,1
Строительные материалы	1,6	1,6	2,0	1,7	2,7	2,8	2,5	1,9
Электроэнергия	0,5	0,5	0,2	0,3	2,5	3,4	3,7	3,1
Прочие товары	2,1	2,1	2,9	2,7	1,6	1,5	0,9	0,8

КНР является основным торговым партнером Монголии, потребляющим более 80,0% монгольского экспорта и поставляющим $\frac{1}{3}$ общего объема импорта (табл. 5). Кроме того, в последние годы государственные банки и компании Китая предоставили правительству Монголии ряд кредитов под гарантии поставок сырья и закупок китайского оборудования, так что параметры двустороннего товарооборота в ближайшие годы сохранятся как минимум на сложившемся уровне.

После того, как работающие на территории страны добывающие компании из США, Канады и Австралии полностью переориентировались на поставку местного минерального сырья в КНР, значение этих стран в монгольском экспорте резко сократилось. Среди западных стран крупным торговым партнером Монголии

выступает только Великобритания, на которую приходится весь объем монгольского экспорта золота и других драгоценных металлов.

Таблица 5. Географическая структура монгольского экспорта в 2002–2017 гг., %

Страна	2002	2005	2008	2011	2014	2015	2016	2017
Китай	44,9	48,1	64,5	87,0	87,8	83,5	79,1	85,0
США	30,2	14,2	4,5	0,3	0,3	0,4	0,2	0,1
Россия	8,5	2,5	3,4	1,7	1,1	1,6	1,1	1,1
Республика Корея	3,7	6,2	1,2	0,5	0,2	1,4	0,2	0,2
Великобритания	2,8	8,3	6,5	3,3	6,9	7,2	16,0	10,7
Италия	2,3	2,3	1,7	1,2	0,9	0,9	0,7	0,7
Австралия	2,2	1,4	0,0	0,2	0,0	0,1	0,0	0,1
Япония	1,4	0,5	1,1	0,2	0,4	0,4	0,3	0,2
Германия	1,0	1,2	0,4	0,5	0,3	0,2	0,9	0,2
Канада	0,1	11,6	6,9	4,0	-	-	0,1	-
Другие страны	2,9	3,7	9,8	1,1	2,1	4,3	1,4	1,7

В числе крупных импортеров, помимо КНР, остается Россия, на которую приходится основной объем поставляемых нефтепродуктов. Среди остальных партнеров выделяются Япония, Корея и Германия, поставляющие в Монголию автомобили и бытовую технику (табл. 6). Из Монголии в эти страны в основном экспортируются козий пух и пряжа, шерсть и шкуры.

Таблица 6. Географическая структура монгольского импорта в 2002–2017 гг., %

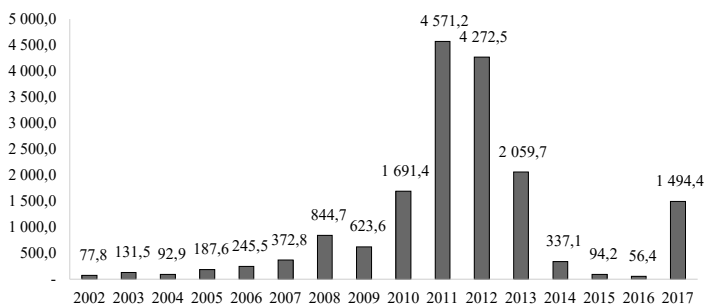
Страна	2002	2005	2008	2011	2014	2015	2016	2017
Россия	37,7	34,5	38,3	24,3	29,7	26,7	25,7	28,1
Китай	23,0	27,4	27,7	36,8	32,9	35,6	31,0	32,6
Республика Корея	9,4	5,3	6,0	1,9	6,8	6,8	5,9	4,6
Япония	5,0	7,1	7,4	10,6	7,1	7,2	9,9	8,4
Германия	4,8	2,9	2,9	2,4	3,0	3,3	3,6	3,0
США	2,6	3,1	2,6	10,0	4,2	3,0	4,2	4,8
Австралия	1,7	1,1	0,5	0,9	0,3	0,3	0,7	0,8
Франция	0,9	2,5	1,0	1,0	1,0	0,7	0,6	0,7
Италия	0,4	0,3	0,5	0,4	0,9	0,9	1,0	1,1
Канада	0,3	1,4	0,3	0,3	0,4	0,5	0,6	0,7
Другие страны	14,2	14,4	12,8	11,4	13,7	15,0	16,8	15,2

Ожидается, что объемы взаимной торговли с Японией существенно возрастут после заключения в конце 2016 г. двустороннего соглашения о свободной торговле. В настоящее время монгольским правительством прорабатывается также возможность заключения подобных соглашений с Республикой Корея и Евразийским экономическим союзом.

В целом структура внешней торговли четко отражает основные особенности современной экономики Монголии, характеризующейся ведущей ролью ориентированного на экспорт горнодобывающего сектора. При этом промышленность остается слаборазвитой, поэтому стране приходится импортировать основную часть нефтепродуктов и промышленных товаров. В этой связи экономика Монголии имеет очень открытый характер (внешнеторговый оборот достигает 90,0% объема ВВП).

Прямые иностранные инвестиции

Основной объем привлеченных в 2002-2017 гг. прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в монгольскую экономику также был обеспечен за счет горнодобывающего сектора. Среднегодовой приток ПИИ увеличился с 0,3 млрд USD в 2005-2006 гг. до 4,5 млрд в 2011-2012 гг. (рис. 1).

Источник рис. 1-3: составлено по данным агентства развития Монголии. URL: <http://investmongolia.gov.mn>

Рис. 1. Приток прямых иностранных инвестиций в экономику Монголии в 2002-2017 гг., млн USD

Доля ПИИ в общем объеме инвестиций в период пика экономического развития Монголии 2010-2012 гг. превысила 70,0%. Наибольший их объем был привлечен в ГОК «Ою-Толгой»

(6,2 млрд USD за 2010-2012 гг.), основным инвестором которого является австралийско-британский горно-металлургический концерн «Rio Tinto Group» (66% акций ГОК).

Однако после принятия в 2012 г. нового закона об иностранных инвестициях произошло резкое сокращение притока ПИИ, что вкупе с падением цен на минеральное сырье привело к кризису 2015 г.

Здесь в общих чертах раскроем детали произошедших событий. Первый закон об иностранных инвестициях 1993 г. из-за строгих ограничений для иностранного долевого участия в монгольских предприятиях существенного влияния на развитие экономики не оказал.

Второй закон об иностранных инвестициях 2002 г. привел Монголию в группу стран с наиболее либеральным режимом для иностранных инвесторов и обеспечил тридцатикратный рост притока ПИИ к 2012 г. Основными новациями закона стали отсутствие строгих ограничений на участие иностранного капитала, возможность свободного перевода своих активов и доходов из Монголии после выполнения налоговых обязательств, а также защита от экспроприации с гарантией полной компенсации.

В 2012 г. в ходе предвыборной кампании в монгольский парламент был утвержден новый закон, который ввел ограничения на дальнейшие иностранные инвестиции в стратегических отраслях экономики (горнодобывающий и финансовый секторы, транспорт и СМИ). Согласно новому закону иностранные инвесторы, владеющие более 33% акций монгольских компаний в этих отраслях, должны были получать разрешения на дальнейшие инвестиции от монгольского правительства.

Однако компании Rio Tinto и Centerra Gold, выступающие в качестве инвесторов ГОК «Ою-Толгой» и прииска «Бороо», а также другие западные компании заявили о приостановке своей деятельности в Монголии в связи с изменениями в инвестиционном законодательстве. Кроме того, правительство КНР в начале 2013 г. закрыло на месяц таможенные пункты на границе с Монголией, полностью парализовав ее экспортный поток. Это стало причиной обвального сокращения притока ПИИ в Монголию.

Для исправления складывающейся ситуации парламент страны в конце 2013 г. утвердил новый закон, согласно которому ограничения на дальнейшие инвестиции в стратегических

отраслях устанавливаются лишь для иностранных государственных компаний (в которых иностранное государство прямо или косвенно владеет более 50,0% уставного капитала).

В результате введенные ограничения на ПИИ фактически сохранились только для китайских компаний. В принципе, вход в эти отрасли для них согласно последнему закону вполне осуществим путем создания совместных предприятий, в которых контрольный пакет акций будет принадлежать монгольской стороне. Но разрешение на создание подобных предприятий должно утверждаться уже парламентом страны.

Горнодобывающий сектор остается безусловным лидером в отраслевой структуре ПИИ (рис. 2). Основными инвесторами первоначально выступили компании из Австралии, Канады и США, для которых фактически был установлен режим наибольшего благоприятствования. В настоящее время наиболее значительные доли в общем объеме привлеченных ПИИ принадлежат Канаде и КНР (рис. 3).

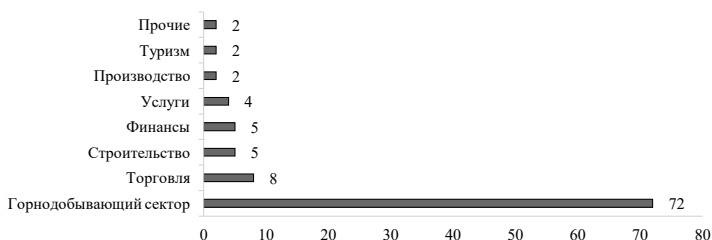

Рис. 2. Отраслевая структура прямых иностранных инвестиций в экономику Монголии в 2002-2017 гг., %

Высокая доля в структуре ПИИ азиатских (Сингапур и Гонконг) и европейских (Люксембург и Нидерланды) офшоров также свидетельствует об их важности в качестве каналов для ПИИ в Монголию. Европейские офшоры в основном используются для репатриации монгольских капиталов. В то же время доля азиатских офшоров стала расти после введения инвестиционных ограничений для китайских государственных компаний.

Восстановление ежегодных объемов притока ПИИ на уровне 2011–2012 гг. прогнозируется с 2018 г. в связи с началом полномасштабного освоения месторождений Таван-Толгой и Ою-Толгой, а также запуском новых ресурсных и инфраструктурных

мегапроектов. Ожидается, что только инвестиции в проекты Таван-Толгой и Ою-Толгой составят в 2018–2022 гг. 4,0 и 6,0 млрд USD соответственно^{6,7}.

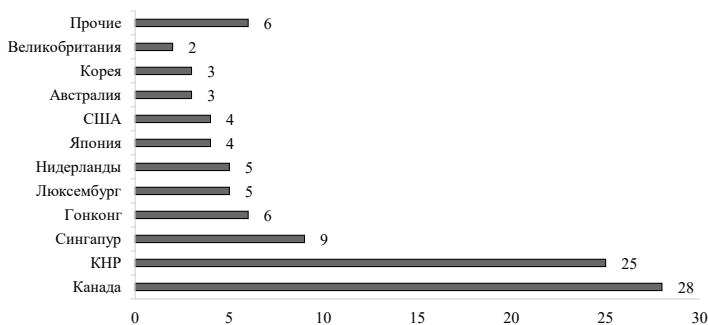

Рис. 3. Географическая структура прямых иностранных инвестиций в экономику Монголии в 2002–2017 гг.,%

В целом сочетание значительного ресурсного потенциала и расположения рядом с самым большим в мире рынком сырьевых ресурсов будет оставаться основой экономического развития Монголии. В то же время чрезмерно высокая концентрация экспорта на узкой группе минеральных продуктов самой низкой сложности и одном внешнем рынке делает экономику страны крайне уязвимой от колебаний мировых цен на полезные ископаемые, спроса со стороны КНР и притока ПИИ в горнодобывающий сектор.

Для достижения провозглашенной цели формирования разносторонне развитой экономики Монголии необходимо переместиться вверх по цепочке создания добавленной стоимости за счет повышения глубины переработки минерального сырья и усилить традиционные секторы (шерстопрядильные, кожевенные и мясоконсервные производства).

Чтобы обеспечить эффективное освоение новых месторождений в Южном регионе, необходимо устранить инфраструктурные ограничения. В настоящее время ГОК «Ою-Толгой», ставший

⁶ Strategy for Mongolia. European Bank for Reconstruction and Development. 2017. [Эл. ресурс]. URL: www.ebrd.com/country/strategy/mongolia.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

⁷ Mongolia Economic Update: Fiscal space for growth – the role of public investment spending efficiency: main report. World Bank. 2018. [Эл. ресурс]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/648031532963732140/pdf/129025-WP-PUBLIC-Mongolia-Economics-Update-2018-eng.pdf> (дата обращения: 20.08.2018).

ведущим экспортером медного концентрата в КНР, полностью снабжается за счет импорта китайской электроэнергии по цене, в два раза превышающей национальный тариф (соответственно 11,0 и 5,5 центов/кВт·ч). При этом Монголия обладает крупнейшими на континенте запасами угля, использование которых может не только покрыть внутренние потребности в электроэнергии, но и обеспечить экспорт в КНР. Данная ситуация наглядно показывает, как отсутствие инфраструктуры ограничивает возможности страны по созданию добавленной стоимости даже в тех секторах, где можно было бы ожидать наличие сравнительных конкурентных преимуществ.

В качестве инструмента решения инфраструктурных проблем еще в 2010 г. был принят Закон о концессиях. Национальным агентством развития был сформирован перечень приоритетных проектов создания энергетической и железнодорожной инфраструктуры для заключения концессионных соглашений с иностранными компаниями. Однако в результате противоречий по объемам инвестиций, срокам строительства и оперативного управления ни один из этих проектов так и не был реализован.

Поэтому монгольскому правительству пришлось самостоятельно профинансировать строительство автодорог от новых месторождений Южного региона до границы с КНР. При этом на дорожное строительство была направлена основная часть всех кредитов, привлеченных в 2010–2014 гг.⁸

В целом характер внешней торговли и объемы привлеченных ПИИ будут зависеть от дальнейших действий правительства Монголии в части реализации новых проектов добычи и переработки минеральных ресурсов, развития инфраструктуры и модернизации традиционных отраслей.

Проблемы и перспективы российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества

СССР в свое время оказал активную поддержку восстановлению Монголией независимости от Китая и на протяжении почти 70 лет оставался гарантом ее суверенитета и основным внешне-экономическим партнером. Благодаря его поддержке к середине

---

⁸ Mongolia 2017–2020. Sustaining Inclusive Growth in a Period of Economic Difficulty. Asian Development Bank. 2017. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/320271/cps-mon-2017–2020.pdf> (дата обращения: 23.07.2017).

1980-х гг. в Монголии были созданы около 700 народнохозяйственных объектов [Народное хозяйство МНР..., 1986].

За счет льготных кредитов и безвозмездной помощи со стороны СССР в период 1970–1980 гг. обеспечивалось до 75% капитальных вложений в народное хозяйство Монголии. В стране постоянно работали около 40 тыс. советских специалистов, из них 26 тыс. – в строительной сфере [Баярхуу, 1996].

Ведущие позиции в экономике социалистической Монголии занимали три совместных предприятия (50/50) – ГОК «Эрдэнэт», АО «МонголСовцветмет» и АО «Улан-Баторская железная дорога», которые являлись крупнейшими государственными активами СССР за рубежом.

Последними крупными объектами советской помощи стали введенные в эксплуатацию в 1984 г. Улан-Баторская ТЭЦ-4, пусковой комплекс угольного разреза «Баганур» и домостроительный комбинат в Улан-Баторе.

Помимо содействия строительству социализма, важным фактором экономического сотрудничества выступала необходимость развития материальной базы обеспечения группировки советских войск в Монголии, насчитывавшей к середине 1980-х гг. свыше 100 тыс. военнослужащих.

В целом специфической особенностью внешнеэкономических связей социалистической Монголии была тесная привязка к единственному партнеру в лице СССР. За счет поступлений по импорту формировался весь потребляемый в стране фонд нефтепродуктов, около 90% вводимых в эксплуатацию машин и оборудования и более 50% реализуемых товаров широкого потребления [Матвеева, 1987]. Весь экспортируемый объем изделий из кожи и шерсти, а также минерального сырья почти полностью поставлялся в СССР. Доля СССР во внешнеторговом обороте Монголии в конце 1980-х гг. составляла более 90,0%.

Поэтому прекращение экономической поддержки и резкое сокращение объемов взаимной торговли в ходе процессов перестройки в СССР, переосмысления целесообразности помощи странам социалистического лагеря и утраты военно-стратегического значения монгольского плацдарма в условиях начавшейся нормализации советско-китайских отношений вызвали глубокий системный кризис в Монголии.

В рамках программы экономических преобразований, проведенных в духе шоковой терапии, монгольское правительство стало придавать особое значение вхождению в международные финансовые организации и расширению экономических связей с США, странами ЕС и Японией.

За счет льготных кредитов и безвозмездной финансовой помощи с их стороны с 1996 г. в Монголии начался постепенный подъем экономики. Поэтому данные страны стали рассматриваться демократическим правительством страны в качестве ключевых партнеров. В дальнейшем это отношение легло в основу внешнеполитического концепта «третьего соседа» Монголии [Родионов, 2009]. Под ним понимается группа наиболее развитых стран мира, сотрудничество с которыми может сбалансировать отношения с Россией и КНР, обеспечить национальную безопасность и суверенитет.

В российско-монгольских отношениях наиболее острым вопросом с середины 1990-х гг. была проблема урегулирования кредитной задолженности Монголии перед Россией как правопреемницей СССР. Демократическое правительство категорически отказывалось от согласования подлежащей возврату задолженности и условий ее погашения. Более гибкий подход продемонстрировала Монгольская народная партия, вернувшаяся к власти в 2000 г. Ее позиция заключалась в том, что ключом к решению данной проблемы должны стать взаимные уступки.

Правительство России предлагало списать 85,0% задолженности при условии незамедлительной оплаты оставшейся части. Неофициально предполагалось, что Монголия также предоставит российским компаниям приоритетное право доступа к разработке крупнейших месторождений.

В начале 2004 г. правительство России объявило о списании основной части долга Монголии перед СССР (11,1 из 11,4 млрд USD). Однако поражение Монгольской народной партии на парламентских выборах 2004 г. привело к тому, что конвертировать эту уступку в концессии по разработке монгольских месторождений России не удалось.

Российские компании («Северсталь», «Базовый элемент», «Ренова» и ОАО «РЖД») в 2008–2010 гг. прилагали усилия для участия в разработке месторождений Южной Монголии, в том числе в увязке со строительством энергетической и железнодо-

рожной инфраструктуры. Однако в борьбе за доступ к их разработке они проиграли Rio Tinto Group, China Shenhua Energy и Sumitomo Corporation.

В принципе предприятия «Эрдэнэт», «МонголРосцветмет» и «Улан-Баторская железная дорога» остаются в числе ведущих компаний страны. Тем не менее ГК «Ростех» в 2016 г. продала российские доли в предприятиях «Эрдэнэт» и «МонголРосцветмет» компании «Монголын Зэс».

Таким образом, основой двустороннего экономического сотрудничества в последнее десятилетие оставался только российский экспорт в Монголию минеральных продуктов (нефтепродуктов) и отчасти продовольственных и промышленных товаров (табл. 7), а также электроэнергии. В структуре российского импорта из Монголии основную долю также составляют минеральные продукты (плавиковый шпат) и отчасти продовольственные товары (мясо и мясопродукты).

Таблица 7. **Внешняя торговля России с Монголией в 2007–2017 гг., млн USD (в ценах текущих лет)**

Показатель	2007	2010	2012	2014	2015	2016	2017
Оборот	677,0	1015,7	1915,7	1501,8	1161,4	931,6	1368,1
Экспорт	628,8	936,6	1851,4	1461,3	1117,3	895,7	1326,9
минеральные продукты	402,1	633,0	1352,9	1024,8	828,0	540,4	840,8
продовольственные товары	83,0	123,9	150,2	144,7	124,2	163,8	180,0
машины и оборудование	32,5	77,2	118,6	146,5	52,3	74,5	118,5
продукция химической промышленности	5,3	53,9	84,2	61,7	56,3	64,3	100,9
металлические изделия	2,5	28,3	109,4	57,9	28,1	21,6	48,7
древесина и бумажные изделия	28,8	5,5	5,3	5,5	4,7	6,7	10,6
текстильные изделия	67,2	3,4	4,5	2,9	2,0	2,1	3,1
другие товары	7,4	11,4	26,3	17,1	21,1	22,3	24,3
Импорт	48,2	79,1	64,3	40,5	44,1	35,9	41,2
минеральные продукты	16,2	50,7	55,4	31,0	35,9	27,0	28,9
продовольственные товары	28,2	26,8	7,0	7,2	6,5	6,8	8,0
текстильные изделия	1,1	1,3	1,4	1,3	1,0	2,1	4,1
другие товары	2,7	0,3	0,5	1,0	0,7	-	0,2
Сальдо	580,6	857,5	1787,1	1420,8	1073,2	859,8	1285,7

Источник: составлено по данным ФТС России. URL: <http://www.customs.ru>

Примечание: показатели внешней торговли даются без данных торговли электроэнергией, не учитываемой ФТС России.

Следует отметить, что правительство Монголии планомерно реализует политику ликвидации зависимости от импорта российских нефтепродуктов. За счет начала добычи нефти в Восточном регионе Монголии ее поставки для переработки в КНР и импорта части полученных нефтепродуктов (в рамках давальческого соглашения с PetroChina) к настоящему времени удалось снизить зависимость от России со 100 до 90%. В 2019 г. планируется начать строительство первого в Монголии нефтеперерабатывающего завода. Реализация этого проекта будет финансироваться за счет кредита Экспортно-импортного банка Индии. Запуск завода в 2022 г. позволит полностью закрыть потребности Монголии. Поэтому следует ожидать, что рынок нефтепродуктов соседней страны (1,2 млн т в год) для монопольного поставщика (Ангарская нефтехимическая компания) будет утрачен.

Перспективы российского экспорта электроэнергии в Монголию также представляются неблагоприятными. Несмотря на то, что объем поставок за 2002–2014 гг. увеличился в три раза (со 130,0 до 390,0 млн кВт·ч), существует реальный риск сокращения в ближайшие годы (вплоть до полного прекращения) российского экспорта электроэнергии. Это связано с планами монгольского правительства развития собственной генерации, в том числе за счет проектов развития гидроэнергетики в бассейне трансграничной реки Селенги (против которых Россия активно, но пока без особого успеха возражает) [Макаров, 2016].

В принципе широкие возможности для сотрудничества предполагает необходимость модернизации действующих ТЭЦ, построенных при поддержке СССР. К числу успешных примеров подобного сотрудничества можно отнести проект увеличения мощности Улан-Баторской ТЭЦ-4 на 120 МВт, реализованный в 2014 г. при поддержке Внешэкономбанка и ГК «Ренова». В числе перспективных проектов рассматривались также проекты повторного увеличения мощности Улан-Баторской ТЭЦ-4 (на 100 МВт) и Улан-Баторской ТЭЦ-3 (на 250 МВт). Тем не менее переговоры по этим проектам в плоскость практической реализации пока не перешли.

Неоднократные предложения монгольского руководства использовать территорию Монголии для прокладки магистральных нефте- и газопроводов были отклонены правительствами России и КНР с целью полного исключения транзитных рисков.

В последние годы продвигается идея китайско-монгольско-российского взаимодействия в рамках развития Экономического пояса Шелкового пути. В 2016 г. уполномоченными представителями трех стран была подписана «Программа создания экономического коридора КНР – Монголия – Россия». В то же время рамочный характер этого документа означает, что пока эта инициатива остается в стадии формирования концепции с неясными перспективами.

На наш взгляд, пока нет серьезных оснований ожидать существенного расширения или выхода на качественно новый уровень российско-монгольских экономических взаимоотношений. Ресурсно-ориентированный характер, разные масштабы и отсутствие взаимной дополняемости экономик обеих стран не создают предпосылок для углубления сотрудничества.

По существу, экономическое взаимодействие обусловлено только сохраняющейся потребностью Монголии в импорте нефтепродуктов и электроэнергии. При этом в обозримой перспективе вероятно многократное сокращение объемов экспорта российских энергоресурсов в Монголию.

Вместо заключения

За последние годы Монголия добилась значительного прогресса в повышении экономических и социальных показателей. Тем не менее она сталкивается с острыми проблемами системного характера в своих усилиях, направленных на ускорение темпов экономического развития.

Изолированный характер расположения Монголии между двумя крупнейшими по площади странами континента и отсутствие выхода к морю, низкий уровень развития промышленности и инфраструктуры, тотальная зависимость от экспорта минерального сырья в КНР и импорта нефтепродуктов из России представляют комплекс уникальных ограничений для устойчивого развития внешней торговли и экономики в целом.

Привлечение иностранных инвесторов в горнодобывающий сектор позволило стране получить значительные выгоды в условиях роста цен на минеральное сырье. Однако режим «зеленого коридора» для входа в отрасль компаний из западных стран не помог Монголии избежать возникновения критического уровня зависимости от торгово-экономических связей с КНР.

В условиях значительной удаленности страны от других крупных рынков важнейшим элементом стратегии всех добывающих компаний стала максимизация выгод от расположения рядом с новым центром мирового развития. В 2017 г. Монголия сместила Россию с третьего места в числе ведущих экспортеров коксуемого угля в Китай. Не исключено, что в ближайшие годы она потеснит и других конкурентов, прежде всего, по поставкам угля, железной руды и концентратов цветных металлов на китайский рынок. Фактически многократному росту физических объемов экспорта минерального сырья из Монголии в КНР препятствует только низкий уровень развития инфраструктуры.

Однако привлечь добывающие компании к решению инфраструктурных проблем правительству Монголии не удастся. Попытки развития инфраструктуры на основе концессий с иностранными инвесторами также к успеху не привели.

Чтобы обратить вспять этот процесс маргинализации и обеспечить более эффективную интеграцию в глобальную экономику, Монголии необходимо принять срочные меры для наращивания экспортного потенциала на основе создания производств более глубокой переработки минерального и сельскохозяйственного сырья, развития инфраструктуры и облегчения транзитного доступа к другим крупнейшим рынкам мира.

В связи с ограниченными возможностями страны обеспечить развитие производственной базы и инфраструктуры можно только за счет внешних источников финансовых и технических средств. При этом, как показывает опыт последних лет, лишь немногие иностранные инвесторы готовы и способны финансировать крупномасштабные проекты в стране. А потому дальнейшее усиление экономического сотрудничества с КНР выглядит самым простым решением. Для этого даже не потребуются отмена законодательных ограничений для китайских инвестиций в монгольскую экономику, введенных в 2012 и 2013 гг., поскольку правительства обеих стран в определенной мере заменили их в двусторонних отношениях кредитным финансированием.

В принципе ничего нового в подобных отношениях для Монголии нет. В период, когда страна фактически являлась шестнадцатой республикой СССР, были заложены основы современной экономики Монголии. В то же время следует понимать, что

дальнейшее усиление сотрудничества с КНР грозит опасностью полной утраты политической самостоятельности.

Поэтому одной из основных задач правительства Монголии остается сбалансированное привлечение широкого круга внешнеэкономических партнеров к комплексному освоению богатой минерально-сырьевой и сельскохозяйственной базы для обеспечения устойчивого социально-экономического развития и укрепления суверенитета страны.

Кроме того, открытое признание курса на углубление интеграции с КНР в обществе, охваченном идеями ресурсного национализма, грозит непредсказуемыми последствиями. Хотя проводимые реформы под эгидой МВФ могут легко качнуть маятник общественных настроений в сторону Китая. В любом случае, принимая во внимание тот факт, что в Монголии все ключевые события происходят в годы парламентских выборов (списание Россией «большого долга» перед СССР в 2004 г., «цветная революция» 2008 г., «война» против иностранных компаний 2012 г., «ренессанс» Монгольской народной партии в 2016 г.), окончательное решение по внешнеэкономической стратегии следует ожидать не ранее 2020 г.

Литература

Баярхуу Т. Российско-монгольские торгово-экономические отношения (1960–1995 годы). Автореферат канд. дисс. Москва: ИМЭПИ РАН, 1996. 21 с.

Макаров А. В. Проблемы сотрудничества России с Монголией в контексте охраны трансграничных вод // ЭКО. 2016. № 5. С. 175–188.

Матвеева Г. С. Монгольская Народная Республика в системе социалистической экономической интеграции. М.: Наука, 1987. 244 с.

Народное хозяйство МНР за 65 лет (1921–1986 годы). Улан-Батор: Госиздат, 1986. 420 с.

Родионов В. А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 228 с.

Gurta P., Li B. G., Yu J. From Natural Resource Boom to Sustainable Economic Growth: Lessons for Mongolia // IMF Working Paper, 2015, WP/15/90. 31 p.

Статья поступила 05.12.2018.

Для цитирования: Макаров А. В., Макарова Е. В., Михеева А. С. Внешнеэкономические связи Монголии: современная ситуация и проблемы развития // ЭКО. 2019. № 6. С. 62–82. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-6-62-82.

Summary

Makarov, A.V., Candidate of Geographical Sciences, Baikal Institute of Nature Using Management, SB RAS, *Makarova, E.V.*, Candidate of Economics Sciences, East Siberia State University of Technology and Management, *Mikheeva, A.S.*, Doctor of Economics Sciences, Baikal Institute of Nature Using Management, SB RAS, Ulan-Ude

Foreign Economic Relations of Mongolia: Current Situation and Development Problems

Abstract. The paper considers the status quo of Mongolian international economic cooperation. The authors provide a brief description of Mongolian economic development and review its foreign trade over the past fifteen years, considering the structure of foreign direct investment in the Mongolian economy. The authors characterize main trends and development prospects of Mongolian international economic relations.

Keywords: *Mongolia; international economic cooperation; Russian-Mongolian trade-economic cooperation*

References

Bayarhuu, T. (1996). *Russian-Mongolian Trade and Economic Relations (1960–1995 years)*. Moscow, IMEPI RAS Publ., 21 p. (In Russ.).

Makarov, A. V. (2016). The problems of Russia and Mongolia cooperation in a context of transboundary waters protection. *ECO*. No. 5. Pp. 175–188. (In Russ.).

Matveyeva, G. S. (1987). *Mongolian People's Republic in the system of socialist economic integration*. Moscow. Nauka Publ., 244 p. (In Russ.).

The national economy of the Mongolian People's Republic for 65 years (1986). Ulaan-Baatar. Gosizdat Publ., 420 p. (In Russ.).

Rodionov, V.A. (2009). *Russia and Mongolia: a new model of relations at the beginning of the XXI century*. Ulan-Ude, BNTS SO RAN Publ., 228 p. (In Russ.).

Gupta, P., Li, B. G., Yu, J. (2015). From Natural Resource Boom to Sustainable Economic Growth: Lessons for Mongolia. *IMF Working Paper*, No. WP/15/90, 31 p.

For citation: Makarov, A.V., Makarova, E.V., Mikheeva, A.S. (2019). Foreign Economic Relations of Mongolia: Current Situation and Development Problems. *ECO*. No. 6. Pp. 62-82. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-6-62-82

Реабилитационный потенциал банкротства бизнеса: определить, измерить, увеличить

О.А. ЛЬВОВА, кандидат экономических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва. E-mail: Lvova@spa.msu.ru

Аннотация. Статья посвящена развитию концептуальных подходов к пониманию реабилитационного потенциала института банкротства, который может рассматриваться на микроуровне – с точки зрения бенефициара проблемного бизнеса, чья цель – восстановление платежеспособности и сохранение компании при прежнем собственнике, и на макроуровне, когда независимо от типа процедуры за счет продажи действующего бизнеса и избавления от неэффективного собственника возникает позитивный эффект для экономики. Исследуются различные подходы к оценке эффективности реабилитационных процедур в России и за рубежом, приведены результаты статистического анализа имплементации механизма банкротства в некоторых странах. Автор обосновывает целесообразность статистического учета квазиреабилитационных процедур, основной из которых является мировое соглашение, исследует эффективные зарубежные практики предупреждения банкротства для определения возможности их адаптации к российской действительности, предлагает направления увеличения реабилитационного потенциала банкротства.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); реабилитационный потенциал банкротства; квазиреабилитация; мировое соглашение; предупреждение банкротства; статистика банкротств в США, Англии и России

Введение

Банкротство – неотъемлемый институт современной экономики, позволяющий, с одной стороны, очистить рынок от предприятий, не умеющих адаптироваться к волатильной среде, с другой – восстановить работоспособный бизнес при смене собственника. Использование механизма банкротства именно в реабилитационных целях сегодня стало трендом в большинстве стран, независимо от уровня их экономического развития и принятой модели банкротства. Это прослеживается в системе законодательства. По данным рейтинга Всемирного банка «Ведение бизнеса-2018», начиная с 2013–2014 гг., процедура реорганизации внедрена в законодательство о банкротстве в 19 странах,

еще в девяти были реализованы реформы совершенствования существующих реабилитационных процедур¹.

В российском законодательстве о банкротстве возможность реабилитации должника содержалась изначально. Закон 1992 г. включал раздел о реорганизационных процедурах, объединявший внешнее управление и санацию, т.е. восстановление платежеспособности путем оказания предприятию финансовой помощи собственником или иными лицами². В Законе 1998 г. санация в виде внешних финансовых вливаний была отнесена к категории мероприятий по предупреждению банкротства, а процедура внешнего управления проработана более тщательно в части указания перечня конкретных антикризисных мероприятий³. Действующий закон 2002 г.⁴ расширил этот список за счет введения еще одной реабилитационной процедуры – финансового оздоровления под управлением прежнего руководства, введению которой, однако, препятствуют жесткие ограничительные условия.

И все же, несмотря на формальное наличие подобного механизма, на практике реабилитационные процедуры в России почти не работают. По данным официальной статистики, за все годы их совокупная доля в общем количестве дел о банкротстве не превышала 2%, а по итогам первого полугодия 2018 г., было введено лишь 180 процедур внешнего управления и финансового оздоровления, что составляет всего 1,5% (при 1,8% за аналогичный период 2017 г.)⁵.

Экономические кризисы последнего десятилетия способствовали повышению внимания к институту банкротства в России, в результате чего был выдвинут ряд законодательных инициатив, в том числе усиливающих его реабилитационную составляющую.

---

¹ Doing Business 2018 // Reforming to Create Jobs. Chapter “Resolving insolvency: The challenges of successfully implementing insolvency reforms”. Washington: World Bank Group, 2018. P. 56.

² Закон РФ от 19.11.1992 № 3929–1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». Раздел III «Реорганизационные процедуры», п. 2 ст. 13.

³ Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Глава II «Предупреждение банкротства», Глава V «Внешнее управление».

⁴ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Глава II «Предупреждение банкротства», Глава V «Финансовое оздоровление», Глава VI «Внешнее управление».

⁵ Статистический бюллетень Единого федерального реестра сведений о банкротстве (ЕФРСБ) от 30 июня 2018 г. – URL: <http://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20ЕФРСБ%2030%20июня%202018.pdf> (дата обращения: 17.09.2018).

В 2014 г. принята «дорожная карта» по совершенствованию процедур несостоятельности⁶, ряд положений которой нацелен на обеспечение баланса в применении реабилитационных и ликвидационных процедур в рамках дела о банкротстве, при сохранении имущественной массы и максимизации стоимости активов должника. С 2015 г. Министерство экономического развития разрабатывает законопроект о реструктуризации долгов⁷, предполагающий, в частности, возможность обращения к процедуре реорганизации напрямую, минуя стадию наблюдения. В 2017 г. закреплена необходимость улучшения позиции России в рейтинге «Ведение бизнеса» по показателю «Разрешение неплатежеспособности»⁸, однако, несмотря на продвижение нашей страны с 56-го на 55-е место в рейтинге 2019 г.,⁹ среди значимых изменений в данной сфере Всемирный банк выделяет всего два, связанные с расширением прав кредиторов в 2010 и 2011 гг.¹⁰

При этом многие из законодательных инициатив являются дискуссионными [Бобылева, 2018], в том числе – из-за сложной экономической и правовой природы банкротства, неоднозначного понимания реабилитации, разных методик расчета статистических показателей внутри страны и в международных рейтингах, противоречивых толкований эффективности и результативности банкротства [Размахова, 2014; Рудакова, Соколова, 2012]. Исследование данных проблем важно для определения основных перспектив трансформации института банкротства в части усиления реабилитационной составляющей, чему и посвящена настоящая статья.

---

⁶ План мероприятий («дорожная карта») «Совершенствование процедур несостоятельности (банкротства)» (утв. распоряжением Правительства РФ от 24 июля 2014 г. № 1385-р).

⁷ В разные периоды название законопроекта менялось. Законопроект № 239932–7 «О внесении изменений в федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты РФ в части процедуры реструктуризации долгов в делах о банкротстве юридических лиц» в последней редакции внесен в Госдуму 1 августа 2017 г., прошел второе чтение и вынесен на рассмотрение в декабре 2018 г.

⁸ Проект закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)”», направленных на повышение позиции Российской Федерации в рейтинге Всемирного банка по показателю «Разрешение неплатежеспособности» (ID проекта 02/04/03–17/00063484, подготовлен Минэкономразвития России 05.04.2017).

⁹ Doing Business 2019. Training for Reform. Washington: World Bank Group. 2018. В аналогичном рейтинге 2018 г. по показателю «Разрешение неплатежеспособности» Россия была выше – на 54-м месте.

¹⁰ Doing Business 2018 // Reforming to Create Jobs. Chapter “Resolving insolvency: The challenges of successfully implementing insolvency reforms”. Washington: World Bank Group. 2018.

Реабилитация должника: ее сущность и статистика

Перераспределение активов от неэффективных собственников к эффективным в процессе банкротства может происходить двояко:

- путем продажи имущества несостоятельного предприятия в ходе конкурсного производства при ликвидации прежнего юридического лица;
- в ходе реабилитационных процедур банкротства при реорганизации (появляются новые собственники, старые утрачивают свою долю, и проч.).

Для системы банкротства одним из ключевых показателей эффективности является критерий удовлетворения требований кредиторов. Это возможно либо за счет реализации имущества должника и компенсации части задолженности из полученной выручки, либо за счет восстановления платежеспособности бизнеса, что может со временем принести кредитору больше, чем распродажа активов [Bobyleva, Lvova, 2018]. Реорганизация может оказаться более выгодной для кредитора благодаря сохранению не только имущественного комплекса, но и самого субъекта предпринимательской деятельности с его рабочими местами, портфелем контрактов, наработанными деловыми связями и репутацией. Эта идея заложена в основу «Принципов эффективных систем несостоятельности¹¹», разработанных Всемирным банком, и находит свое развитие в большинстве современных экономик.

1. Как применяются реабилитационные процедуры в России и за рубежом?

Сравнительный анализ частоты обращения к реабилитационным процедурам банкротства юрлиц, представленный в таблице 1, показывает, что в США доля реорганизаций в течение последних 10 лет находилась на стабильно высоком уровне (не ниже 20% от общего количества дел о банкротстве), тогда как в России к этой процедуре прибегали всего в 1–3% случаев.

---

¹¹ The World Bank Principles for Effective Insolvency and Creditor/Debtor Regimes. International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2016.

Таблица 1. Процедуры банкротства юридических лиц в США, Англии и России в 2008–2017 гг., ед.

Процедура банкротства бизнеса	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Изменения 2017 к 2008, %
США											
1. Всего заявлений	43546	60837	56282	47806	40075	33212	26893	24735	24114	23157	-46,82
2. Глава 7 «Ликвидация»	30035	41962	39485	33698	27274	22334	18184	15917	15033	14157	-52,86
3. Глава 11 «Реорганизация»	9272	13683	11774	9772	8900	7660	6093	6130	6174	6350	-31,51
4. Доля реабилитационных процедур, %	21,29	22,49	20,92	20,44	22,21	23,06	22,66	24,78	25,60	27,42	-6,13
Англия и Уэльс											
5. Всего заявлений	21072	24011	19796	20285	19349	17682	16319	14658	16545	17243	-18,17
6. Ликвидация (Compulsory liquidations + New creditors voluntary liquidations)	15489	19152	16299	16950	12332	15085	14156	12881	14820	15660	1,10
7. Административное управление (Administration)	4808	4019	2682	2639	2334	2009	1587	1402	1374	1289	-73,19
8. Мировое соглашение (Соправу voluntary arrangements)	586	723	766	748	816	571	554	364	346	292	-50,17
9. Доля реабилитационных процедур, %	22,82	16,74	13,55	12,52	12,06	11,36	9,72	9,56	8,30	7,48	15,34
Россия											
10. Всего заявлений	27032	35545	33270	27422	33226	27351	35583	41040	35292	33064	22,31
11. Ликвидация (Конкурсное производство)	13916	15473	16009	12794	14072	13144	15096	14916	14127	14142	1,62
12. Финансовое оздоровление	48	53	91	94	92	67	22	36	41	29	-39,58
13. Внешнее управление	579	604	908	986	922	803	381	413	365	334	-42,31
14. Мировое соглашение (утвержденные)	126	127	255	376	563	585	358	417	497	477	278,6
15. Доля реабилитационных процедур, %	2,32	1,85	3,00	3,94	3,05	3,18	1,13	1,09	1,15	1,10	-1,22

Источник: рассчитано автором по U.S. Bankruptcy Courts – Business and Nonbusiness Cases Commenced, by Chapter of the Bankruptcy Code. URL: <http://www.uscourts.gov/report-name/bankruptcy-filings> (дата обращения: 08.09.2018); Insolvency Service Enforcement Outcomes – United Kingdom, Great Britain, England and Wales. URL: <http://www.gov.uk/government/collections/insolvency-service-official-statistics> (дата обращения: 08.09.2018); данные Высшего арбитражного суда РФ за 2008–2013 гг. URL: <http://www.arbitr.ru> (дата обращения: 09.09.2018); Отчеты о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве за 12 месяцев 2014 г., 2015 г., 2016 г., 2017 г. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 09.09.2018).

Важно отметить, что даже в традиционно «прокредиторских» странах с развитым законодательством о банкротстве к реабилитации прибегают гораздо чаще, чем в России: в Англии процедура административного управления в кризисном 2008 г. вводилась в 22% случаев (хотя к 2017 г. эта доля снизилась до 7%), в Германии к судебной реструктуризации обращаются в 5% случаев [Dimmling, 2018. P. 92].

Представляется, что низкую интенсивность применения реабилитационных процедур в России можно объяснить поздним обращением к процедурам банкротства, когда должники де-факто уже не имеют достаточных активов ни для восстановления бизнеса, ни для удовлетворения требований кредиторов (в том числе это объясняется сохраняющейся практикой преднамеренных банкротств). В США и Германии в целях предупреждения подобных случаев введена серьезная ответственность за несвоевременную подачу заявления о банкротстве должником, отвечающим признакам неплатежеспособности [Львова, 2018, 2011].

Кроме того, развитию реабилитационного механизма банкротства в нашей стране препятствуют законодательные ограничения условий введения финансового оздоровления (требование обязательного предоставления обеспечения исполнения обязательств должника в размере, не менее чем на 20% превышающем сумму задолженности, что является трудно выполнимым), относительная узость (по сравнению с зарубежной практикой) набора финансово-экономических инструментов, направленных на восстановление бизнеса, низкая компетенция арбитражных управляющих¹², не способных разработать комплексную систему мер вывода

---

¹² Закон устанавливает минимальные универсальные квалификационные требования к арбитражным управляющим: наличие высшего образования (без указания профиля), годового стажа работы на руководящей должности и прохождения двухлетней стажировки в качестве помощника арбитражного управляющего, сдача квалификационного экзамена по Единой программе подготовки (утв. Приказом Минэкономразвития № 517 от 10.12.2009 г.), членство в СРО. Программа подготовки включает изучение «экономики» работы с предприятиями-должниками главным образом с позиции финансового анализа. Разделы, посвященные восстановлению платежеспособности, общему менеджменту, увеличению оборотов, планированию и прогнозированию, маркетингу, ценообразованию и прочим аспектам антикризисного управления занимают в структуре учебного плана лишь около 5,5% (32 ч.) от общего объема учебных часов (572 ч.).

компании из кризиса, их слабая материальная заинтересованность в восстановлении бизнеса¹³.

2. Что понимать под реабилитацией и восстановлением бизнеса должника?

Представляется, что реабилитационные процедуры банкротства должны быть направлены на комплексную реализацию двух целей: а) восстановление платежеспособности должника и б) создание условий для его устойчивой деятельности в перспективе (ликвидацию предпосылок возникновения неплатежеспособности). Экономическое обоснование плана реорганизации, убеждение кредитора и инвесторов в необходимости дофинансировать проблемный бизнес (хотя бы в виде отсрочки платежа) должны быть ориентированы на долгосрочное развитие последнего.

С точки зрения кредиторов, реабилитация бизнеса в ходе банкротства целесообразна тогда, когда она приводит к удовлетворению их требований в большем объеме, чем ликвидация. При этом сохранение предприятия можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых: нередко имеются выгоды от сохранения бизнеса в собственности прежнего добросовестного владельца, ведь он хорошо знает его специфику, научился на ошибках, имеет желание продолжать деятельность, идет на сотрудничество с кредиторами. В подобной ситуации обычно применяются такие реабилитационные инструменты, как отсрочка в исполнении обязательств, реструктуризация задолженности, частичный обмен долга на акции, списание части долга, репрофилирование производства, взыскание дебиторской задолженности и проч. Во-вторых, если причиной несостоятельности стали ошибки (некомпетентность) менеджмента, но бизнес все еще сохраняет активы и рыночный потенциал, целесообразной будет продажа бизнеса новому собственнику (инвестору). Как правило, это приносит позитивный макроэкономический эффект, хотя бывший владелец теряет бизнес. Но тут мы сталкиваемся с принципиально разными подходами к пониманию «бизнеса должника», порождающими и различия в оценках эффективности реабилитационных процедур в ходе банкротства.

---

¹³ Подробнее о причинах редкого применения реабилитационных процедур России и содержании лучших зарубежных практик см. [Львова, 2016; Bobyleva, Lvova, 2018; Антикризисное управление: механизмы государства, технологии бизнеса в 2 ч. Ч. 2: учебник и практикум для академического бакалавриата / Под общ. ред. А. З. Бобылевой. 2-е изд., пер. и доп. М.: «Юрайт», 2018, гл. 13].

В мировой практике позитивным исходом банкротства считается продажа бизнеса должника как действующего (as going concern) вне зависимости от того, происходит это в ходе ликвидации или реорганизации. В частности, в Германии арбитражный управляющий в большинстве случаев стремится как можно скорее продать бизнес как действующий во избежание потери стоимости и занимается поиском инвестора, который приобретет предприятие с его нематериальными и материальными активами и персоналом (см., напр. [Aleth, Derksen, 2017]).

В российском законодательстве «продажа предприятия должника» тоже рассматривается как одна из реабилитационных мер в рамках внешнего управления. Однако при этом под «предприятием должника» понимается лишь «имущественный комплекс, предназначенный для осуществления предпринимательской деятельности». Денежные обязательства и обязательные платежи должника не включаются в состав предприятия, за некоторым исключением¹⁴.

Между тем при продаже предприятия, например, в ходе реорганизации, стоимость действующего бизнеса включает оценку будущих денежных потоков с учетом возможности дополнительных финансовых вливаний, новых бизнес-идей, нематериальных активов, наработанной клиентской базы, репутации (гудвилл) [Bulow, Shoven, 1978. P. 440, 445; Fremgen, 1968. P. 649; Rabianski, 1996. P. 183]. Российский подход к оценке бизнеса в конкурсном производстве приводит к тому, что предприятие продается фактически по ликвидационной стоимости материальных активов.

При этом подобный исход тоже может классифицироваться как сохранение бизнеса. Так, в 2017 г. в рамках ежегодной Национальной премии по управлению государственной собственностью, проводимой Росимуществом, на звание «Арбитражный управляющий года»¹⁵ претендовал номинант, который осуществил продажу предприятия в процедуре конкурсного производства. Требования кредиторов были полностью удовлетворены, и при этом суд указал на наличие «финансовой возможности продолжить хозяйственную

---

¹⁴ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Ст. 110.

¹⁵ Номинация не состоялась, однако подготовительная работа по выбору лауреатов была проведена в полной мере осенью 2017 г. Подробнее см.: Положение о номинации «Арбитражный управляющий года» «Национальной премии по управлению государственной собственностью» (утв. Протоколом № 111/16/1 Экспертно-консультационного совета Росимущества 1 ноября 2016 г. Приложение № 3).

деятельность, учитывая, что на счету должника остаются денежные средства»¹⁶. Такой подход позволил рассматривать данное дело как удовлетворяющее критериям сохранения бизнеса.

Отметим, что если понимать под реабилитацией переход активов к другому собственнику [Кочетков, 2017], ее доля в общем количестве банкротств оказывается существенно выше представленной в таблице 1. Например, в Германии, где реабилитацией считают сохранение именно бизнеса, а не юридической оболочки и собственников, она может превышать 30%¹⁷; в то же время около 90% процедур ликвидации завершается продажей бизнеса инвестору, который продолжает вести его деятельность, полностью или частично [Dimmling, 2018. Р. 92]. В Великобритании декларируется, что за счет «быстрых процедур» передачи функционирующего бизнеса другому собственнику спасается до 90% предприятий-банкротов.

Нам представляется целесообразным рассматривать реабилитационный потенциал банкротства на двух уровнях:

- на микроуровне, когда достигается цель восстановления платежеспособности и бизнес сохраняется при прежнем собственнике;
- на макроуровне, когда вне зависимости от типа процедуры (ликвидация или реорганизация) за счет продажи действующего бизнеса и избавления от неэффективного собственника возникает позитивный эффект для экономики, если бизнес продолжает работать, генерировать налоги, создавать рабочие места, обеспечивать потребителей.

Понимание вышеизложенного актуально для правильной интерпретации статистических данных, использующих различные методики оценки реабилитационного потенциала института банкротства.

Квазиреабилитация должников в банкротстве

Во многих случаях позитивный (не ликвидационный) исход процедуры банкротства осуществляется путем заключения

---

¹⁶ Определение Арбитражного суда Краснодарского края по делу № А32–28136/2004 о банкротстве МП «Тепловые сети», г. Армавир. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/62313603-b4a5-4151-a5b3-bc82c1264ac3/19218ada-738c-4175-9713-c3c98b7e3321/A32-28136-2004_20160523_Opredelenie.pdf (дата обращения: 23.10.2018).

¹⁷ Эксперты о проблемах реабилитации бизнеса проблемных должников / Новости / Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (Федресурс). URL: <https://fedresurs.ru/news/1ad28d29-654d-448c-bd05-0eba55427065> (дата обращения: 25.10.2018).

мирового соглашения. Это характерно для многих стран, однако лишь в России с 2008 г. по 2017 г. наблюдался 4-кратный рост числа заключенных мировых соглашений, тогда как в Англии, например, их доля в общем количестве банкротств имеет тенденцию к сокращению (табл. 1).

В 2016 и 2017 гг. количество заключенных в нашей стране мировых соглашений по делам о несостоятельности превысило общее число введенных процедур внешнего управления и финансового оздоровления. Данные судебной статистики подтверждают использование целого спектра вариантов «неликвидационного» досрочного прекращения процедуры банкротства – в связи с заключением мирового соглашения, восстановлением платежеспособности, удовлетворением требований кредиторов или их отказом от своих требований. В рамках традиционных процедур банкротства все это можно трактовать как так называемую «квализирабилитацию» (табл. 2).

Таблица 2. Варианты и доля квазиреабилитации в процедурах банкротства юридических лиц в России по итогам 2017 г.

Вариант завершения процедур банкротства	Наблюдение		Финансовое оздоровление		Внешнее управление		Конкурсное производство	
	кол-во дел	доля*, %	кол-во дел	доля, %	кол-во дел	доля, %	кол-во дел	доля, %
1. Принято решений (определений)	10722		44		371		11859	
Из них:								
2. О прекращении производства по делу:	1671		10		64		1992	
2.1. В случае восстановления платежеспособности должника ¹	-	-	3	6,82	2	0,54	-	-
2.2. В случае заключения мирового соглашения ²	190	1,77	5	11,36	41	11,05	283	2,39
2.3. В случае удовлетворения или признания необоснованными требований заявителя ³	22	0,21	0	0,00	0	0,00	11	0,09
2.4. В случае отказа кредиторов от заявленных требований или требования о признании должника банкротом ⁴	110	1,03	1	2,27	0	0,00	62	0,52

Окончание табл. 2

Вариант завершения процедур банкротства	Наблюдение		Финансовое оздоровление		Внешнее управление		Конкурсное производство	
	кол-во дел	доля*, %	кол-во дел	доля*, %	кол-во дел	доля*, %	кол-во дел	доля*, %
2.5. В случае удовлетворения всех требований кредиторов ⁵ (кроме случаев, предусмотренных строками 2.1 и 2.2)	211	1,97	0	0,00	13	3,50	186	1,57
3. О введении реабилитационных процедур**	298	2,78	2	4,55	-	-	36	0,30
4. О признании должника банкротом и открытии конкурсного производства / О завершении конкурсного производства ⁶	8690	81,0	32	72,73	299	80,59	9644	81,32
5. Общая доля «квазиреабилитаций» в процедурах (строки 2.2–2.5)***, %		4,97		13,64		14,56		4,57

¹ Абз. 2,3 п. 1 ст. 57, п. 6 ст. 88, абз. 2 п. 6 ст. 119 Закона о банкротстве.

² Абз. 4 п. 1 ст. 57 и п. 1 ст. 159 Закона о банкротстве.

³ Абз. 5 п. 1 ст. 57, абз. 13 п. 3 ст. 48 Закона о банкротстве.

⁴ Абз. 6 п. 1 ст. 57 Закона о банкротстве.

⁵ Абз. 7 п. 1 ст. 57 Закона о банкротстве.

⁶ В соответствии со ст. 149 Закона о банкротстве в случае конкурсного производства после рассмотрения арбитражным судом отчета конкурсного управляющего о результатах проведения конкурсного производства арбитражный суд выносит определение о завершении конкурсного производства, а в случае погашения требований кредиторов в соответствии со ст. 125 Закона о банкротстве – определение о прекращении производства по делу.

Источник: рассчитано автором по URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/AC1a_2017.xls (дата обращения: 09.09.2018).

* Рассчитывается как соотношение количества дел по каждому варианту завершения процедуры банкротства к общему числу принятых решений (определений) (строка 1) по каждой процедуре. К примеру, доля определений о введении реабилитационных процедур в процедуре наблюдения 2,78% = [количество дел, где была введена реабилитационная процедура (298)] / [общее число принятых определений в процедуре наблюдения (10722)].

** К числу определений о введении реабилитационных процедур в ходе финансового оздоровления относятся решения о последующем введении внешнего управления (2 случая). В конкурсном производстве также допускается переход к внешнему управлению (36 случаев). В наблюдении подразумевается введение одной из реабилитационных процедур – финансового оздоровления или внешнего управления (298 случаев).

*** Предполагается, что «восстановление платежеспособности» является ожидаемым исходом для процедур финансового оздоровления и внешнего управления, поэтому не относится к числу «квазиреабилитаций», а характеризует результативность традиционных реабилитационных процедур.

Несмотря на наличие развернутой статистики только по итогам 2017 г., данные таблицы отражают традиционную для всего периода существования института банкротства в современной России низкую результативность процедур финансового оздоровления и внешнего управления: лишь отдельные дела завершаются восстановлением платежеспособности, чаще заключается мировое соглашение. Финансовое оздоровление нередко трансформируется во внешнее управление, в результате которого платежеспособность восстанавливается еще реже.

Одна из причин низкой результативности – характер мероприятий: если при **финансовом оздоровлении** должнику обычно оказывают финансовую помощь со стороны, то при **внешнем управлении** предприятие либо продолжает работать в прежнем режиме, договорившись об отсрочке платежей по кредитам (при этом репутация банкрота часто приводит к потере контрактов), либо требуется реорганизация имущественного комплекса и системы управления. Последнее практикуется чрезвычайно редко, поскольку около 40% компаний входят в банкротство с нулевыми активами (по результатам инвентаризации)¹⁸, так что «реорганизовывать» им практически нечего. Именно по этой причине в 70–80% случаев, независимо от конкретной процедуры банкротства, в России вводится конкурсное производство (табл. 2).

Дополнительное подтверждение того, что мировое соглашение в России является наиболее распространенным способом сохранения бизнеса в рамках процедуры банкротства, автор получил в ходе своей работы в жюри упомянутой номинации «Арбитражный управляющий года». Так, из почти 3000 дел о банкротстве с участием предприятий с долей государства в капитале жюри выбрало для рассмотрения 43, из которых 19 (или 44%) завершились заключением мирового соглашения, три – восстановлением платежеспособности в процедуре внешнего управления, одно – в процедуре финансового оздоровления. Остальные были связаны с досрочным удовлетворением требований кредиторов в конкурсном производстве, в результате

---

¹⁸ Статистический бюллетень Единого федерального реестра сведений о банкротстве (ЕФРСБ) от 31 декабря 2018 г. URL: <http://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20ЕФРСБ%202018.pdf> (дата обращения: 14.03.2019).

чего дела были прекращены, а предприятия не утратили статус действующих¹⁹.

Изучение содержания указанных мировых соглашений показало, что большая часть из них в качестве основной меры предполагает списание части долга²⁰ и предоставление длительной рассрочки²¹, в ходе которой стоимость обязательств обесценивается. Кроме того, специфика структуры собственности должников привела к тому, что обязательства последних нередко погашались за счет регионального или муниципального бюджета²², что при оценке эффективности мирового соглашения вряд ли можно считать безусловным плюсом.

По нашему мнению, эффективность и результативность заключенных мировых соглашений и других мер, имеющих квазиреабилитационный характер, должна оцениваться с учетом будущего состояния предприятий-должников. Подобный подход применяется, в частности, при изучении результатов мировых соглашений (CVA) в Англии [Walton et al., 2018]. Исследование показало, что из 552 рассмотренных дел в 65% случаев заявленные в мировых соглашениях цели не были исполнены в течение предусмотренного срока (в среднем пять лет), то есть эти решения оказались низкорезультативными.

---

¹⁹ Из рассмотренной выборки все предприятия сохранили статус действующих, о чем есть сведения в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве. URL: <https://fedresurs.ru/?attempt=1> (дата обращения: 27.09.2018).

²⁰ К примеру, в деле № А41–47856/2015 о банкротстве ФГУП «Совхоз имени XXI съезда КПСС» в рамках мирового соглашения кредитор ООО «Площадь победы» «простил» 29 млн руб. из 51 млн руб. к возмещению, кредитор ООО «ДРС Финанс» 20 млн из 30 млн руб. задолженности. Подробнее см.: URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/c6e3a2b8-4049-4ded-9aa5-4c97f0f2f5d1/e04dfe8d-cbc3-4e20-8ace-ca465d1fbc0d/A51-11022-2014_20160603_Opredelenie.pdf

²¹ В деле № А12–39465/2015 о банкротстве МУП «Волгоградское коммунальное хозяйство», общая сумма кредиторской задолженности которого составляла 6 млрд руб., мировое соглашение предусматривает рассрочку выплат сроком на 9 лет. Подробнее см.: URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/f6622f66-f586-4b62-85bc-40c1cd16aca4/42027fcf-26b6-4a7c-81be-6f6eec5a649f/A12-39465-2015_20160428_Opredelenie.pdf (дата обращения: 24.10.2018).

²² В рассматриваемой выборке подобные условия предусматривали мировые соглашения в 4 делах о банкротстве ГУП, МУП и т.п. Например, в деле № А25–1866/2012 о банкротстве РГУП «Карачаево-Черкесия-Туризм» по условиям мирового соглашения погасить задолженность перед всеми кредиторами (98,6 млн руб.), выплатить вознаграждение арбитражному управителю за 3 года (1,165 млн руб.) и судебные расходы (105 тыс. руб.) обязуется Карачаево-Черкесская Республика. Подробнее см.: URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/8b3231b5-6bd4-47c7-8ec9-aa71d555b3d3/c9eaabfa-0436-4dde-bd92-e0b1476e077b/A25-1866-2012_20160404_Opredelenie.pdf (дата обращения: 24.10.2018).

Представляется целесообразным проведение подобного исследования относительно квазиреабилитационных процедур и для России. Анализ эффективности и результативности принятых решений по делам о несостоятельности не должен ограничиваться подсчетом количества заключенных мировых соглашений и т.д. (табл. 2), а включать оценку доли восстановленного бизнеса, прошедшего через процедуру банкротства, срока восстановления, процента погашенных требований. К сожалению, из-за отсутствия в открытом доступе соответствующих данных это трудно реализуемо.

Предупреждение банкротства

В зарубежных системах банкротства важная роль отводится предупреждению несостоятельности компаний, которые фактически обращаются в суд за защитой от кредиторов. В США действует практика так называемого «подготовленного банкротства» (англ. «prepackaged bankruptcy», «prepacks»), которое подразумевает согласование плана реорганизации бизнеса с кредиторами еще до подачи заявления в суд. Обязательным условием является подача должником заявления об открытии информации («disclosure statement»). Пакет документов включает «адекватные данные» о состоянии дел должника, системах учета, последствиях реализации плана для всех его участников, что позволяет кредитору вынести обоснованное суждение о плане реорганизации²³. Эта мера направлена на сокращение срока процедуры банкротства и избежание возможных потерь из-за обесценивания обязательств и/или потери стоимости бизнеса.

Франция в 2005 г. внедрила так называемую процедуру судебной защиты должника от кредиторов (франц. «procédure de sauvegarde»), которая позволяет обычно крупным, но еще платежеспособным компаниям, испытывающим временные финансовые трудности, провести реорганизацию или реструктуризацию долга под защитой суда и согласовать с кредиторами план восстановления. Инструментарий достаточно широк и похож на привычный судебный механизм: может включать меры по реструктуризации задолженности, рекапитализации компании,

---

²³ U. S. Bankruptcy Code. Sec.1125 (a, b). URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/1125> (дата обращения: 16.08.2018).

замене долговых обязательств акциями должника (свопы), продаже активов, частичную продажу бизнеса [Talbourdet, Gumpelson, 2018]. Продать бизнес целиком на данной стадии невозможно. Если компания утрачивает платежеспособность в процессе реализации плана оздоровления, суд вводит процедуру реорганизации или ликвидации. По данным Всемирного банка, такой подход помогает предотвращать банкротство и оздоравливать предприятия, столкнувшиеся с экономическими трудностями, в трех случаях из четырех²⁴.

Помимо этого, французское законодательство с 2014 г. включает целый комплекс предварительных мероприятий, направленных на недопущение банкротства компаний. Большинство из них предполагает не столько мораторий на удовлетворение требований кредиторов, сколько помощь в реализации переговоров о плане восстановления проблемного бизнеса, невозможность для кредиторов разорвать действующие контракты или форсировать выплату долга. В частности, возможно обращение к так называемой «специальной процедуре» (франц. «mandat ad hoc»), в рамках которой менеджмент платежеспособного проблемного должника проводит неформальные переговоры с кредиторами при участии представителя суда. В результате можно добиться рассрочки или списания части долга, договориться о предоставлении дополнительных финансовых средств. Главным отличием «примирительной процедуры» (франц. «conciliation») является более формальный характер медиации и возникающий приоритет в удовлетворении требований инвесторов, предоставивших новое финансирование (на тот случай, если в последующем компания все же станет фигурантом судебного дела о банкротстве).

В России возможность обращения к услугам профессиональных медиаторов пока только обсуждается [Карелина, Добролюбова, 2012] и не закреплена на официальном уровне, хотя упомянутый законопроект о реструктуризации в своей первоначальной редакции (от 2015 г.) во многом основывался на опыте США и предполагал возможность достижения соглашения между кредитором и должником в досудебном порядке. К слову, первая

---

²⁴ Doing Business 2018 // Reforming to Create Jobs. Chapter “Resolving insolvency: The challenges of successfully implementing insolvency reforms”. Washington: World Bank Group, 2018. P. 56.

«вспомогательная» процедура банкротства – наблюдение – во-
дилась в российское правовое поле в 2002 г. с той же целью.

Заключение

Об осознании на самом высшем уровне необходимости изменения парадигмы банкротства в России свидетельствует начатая уже более трех лет назад разработка соответствующего законопроекта.

Среди перспективных направлений системной трансформации этого института, нацеленных на усиление его реабилитационного потенциала, можно выделить:

- акцентирование внимания на мерах предупреждения банкротства с учетом описанного зарубежного опыта, расширение комплекса мероприятий по досудебному урегулированию задолженности;

- модификацию методики анализа финансового состояния должника на основе рыночной модели для выявления причин неплатежеспособности и резервов восстановления, отделения жизнеспособных должников от нежизнеспособных²⁵;

- разработку (в качестве методических рекомендаций для арбитражных управляющих) типовых моделей оздоровления проблемных предприятий, включающих избавление от непрофильных активов, конвертацию требований кредиторов в права собственности на восстанавливаемый бизнес, привлечение новых акционеров, урегулирование проблемной задолженности, расчет экономического эффекта от перепрофилирования производства, технологии управления затратами и дебиторской задолженностью и проч.;

- усиление материальной заинтересованности арбитражных управляющих в проведении реабилитационных процедур, например, путем привязки вознаграждения не к балансовой стоимости активов, а к доходам восстановленного бизнеса, либо суммам

---

²⁵ См. Проект Федерального стандарта «Правила проведения арбитражным управляющим анализа финансового состояния должника в процедурах банкротства», который в настоящее время находится на рассмотрении в Минэкономразвития, а также [Бобылева, 2016]. Автор настоящей статьи входит в команду разработчиков от Российского союза саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (РССОАУ).

поступлений в результате оздоровления деятельности или продажи имущества;

- реформирование системы обучения будущих управляющих и повышения квалификации действующих, конкретизация профессиональных требований к кандидатуре арбитражного управляющего²⁶ в зависимости от типа процедуры;
- создание профессиональных ассоциаций антикризисных менеджеров для обмена позитивным опытом с учетом возможностей российского законодательства о банкротстве, привлечения таких специалистов в качестве консультантов на предбанкротной стадии.

В свою очередь, концептуальное понимание реабилитационного потенциала банкротства и оценку результативности и эффективности банкротства на текущий момент можно рассматривать в качестве отправной точки для разработки концепции модернизации института банкротства, корректировки имеющихся инициатив.

Литература

Бобылева А. З. Инициативы совершенствования института банкротства в России: шаг вперед, два шага назад // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 70. С. 7–32.

Бобылева А. З. Проект федерального стандарта проведения арбитражным управляющим анализа финансового состояния должника // Эффективное антикризисное управление. 2016. № 2 (95). С. 60–65.

Карелина С. А., Добролюбова Е. А. Медиация как способ урегулирования конфликта интересов в процессе несостоятельности (банкротства): правовой аспект // Законодательство. 2012. № 5. С. 23–30.

Кочетков Е. П. Повышение эффективности реабилитационного потенциала процедур банкротства в России // Стратегии бизнеса. 2017. № 2. С. 25–29.

Львова О. А. Антикризисный потенциал банкротства // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2016. № 4. С. 79–104.

Львова О. А. Экспертиза преднамеренного банкротства: выявить нельзя скрыть // Юридическая работа в кредитной организации. 2018. № 2. С. 36–46.

---

²⁶ К примеру, в Германии по делу о банкротстве назначается управляющий “suited to case”, т.е. имеющий опыт работы с должниками подобного размера и отраслевой принадлежности; в США существуют профессиональные ассоциации управляющих (трасти), специализирующихся на процедурах по отдельным главам Кодекса США о банкротстве (ликвидация, реорганизация и т.д.) В России кредиторы могут устанавливать дополнительные требования к образованию и опыту арбитражного управляющего в конкретных делах, но это не является общей практикой.

Львова О. А. Оздоровление бизнеса в России и Германии: сравнительный аспект // Бизнес и право в России и за рубежом. Приложение к журналу «Предпринимательское право». 2011. № 3.

Размахова А. В. Система целей, критериев и ограничений в оценке эффективности процедур банкротства предприятий // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 131–134.

Рудакова О. Ю., Соколова О. Н. Инновационные подходы к повышению результативности антикризисного управления в процедурах банкротства промышленных предприятий: монография; АлтГУ, МИЭМИС. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2012.

Aleth F., Derksen N. Restructuring & Insolvency. Germany / Getting the deal through, 2017.

Bobyleva A., Lvova O. Insolvent business rescue in modern Russia: lessons for new legislative approaches // 34th International Scientific Conference on Economic and Social Development – XVIII International Social Congress (ISC-2018), Economic and Social Development (Book of Proceedings), Croatia, 2018. Pp. 34–41. URL: <http://eprints.ugd.edu.mk/20640/1/Merging%20Result.pdf> (дата обращения: 21.11.2018).

Bulow J. I., Shoven J. B. The bankruptcy decision // The Bell Journal of Economics, 1978. Pp. 437–456.

Dimmling A. Germany / The Insolvency Review. 6th edition. Law Business Research Ltd., 2018.

Fremgen J. M. The going concern assumption: A critical appraisal // The Accounting Review, 1968. Т. 43. № 4. Pp. 43–58.

Rabianski J. S. Going-concern value, market value, and intangible value // The Appraisal Journal, 1996. Т. 64. № 2. Pp. 183–194.

Talbourdet P., Gumpelson J. Restructuring and insolvency in France: overview. – Thompson Reuters, 2018. URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/1–501–6905?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true&comp=pluk&bhcp=1](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/1–501–6905?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true&comp=pluk&bhcp=1) (дата обращения: 18.10.2018).

Walton P., Umfreville C., Jacobs L. Company Voluntary Arrangements: Evaluating Success and Failure. 2018. URL: https://research.aston.ac.uk/portal/files/24589537/R3_ICAEW_CVA_Report_May_2018.pdf (дата обращения: 14.09.2018).

Статья поступила 21.02.2019.

Для цитирования: Львова О. А. Реабилитационный потенциал банкротства бизнеса: определить, измерить, увеличить // ЭКО. 2019. № 6. С. 83–102. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-6-83-102

Summary

Lvova, O. A., Candidate of Economics Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Rehabilitation Potential of a Business Bankruptcy: to Determine, to Measure, to Increase

Abstract. The article is devoted to the development of conceptual approaches to understanding the rehabilitation potential of the bankruptcy institution and methods

for assessing the implementation of bankruptcy mechanism. The author proposes to consider the rehabilitation potential of bankruptcy at the micro level (from the point of view of the owner, who has saved the restored business), and at the macro level, when a positive effect for the economy arises from the sale of the existing business and the inefficient owner dismissal. The paper presents the results of a statistical analysis of the bankruptcy implementation in Russian and international practice, substantiates the expediency of statistical accounting for quasi-rehabilitation procedures, the main one being the settlement agreement. Special attention is paid to the study of foreign experience of preventing business insolvencies and identifying possibilities for its application in Russia.

Keywords: *insolvency (bankruptcy); rehabilitation potential of bankruptcy; quasi-rehabilitation bankruptcy procedures; settlement agreement; insolvency prevention; comparative insolvency statistics in the United States, England and Russia*

References

- Bobyleva, A.Z. (2016). Draft federal standard on financial analysis by insolvency administrator. *Effektivnoye antikrizisnoye upravleniye. Effective crisis management*. No.2 (95). Pp. 60–65. (In Russ.)
- Bobyleva, A.Z. (2018). Initiatives to Improve the Institution of Bankruptcy in Russia: Step Forward, Two Steps Back. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik. E-journal. Public Administration*. No.70. Pp. 7–32. (In Russ.) Available at: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk__70._oktjabr_2018_g./ekonomicheskie_voprosi_upravlenija/bobyleva.pdf (accessed: 18.12.2018)
- Bobyleva, A., Lvova, O. (2018). Insolvent business rescue in modern Russia: lessons for new legislative approaches. *34th International Scientific Conference on Economic and Social Development – XVIII International Social Congress (ISC-2018), Book of Proceedings*, Croatia. Pp. 34–41. Available at: <http://eprints.ugd.edu.mk/20640/1/Merging%20Result.pdf> (accessed: 21.11.2018).
- Bulow, J.I., Shoven, J.B. (1978). The bankruptcy decision. *The Bell Journal of Economics*. Pp. 437–456.
- Dimmling, A. (2018). Germany. *The Insolvency Review*. 6th edition. Law Business Research Ltd. 378 p.
- Fremgen, J.M. (1968). The going concern assumption: A critical appraisal. *The Accounting Review*. T. 43. No. 4. Pp. 43–58.
- Karelina, S.A., Dobrolyubova, E.A. (2012). Mediation as a way to resolve a conflict of interest in the insolvency process (bankruptcy): the legal aspect. *Zakonodatelstvo*. No.5. Pp. 23–30. (In Russ.)
- Kochetkov, E.P. (2017). Improving the Efficiency of the Rehabilitation Potential of Bankruptcy Procedures in Russia. *Strategii biznesa. Business strategies*. No.2. Pp. 25–29. (In Russ.). Doi: 10.17747/2311–7184–2017–2–25–29
- Lvova, O.A. (2011). Financial rehabilitation of business in Russia and Germany: a comparative aspect. *Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom. Prilozheniye k zhurnalu "Predprinimatel'skoye pravo"*. No.3. (In Russ.)
- Lvova, O.A. (2016). The anti-crisis potential of bankruptcy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo). Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*. No.4. Pp. 79–104. (In Russ.).

Lvova, O.A. (2018). Examination of deliberate bankruptcy: to find impossible to hide. *Yuridicheskaya rabota v kreditnoy organizatsii*. No.2. Pp. 36–46. (In Russ.)

Rabianski, J.S. (1996). Going-concern value, market value, and intangible value. *The Appraisal Journal*. T. 64. No.2. Pp. 183–194.

Razmakhova, A.W. (2014) System of objectives, criteria and limitations in the effectiveness evaluation of bankruptcy procedures. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. Theory and Practices of Social Development*. No.8. Pp. 131–134. (In Russ.)

Rudakova, O.Yu., Sokolova, O.N. (2012). *Innovative approaches to improving the effectiveness of crisis management in bankruptcy proceedings of industrial enterprises*. Barnaul, AltGU Publ. 164 p. (In Russ.)

Talbourdet, P., Gumpelson, J. (2018). Restructuring and insolvency in France: overview. Thompson Reuters. Available at: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/1-501-6905?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true&comp=pluk&bhcp=1](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/1-501-6905?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true&comp=pluk&bhcp=1) (accessed: 18.10.2018).

Walton, P., Umfreville, C., Jacobs, L. (2018). Company Voluntary Arrangements: Evaluating Success and Failure. Available at: https://research.aston.ac.uk/portal/files/24589537/R3_ICAEW_CVA_Report_May_2018.pdf (accessed: 14.11.2018).

For citation: Lvova, O.A. (2019). Rehabilitation Potential of a Business Bankruptcy: to Determine, to Measure, to Increase. *ECO*. No. 6. Pp.83-102. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-6-83-102

Факторы становления инженеров промышленных предприятий субъектами труда (социологический портрет)¹

В.Ю. КОМБАРОВ, кандидат социологических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Аннотация. В статье приводятся результаты продолжающегося теоретико-методологического и эмпирического исследования различных сторон профессиональной деятельности и отношения к труду инженерно-технических работников сибирских промышленных предприятий. Проект выполняется в русле качественного направления в социологии и использует метод глубинного интервью. В ходе этих бесед выявляется спектр отношений инженеров к различным сторонам труда и производственных отношений на предприятиях, их влияние на процессы становления субъектности, обретаемой ИТР в труде. В статье представлены рефлексивные высказывания респондентов по поводу материально-технической базы предприятий, степени её оснащённости, актуальная для социально-экономических отечественных реалий оценка адекватности денежного вознаграждения за промышленный труд, актуализируются проблема и запрос на общественное признание и уважение к профессии инженера в современной России. Автор рассматривает процесс становления ИТР активными субъектами труда как диалогический – своё отношение к профессии они соотносят с мнением о ней других общественных групп (руководство, власть, государство и т.д.). Показано, что ключевым моментом в процессе становления ИТР субъектами труда является парадоксальный опыт, реализующийся в практике преодоления структурных ограничений в системе трудовых отношений – принцип «вопреки».

Ключевые слова: инженерно-технические работники; субъект; становление; глубинное интервью; преодоление; промышленные предприятия

Введение

Голос человека труда на страницах научных изданий – явление диковинное. Фокусированные качественные исследования ИТР едва различимы на фоне более традиционных для российской науки статистических и количественных социологических подходов. В данной статье инженерам новосибирских промышленных предприятий предоставляется голос в научном диалоге социологов.

---

¹ Работа выполнена в рамках плана НИР ИЭОПП СО РАН, проект XI.179.1.3. (0325–2016–0012) «Российское общество в движении: институциональная среда, структуры, практики и субъекты социальных изменений».

Актуальность исследования продиктована непрекращающимися попытками модернизировать российскую экономику в процессе ее реиндустриализации. Обследование, проведенное нами в 2009 г. на крупных машиностроительных предприятиях Новосибирска, выявило ряд типологических социальных черт тружеников промышленности: вера в лучшее, надежда на позитивные изменения. Стремление к профессиональной самореализации актуализировалось респондентами на фоне их общей социальной неустроенности, недовольства несправедливым уровнем оплаты труда, отчуждения от руководства, неудовлетворенностью базисных потребностей: в качественном питании, безопасности труда, в отдыхе, жилье. Ключевым фактором, тормозящим самореализацию инженеров и развитие производства, был указан процесс устаревания оборудования и технологий [Комбаров, 2015]. С тех пор минуло десять лет.

Получив по результатам предыдущего исследования содержательные данные о типологии инженеров в её привязке к социально-экономическим факторам, к условиям и характеру труда, автор пришел к выводу, что их отношение к труду и жизни в целом невозможно понять и объяснить без привлечения методов качественного социологического анализа, чувствительных к нюансам и сложностям субъектно-объектных отношений.

Особенности метода и эмпирическая база исследования

Погружённость инженерно-технических работников в коммуникативную среду предприятия и производства знания и информации во многом определяет их ситуативную и самооценку в пространстве трудовых отношений. Это требует адекватного социологического метода, позволяющего, во-первых, в полном объёме фиксировать устную речь респондента как автопортрет профессиональной истории и личного жизненного проекта, во-вторых, обеспечить гибкость и чувствительность к нюансам и спонтанностям изложения.

Применяемый в данном исследовании метод глубинного интервью позволяет рассматривать изучаемое явление, с одной стороны, более фокусированно, а с другой, – высвечивать нюансы и грани изучаемых явлений на общем житейском фоне респондента, находить интерпретации порою парадоксальных

высказываний. Для анализа подобных информационно насыщенных случаев применяется качественный метод (Страусс, Корбин 2001), при котором «репрезентативность» понимается иначе, нежели в количественных исследованиях. Если в последних критически важна репрезентативность выборки, то качественные методы опираются на репрезентативность понятийных конструкций.

В работе использован метод полуструктурированного интервью – это мягкий метод в социологии, с помощью которого достигается глубинное проникновение в сферу мотивов, желаний, потребностей, ценностей респондентов, не всегда осознаваемых частично или даже целиком. Зафиксировать это посредством массового анкетного опроса часто не представляется возможным (Patton, 2002).

В исследовании преследуется комплексная цель: 1) выявить способы и приёмы (практики), в которых инженеры современных сибирских промышленных предприятий проявляют себя как активные субъекты трудовой деятельности, несмотря на жёсткие институциональные ограничения; 2) понять отношение инженеров к своей профессии и видение ими себя внутри нее, в том числе через призму общественного мнения.

Получить доступ на промышленные предприятия социологам очень сложно, особенно в кризисные времена. Чтобы убедить руководство и работников в том, что информация, полученная в ходе исследования, будет использована в обобщённом виде и не повлечёт для них негативных последствий, мы подписали обязательство о неразглашении, как персональных данных респондентов, так и названий организаций. Анонимность способствовала более полному и правдивому изложению инженерами их мнения по поводу множества аспектов их профессиональной деятельности. В обследовании приняли участие 30 инженерно-технических специалистов четырёх новосибирских предприятий (машиностроение и строительные конструкции). Интервьюирование проводилось с октября 2018 г. по январь 2019 г. в небольших конференц-залах, неслужебных помещениях и кафе – в непринужденной обстановке.

На начальном этапе формирования выборки респонденты отбирались руководством предприятий, с учётом их богатого биографического и профессионального опыта, проливающего

свет на коллизии их становления инженерами. Затем расширенные числа опрошиваемых осуществлялось по методу «снежного кома» – респонденты рекомендовали нам для беседы других специалистов, в том числе работающих на других предприятиях.

Интервью освещало следующие вопросы: какие стратегии и тактики адаптации используют специалисты в непростой ситуации, сложившейся в российской промышленности, каково их место на рынке труда, насколько востребованна и достойно вознаграждаема в российских реалиях деятельность инженера, в какой степени условия труда отвечают их представлениям о реализации в профессии, какие социально-экономические и технические ограничения встают на пути профессионального становления, в том числе в условиях перехода заводов и фабрик на инновационный путь развития, какова структура потребностей и мотивации работников отечественного промышленного производства, их профессиональные интересы и отношение к собственному труду и т.д.

Техническая деградация производств как фон становления инженеров

Глубинный характер интервью даёт возможность социологу объяснить парадоксальные стороны изучаемого явления, которые могут порой выглядеть кафкианскими: в ситуации вынужденного бессилия и бессмысленности, отчуждения от духовных и материальных ресурсов, эмоциональной подавленности человек изыскивает тем не менее внутренние силы для преодоления непреодолимого предела.

Респонденты признались, что им фактически приходится заниматься латанием технических дыр. Отсутствие деталей, устаревшие технологии, износ машин и оборудования снижают производительность труда, ведут к финансовым убыткам из-за простоев производства. При этом, по их словам, преодоление трудностей технического характера становится одним из условий их профессионального самосовершенствования. Стоит признать, что во многом благодаря личностным качествам инженеров промышленные предприятия до сих пор находятся «на плаву».

И: Можно сказать, что вы развиваетесь профессионально?

Р: Да.

И: Что этому способствует – сам характер труда, технологии?

Р: Нет, я думаю, мой характер (ухмыляется).

И: Инженер может реализоваться в полную силу в современной российской промышленности, проявить свои способности?

Р: В Новосибирске самореализоваться хороший инженер по большому счету не может. По причине отсталости оборудования. Даже не просто в городе, а во всей стране. Если уехать в другую страну на такое же производство, например, в Германию, то придётся повышать квалификацию очень сильно, чтобы там работать на аналогичной должности. А если оттуда специалист придет к нам, то ему даже нужно будет понизить свою квалификацию.

Р: По цене наши станки в три-пять раз дешевле. Они часто ломались, и из-за этого просто были и перебои в работе.

Р: У нас постоянно состав менялся, люди уходили-приходили. Люди стали меняться также из-за постоянной нехватки запчастей. Молодёжь, которая с университетов приходила, она, на всё это посмотрев, проработав полгода, уходила.

ИТР делают акцент на творческих аспектах деятельности, проговаривая в интервью те приёмы и способы, которые помогают им справляться с конструкторскими и другими практическими задачами в условиях дефицита и несовершенства техники. Не имея иного способа достижения цели, они часто действуют путем «озарений» и «методом тыка».

И: И как вы выходите из положения?

Р: (Смеётся). Разбираются две лежащие старые [детали] на складе, из них собирается одна, что-то там подрезается, паяется.

И: Вы профессионально развиваетесь?

Р: Да, в принципе, по сути ведь никогда не бывает однотипных поломок. То есть постоянно что-то новое узнаешь и делаешь. Получается, что обучаешься ты этому сам, «методом тыка».

И: Какие изменения вы хотели бы внести в свой труд?

---

² Здесь и далее курсивом приводится прямая речь респондентов (Р) и интервьюера (И).

Р: Вот оборудование уже старенькое, хотелось бы запчасти получше и побольше разных. Иначе приходится быть очень смекалистым, чтобы придумать, чем сломанную деталь заменить и как бы сделать так, чтобы новая деталь подольше прослужила.

Р: Токарь вытачивает какую-нибудь новую форму и вперед! Радость испытываешь, когда, например, нужно что-то новое сделать, мы все подключили, что-то куда-то протянули, трах-бах! и оно заработало после этого. Вот в такой ситуации на пять минут испытываешь прямо радость.

Обсуждая личностные качества, позволяющие решать производственные задачи в описанных условиях, инженеры акцентируют следующее.

*Р: **Профессионализм, смекалка.** Отец. Я от него эти качества перенял.*

И: Можно сказать, что при помощи своей находчивости, преодолевая, вы ухитряетесь произвести что-то?

Р: Да! У нас часто ставится задача, что нужно что-то отремонтировать, а новой детали ну просто нет.

И: Какими качествами для этого [преодоления] должен обладать инженер?

*Р: **Наблюдательностью, стремлением к самообразованию, знанием не только своей специальности, кругозором.***

*Р: Желательно, чтобы **хорошая реакция** была, если где-то утечка газа или ещё что-то подобное, чтобы он мог быстро среагировать. **Легкость на подъём.***

*Р: Кроме того, что он должен разбираться в оборудовании, иметь **разносторонний опыт** во всех аспектах профессии, **хороший навык работы**, ещё **воображение** и смекалку – вообще это главное!*

*Р: Главное – **пытливый ум.***

Не исключено, что именно технический упадок создает для инженеров ту атмосферу, в пространстве которой они получают возможность проявлять самостоятельность, творчески варьировать свои действия, испытывая удовлетворение от успешного преодоления препятствий. Современное оборудование, становясь всё более компьютеризированным, призвано уменьшить участие инженера в процессе труда, делая многое за него автоматически, такой возможности не предоставляет.

И: Чего вам не хватает, чтобы сделать вашу работу еще интереснее? Новое оборудование?

Р: Новое оборудование ещё более упростит работу и сделает её менее интересной.

Достучаться до небес

Надежду на обновление и, очевидно, вину за низкое качество технической базы инженеры возлагают на дирекцию предприятий.

Р: Оборудование устарело. Нужно его уже обновлять, а у нас дирекция, как я понимаю, зависла во времени.

Интервью с директорами заводов параллельно не проводились³, но сами ИТР, рассказывая о своём опыте общения с руководством по поводу старого оборудования и нехватки запчастей, сетуют на коммуникационные сбои, которые можно свести к двум основным: 1) доступ рядовых сотрудников к директорам завода блокирован последними, 2) начальники среднего звена более доступны, но в ответ на все запросы ссылаются на дороговизну новой техники и запчастей.

И: Вы сами не пробовали пойти на приём к начальству?

Р: Это не имеет смысла. Всё упирается в генерального директора. Он, бывает, приезжает в цех, но обычно проходит мимо и никогда ни с кем не общается. Был один сотрудник, рабочий, который пытался с ним поговорить во время таких визитов – его уволили.

И: Бывает так, что за деталью нужно обратиться к начальству? Как оно реагирует?

Р: Бывают такие ситуации, когда кое-что как бы достаётся нам.

И: А вообще начальство слышит своих работников?

Р: Замы как бы да. Работал в других местах [на других заводах], и там хуже было.

---

³ Ранее проведённый экспертный опрос директоров промышленных предприятий показал, что большинство из них придерживаются авторитарного или близкого к нему стиля управления. Приверженность демократическому стилю не обозначил ни один из 21 директоров предприятий. При этом размер предприятия и количество занятых на нем трудящихся на выбор стиля управления не влияют [Корель, Комбаров, 2010].

Р: Руководство находится в 200 метрах от промышленной части. Они иногда приходят посмотреть производство. Когда аргументируешь свою позицию непосредственному начальнику, это, в принципе, нормально воспринимается.

Р: Да, я достаточно давно работаю на этом предприятии, поэтому могу общаться с руководящим составом [заместителями]. На словах, в принципе, всё выслушивается.

И: А на деле?

Р: У них же свои рамки, они ограничены. Они все, всегда, ограничены деньгами. Может, они и знают, что надо что-то делать, но пока... [разводит руками].

Отношение ИТР к профессии

Отношение к себе как к носителю профессии является важным фактором в становлении работников субъектами труда. Значимость тех или иных сторон труда влияет на их мотивацию, восприятие общественной значимости своей профессии, желание продолжать работать в отрасли, стремление к повышению квалификации и образования.

Наши респонденты говорили о своей принадлежности к профессии с гордостью. Она занимает важное место в структуре их жизненных приоритетов и ценностных императивов. В их жизненных планах импульсом развития выступает намерение продолжать работать по инженерной специальности, которая наполняет их жизнь смыслом. Жить – значит продолжать оставаться «технарём по жизни».

Р: Я люблю перемены, мне хотелось бы что-то новое. Главное, желательно, в технической области. Я много что перепробовал. Я хочу как можно больше узнать в профессии. Я и шофером был, и на рынке торговал. Слесарем был, стал инженером – с механики на электронику перешел. Я хочу как можно больше в этом познать.

И: Какой трудовой процесс вам наиболее приятен?

Р: Мне всегда нравилось взаимодействие с техникой. Я получаю удовольствие от результата – когда техника работает хорошо, качественно.

И: Скажите, а как вы пришли к профессии инженера?

Р: Я поработал сначала бухгалтером-ревизором. Но эта работа была связана с тем, что я кого-то должен был карать

за что-то... а мне не нравилось это состояние. После этого опыта я понял, что хочу работать на заводе, на производстве, где мы создаем и делаем что-то конкретное, реальный продукт создаем. Я стремился на завод устроиться.

Р: До этого я на сборочном производстве работал и начальником производства; потом сюда устроился оператором. Потом мне предложили перейти в инженерá⁴, и я, как остался инженером, так сейчас и хочу им быть.

Р: Были предложения, вот, на пивной завод тоже инженером уйти. Но опять для меня встал вопрос того, что же я в итоге буду производить. Для меня производить этот [продукт] – лучше, чем производить пиво. Я себя комфортно чувствую оттого, что мы производим что-то нужное для города.

Работа инженеров наполняется отдельным смыслом от осознания того, что она приносит обществу пользу: из произведённых строительных материалов и металлоконструкций возводятся жилые дома и другие здания, при помощи машин и турбин производят необходимую для каждой сферы общества электроэнергию. Освязаемость результата, практичность деятельности и его реальная полезность уменьшают отчуждённость от процесса труда и его результатов.

И: То есть, когда вы видите результат вашего труда, это наполняет смыслом и всю вашу трудовую деятельность?

Р: Да! Я много где успел поработать, и только здесь, когда я стал работать инженером, я в принципе стал себя комфортно чувствовать на работе.

И: У вас изменилось отношение к процессу труда? Какие эмоции вы теперь испытываете?

Р: Да! На других работах я приходил, и у меня постоянно было напряжение какое-то. Когда продукт получается хорошим, выходишь, посмотришь и ты очень доволен.

И: Вы испытываете удовлетворение, видимо, ещё и оттого, что ваш труд приносит пользу обществу?

---

⁴ В профессиональной речи ИТР используют сленг – полагаю, будет правильным сохранить форму слова «инженерá» в оригинале – это понятие поэтизируется инженерами, обретая дополнительный смысл: входит в их профессиональную самость (идентичность), отражает восприятие своей профессии как своеобразной, уникальной, престижной.

Р: Именно. Я могу себе объяснить, дочке своей: «Вот мы производим строительные материалы, из которых строят дом, в котором мы живём». Для меня это важно. А когда я в других местах работал, я даже сам не понимал, зачем я вообще работаю.

Профессиональное становление, берущее начало в молодом возрасте, также распространено среди респондентов.

И: То есть вы по природе своей «технар»?

Р: Ну да, с технической частью это всё предопределилось ещё лет в 15, когда меня первый раз в гараж привезли и в машину посадили.

Р: Мне это до сих пор интересно, все, что связано с этой технической частью. Бывали периоды кризиса, но всё равно до сих пор интересно.

И: Кризис с чем был связан?

Р: Просто со временем все равно это в рутину превращается [респондент с большим трудовым стажем].

И: Можно сказать, что то, чем вы занимаетесь, это ваше призвание?

Р: Да. Я начинал работать как автоэлектрик на СТО американских грузовиков. С 16 лет, когда я ещё учился в школе и начал работать на СТО, потом механиком на заводе. Со временем меня перевели в инженерá, так как я долго отработал слесарем, достаточно хорошо знал, что такое завод сам по себе, и прошел дополнительное обучение на инженера.

Под взглядами других (запрос на признание и уважение)

Высокая оценка и принятие своей профессии инженерами не вызывает сомнений. Однако на самооценку человека влияют и внешние суждения, взгляд со стороны. В социологической концепции «зеркального Я» Чарльза Кули образ себя формируется через интерпретацию человеком своего отражения в других, полученного им через их оценки, отношение, поведение, различные формы социального признания либо порицания. В итоге человек испытывает гордость, счастье, вину или стыд за себя, либо за какую-то «часть» себя (Кули, 2000). Концепция «зеркального Я» объясняет, как происходит регулирование мыслей

и поведения личности в ходе социального взаимодействия через ценности и нормы.

Выраженное нашими респондентами отношение к своей профессии включает также образ инженера «со стороны», с которым они вынуждены отчасти соглашаться, а отчасти его оспаривать. Так, наряду с прочим, своё профессиональное становление инженеры осуществляют через преодоление общественного «снобизма» в отношении тружеников фабричного и заводского труда.

И: Насколько ваша профессия уважаема в обществе?

Р: По-моему, вообще не уважаема, сейчас больше уважают менеджеров, продажников. А я принципиально не хочу работать в этих областях.

И: Почему?

Р: Я работал на рынке – я не умею людей обманывать.

Р: Какое там уважение. До этого я работал на заводе в Академгородке, там я был трудоустроен вообще неофициально.

И: Скажите, а как ваши близкие, друзья относятся к вашей работе?

Р: Жена относится к моей работе положительно, а вот друзья и брат постоянно мне говорят: «Что там прозябаешь на своём заводе, ничего не делаешь, бизнес надо открывать». Все сейчас бизнес открывают.

И: Ваша профессия и в целом человек труда, насколько они уважаемы в России?

Р: Эти профессии неуважаемы. Я считаю, что сейчас основная масса людей уважает такие: первая, – которая, в независимости от должности даёт высокий доход, вторая, – которая имеет публичное значение. Это власти или просто публичные лица.

И: Вы считаете это справедливым?

Р: Нет. Я считаю, что раньше отношение к человеку труда было более хорошим, чем сейчас.

Неуважение воспринимается ИТР и через величину заработной платы.

Р: 32 тысячи – это неуважение. Со стороны работодателя. Я работаю здесь семь лет, за эти семь лет заработная плата не изменилась. Стоит на месте. И ещё, сколько до меня она такая была, я не знаю.

Р: И сейчас с нас ещё начинают требовать: вы давайте начинайте работать как за 50 тысяч, а мы вам будем платить 30.

Чем дальше в социальном пространстве от ИТР оценочная группа, тем меньшее уважение и признание она ему обеспечивает.

И: Материально работа вознаграждается должным образом?

Р: Нет! Сейчас рабочие специальности не оплачиваются, я же захватил советское время, я помню тот период, можно его ругать, но к нам один начальник производства приезжал со среднего Казахстана, он говорил: «У нас сталевары получали 450 рублей в среднем. А директор завода, у которого в подчинении было 2000 человек, получал 600 рублей». Вот этой разницы не было огромной. А сейчас что получилось? Этот разрыв стал огромный, рабочие специальности не оплачиваются хорошо. Может быть, там, где президент ездит, строят космодром Восточный, там, может быть, да, зарплаты и до 100 тысяч доходят, а здесь, нет, низкие. А в Алтайском крае, там вообще нищие зарплаты, вот и приходится... на двух работах работать.

И: У нас вообще государство несправедливо к человеку труда... Оно сейчас таким образом построено, что люди, которые именно своим трудом зарабатывают себе деньги, везде ущемлены. То есть это начиная и от зарплаты, и социального положения. Нам на дороге встретится человек, трудом занимающийся, и владелец предприятия. Один другого поколотит, в результате правым выйдет владелец предприятия. В суде даже в том же. В отношении медицинских услуг, опять, по благу пролезающие владельцы мира сего, а человек труда – постоянно унижен.

Р: Везде у нас унижен человек, который трудом своим занимается; везде у нас растоптан и втоптан в грязь. В отношении между нами и работодателями – у нас никаких прав вообще нет. Мы не можем ничего «предъявить».

Санитарно-гигиенические условия

Приведённые выше мнения инженеров об отсутствии уважения к ним со стороны начальства относятся к мотивирующей группе факторов по Герцбергу [Мескон, Альберт, Хедоури, 2007].

В нашем исследовании ощущение респондентов неуважения к себе проявляется в том, как они его оспаривают, усиливая в своей речи аргументы о важности их профессии для общества, практической пользе промышленного производства, творческом характере труда.

Тем не менее в двухфакторной теории мотивации Герцберга ключевое значение отводится первой группе факторов – гигиеническим: физические условия труда влияют на оценку работниками удовлетворённости трудом, а также способствуют удержанию ИТР на предприятии, либо, напротив увеличивают утечку кадров.

В наших интервью физический дискомфорт инженеры нередко выражали с помощью фраз из разряда социального обращения: «относятся не по-человечески», «не как к людям», «обращаются как с ...» и прочее; проговаривали неравенство в понятиях телесности, физического пространства, чистоты.

И: У вас есть...обеденные зоны, где можно было бы пообедать?

Р: Всё плохо организовано.

И: Где вы можете разогреть еду, попить чай?

Р: Мы, инженерный состав, у себя, в диспетчерской. А у операторов есть бытовка, так называемые бытовые помещения, там есть стол, и всё очень хреново.

Р: С точки зрения гигиенических условий вашего труда вы удовлетворены вашим местом работы?

И: Нет. Я поработал в Казахстане на предприятии, у них там свой теннисный зал, например. Начинаешь об этом рассказывать начальству, тебе говорят: «Ну, ты сочиняешь». Теннисные залы, спортзалы, даже бассейны бывают. У нас же ни хрена, извините меня, нет. Я говорил: «Давайте хотя бы теннисные столы поставим». Все с ухмылкой это воспринимают. Или зону отдыха организуем, диваны, цветы поставить, чтобы можно было отдохнуть в обеденный перерыв [в здании управления завода, где проводилось интервью – наоборот, комфортно, чисто, есть кофемашина и растения].

И: А душевые есть у вас?

Р: Душевая есть, в очень ужасном состоянии.

И: Степень освещённости, воздух, которым вы дышите в цеху, какие?

Р: Формально все в нашем государстве соответствует нормам. А фактически и освещенность местами ненормальная, и вибрация, и электромагнитное излучение, это всё присутствует. Это как бы сделка с совестью – ты знаешь, куда ты идешь работать, и что тебя ждёт. Ты на завод пришёл работать, я про себя говорю. Я понимаю, что я работаю во вредных условиях и получаю за это определённые деньги. Конечно, где-то там, в Европах, всё с этим лучше, но у нас, в России, вряд ли я лучше найду. Этот завод, это производство – это ещё довольно чистый завод. А вот на обогащительных производствах бывает сплошная химия.

И: Какая-то компенсация за вредность, хотя бы формально, предусмотрена?

Р: Формально начисляются какие-то копеечки, капаят. В расчётке я смотрел – около 900 рублей за вредность, по-моему, перечисляется [видимо, раз в год]. На одной из забастовок мы поднимали вопрос про вредность – выйдем ли мы из-за вредности раньше на пенсию на год?

Лишь один из респондентов рассказал о своих относительно успешных попытках повлиять на руководство с целью улучшения условий труда на заводе в пору, когда он только пришёл на него работать.

И: Каковы санитарно-гигиенические условия вашего труда?

Р: Поначалу мне приходилось довольно много инициировать улучшения, потому что мне не нравится в плохих условиях работать.

И: А что было плохого? Вы проявляли инициативу?

Р: Да, я обращался к руководству – это помещение старое, поэтому там всё было старое, освещение плохое, вентиляции вообще никакой не было поначалу.

Дополнительный заработок и труд за пределами предприятия

Испытывая недостаток не только в приемлемых санитарно-гигиенических условиях, технических средствах, но и в достойном заработке, инженеры вынуждены подрабатывать. Необходимость дополнительного заработка диктуется не только низким уровнем оплаты труда, но и наличием семьи и детей, а порою и внуков, увеличивающих финансовую нагрузку на кормильца.

Часть респондентов, не имея собственного жилья, вынуждены тратить значительную долю своего заработка на его аренду. Очевидно, что в течение выходных восстанавливать силы, необходимые для полноценного труда, многим не удаётся. Ситуация фактически заключается в следующем: перерабатывай, чтобы оставаться бедным (субъективная и относительная бедность инженерами излагается вполне наглядно), работай, чтобы выйти на пенсию фактически нищим (учитывая величину пенсии)... и больным: позволить себе качественное питание и медицину могут немногие ИТР.

Не исключено, что при таком режиме труда и качестве жизни часть инженеров до пенсии попросту не доживет – средняя продолжительность жизни мужчин, в зависимости от года рождения, разнится в России от 57,4 лет (для лиц 1994 г.р.) до 65,9 лет (для лиц 2015 г.р.); в Новосибирской области – от 56,7 лет (для индивидов 1994 г.р.) до 65,1 лет (для индивидов 2015 г.р.)⁵. По данным Всемирного банка, ожидаемая продолжительность жизни российских мужчин, родившихся с 1960 по 1990 гг., составляет соответственно от 62 до 63,7 лет (с максимумом 64,8 лет для родившихся в 1987 г.)⁶.

И: Есть ли у вас дополнительный источник дохода?

*Р: Да, подработка, электромонтаж. Делаю в квартирах проводку. Дома не живешь. Работа занимает у меня **все дневное и ночное время**, я сутками работаю и вообще не отдыхаю. В таком режиме я нахожусь 7 лет.*

Р: На отопительный сезон у меня есть ещё одна работа. Я ухожу ещё на одно предприятие, то есть совмещаю и там и там.

И: Каков ваш месячный доход?

Р: Включая подработку? Совсем не много. У меня встречный вопрос, как составляется статистика? Если в прошлом году средняя зарплата была 28, сейчас уже 35 тысяч рублей. Но это ведь неправда, люди получают по 20 тысяч – операторы,

---

⁵ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет, Новосибирская область, мужчины, всё население. Росстат приводит данные по родившимся с 1990–2015гг: Федеральная служба государственной статистики, интерактивная витрина: URL: <http://cbsd.gks.ru/#>. (дата обращения: 08.05.2019).

⁶ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет, мужчины. Всемирный банк. URL: [https:// data.worldbank.org/topic/health?locations=RU&view=chart](https://data.worldbank.org/topic/health?locations=RU&view=chart) (дата обращения: 08.05.2019).

сантехники чуть больше – 21 тысячу. У нас же на заводах нет больших зарплат, даже инженеры 30–35 получают. Попробуйте за трёхкомнатную квартиру заплатить, раз, а ещё кушать надо, обуваться, одеваться, ещё бензин в машину заливать, техобслуживание машины. У нас зарплаты-то низкие.

Р: Подработка есть. Я бы ещё вахтовым методом поехал работать, если бы здоровье позволяло, так как они там деньги хорошие получают, по статистике смотрел, куда больше всего из Новосибирской области выехало за прошлый год (2017): 1 – Москва, 2 – СПб, 3 – Краснодар. Все вахтовики, кто денег заработают, они потом едут туда и покупают себе дома и квартиры. Возраст-то у меня уже немолодой, 53 года, жизнь-то к закату катится.

Закономерно, что распространённой практикой восстановления сил становится элементарная экономия жизненной энергии.

Р: Есть подработки, но они все временные, эпизодические. Я сейчас работаю [здесь] на свои 30 тысяч, не напрягаясь, и не хочу лучше, раз мне так платят. Я бы мог работать лучше и хотел бы работать лучше, но мне как платят, я так и работаю.

Какие-либо восстанавливающие здоровье формы досуга инженеры не практикуют, основным видом восстановления физических сил является пассивный отдых и отдушина в виде семьи.

И: Как вы проводите свободное время?

Р: Свободное время я провожу на рыбалке, в этом году был один раз [смеётся, делая акцент на слове «один»].

Р: Дома, с женой, детьми, внуками, у меня трое внуков. Там самая любимая, самая маленькая как приедет, так всё, только с ней и вожусь.

И: А литературу вы читаете, фильмы смотрите какие-нибудь?

Р: Что вечером идёт по телевизору, то и смотрю. Новости, СТС, ТНТ. Книги читать времени не хватает.

Р: В свободное время – лента в соцсетях.

Обращение к природе – вторая по распространённости среди ИТР практика восстановления сил.

Р: Когда время есть – обязательно выезжаю в лес, всё-таки один день на природе он хорошо заряжает, особенно сосновый лес, домик в деревне.

Р: Можно просто пойти погулять. Или поехать на природу, с палаткой.

Р: Бывает, что иногда ходим куда-нибудь, в парк, например.

Повышение квалификации (самообразование)

Когда разговор заходит об образовании, инженеры единодушны в своей приверженности идее непрерывного профессионального развития через получение нового теоретического знания и приобщение к последним тенденциям в профессии.

И: Какими качествами должен обладать инженер как истинный профессионал?

*Р: Это **самообразование. Любопытство, заинтересованность.** Инженер должен постоянно следить за новостями в своей профессии, потому что всё обновляется постоянно: программное обеспечение, материалы; он должен **быть в курсе последних нововведений.***

Однако поиски способов повышения квалификации, пополнения теоретических знаний и практического опыта ложатся бременем на самих ИТР. Разумеется, самыми распространёнными являются наиболее доступные и менее затратные для них практики, ключевая из которых – чтение профессиональной литературы в Интернете.

Р: Сам читаю какие-то технические, методические материалы касаясь своей профессии.

Р: Ты должен и в физике знания иметь, и в химии, в электронике, электротехнике. Мы со всем сталкиваемся, всё должны знать, как что работает. Нужно знать принцип действия всех механизмов. Сейчас все в Интернет ушли, и я тоже.

Р: Положительно к учебе отношусь, к курсам повышения квалификации. Я считаю, что человек в течение всей жизни должен учиться. Сейчас образование платное, самостоятельно проблематично учиться, да ещё с маленьким ребёнком.

И: Профессионально вы развиваетесь?

Р: Ну да, но только за счет опыта. Что-то, если вдруг, мне не ясно, я, естественно, открою – почитаю, слава Богу, у нас сейчас к Интернету доступ есть. Вся эта литература техническая там – самообразованием можно заниматься.

Р: Иногда приходится литературу перебирать. С работы нас на курсы не отправляют, поэтому пополнять запасы знаний

приходится самому, профессиональную литературу я черпаю в основном в Интернете.

Один респондент поведал и вовсе о парадоксальном опыте: будучи послан в командировку обмениваться опытом с коллегами из других частей страны, он оказался в ситуации, в которой ему выпала роль не получателя передового опыта, а напротив, – распространителя знания и практических навыков.

И: Вы развивались, повышая квалификацию на других заводах?

Р: (Смеётся). Да, но, наоборот, по идее, я передавал опыт. Когда ездил на другие заводы, также инженером, получать опыт. Это были тоже заводы по производству [продукт труда]. Там технологические линии очень похожи на наши. Ездил и в другие города: в Подмоскowie и Калининградскую область.

На этой положительной ноте хотелось бы завершить данную статью, подчеркнув, что далеко не все эмпирические данные исследования нашли в ней отражение. В дальнейшем мы намерены познакомить читателей с другими результатами нашей работы, которая все еще продолжается.

Заключение

В статье нашла своё подтверждение исследовательская гипотеза о том, что становление инженеров сибирских промышленных предприятий активными субъектами труда осуществляется через преодоление жёстких институциональных ограничителей. Первичным фактором, обуславливающим специфику трудовой деятельности инженеров и характер их самореализации в профессии, является упадок технического оснащения предприятий. Устаревшее оборудование и станки, частые поломки, нехватка запчастей не только не останавливают трудовую активность инженеров, но побуждают их к творческому поиску новых приёмов и способов решения производственных задач.

Потенциал к решению трудовых противоречий между потребностью в производстве товаров и ограниченностью ресурсной среды предприятий заключается в личностных качествах самих инженеров, составляющих социальный капитал российской промышленности: изобретательность, сильный характер, упорство, стремление к усвоению нового знания прокладывают путь

не только к реализации трудовых задач, но и способствуют профессиональному саморазвитию ИТР.

Впрочем, профессиональный рост также происходит в первую очередь за счёт их личных усилий – усвоение нового профессионального знания и отслеживание тенденций в развитии техники и технологий происходят в процессе чтения литературы и просмотра видеофайлов по инженерно-технической тематике в Интернете.

Стимулом к развитию выступает и положительное отношение респондентов к профессии инженера. Высокая планка критериев, которые инженеры применяют к образу идеального представителя своей профессии, мотивирует их к достижению соответствия моральным, этическим и трудовым качествам эталонного инженерно-технического работника. Изобретательный, практический и общественно полезный характер труда наполняет их жизнь смыслом, укрепляет их уверенность в верности выбора профессии, отвечает потребности в саморазвитии.

Анализ результатов обследования показал, что становление инженерами происходит через преодоление как трудностей материального характера: недостаточного уровня заработной платы, неудовлетворительных санитарно-гигиенических условий, так и моральных препятствий: низкого уровня признания заслуг труда ИТР со стороны руководства и общества в целом.

По нашему мнению, данное исследование показывает, что основным капиталом российской промышленности является социальный капитал в лице конкретных людей труда, которые в тяжёлых производственных, кризисных условиях продолжают держать отечественную производящую экономику на плаву. Вместе с тем исследование актуализирует ряд вопросов, связанных с перспективами развития промышленного труда в России с точки зрения его модернизации. Как изменят мотивацию, производительность труда и характер производственной деятельности инженеров новое оборудование, станки, достойный уровень заработной платы? Хочется верить – в лучшую сторону. Жизнь и дальнейшие исследования покажут.

Литература

Комбаров В. Ю. Феномен субъекта труда на промышленных предприятиях Сибири: анализ в постструктуралистской социологической перспективе

и построение типологии // Мир России. Социология. Этнология. 2015. № 3. С. 88–107.

Корель Л., Комбаров В. Директора предприятий о государственной промышленной политике // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 26–34.

Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок/ Пер. с англ. М.: Идея-Пресс. Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.

Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента, 3-е изд./ Пер. с англ. М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2007.

Страусс А.; Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М., 2001.

Patton M. Qualitative Research and Evaluation Methods. 2002. Thousand Oaks.

Статья поступила 28.02.2019.

Для цитирования: *Комбаров В. Ю.* Факторы становления инженеров промышленных предприятий субъектами труда (социологический портрет) // ЭКО. 2019. № 6. С. 103-123. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-6-103-123

Summary

Kombarov, V. Yu., Candidate of Sociological Sciences, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk State University, Novosibirsk

Factors of the Becoming of Engineers as Subjects of Labor (Sociological Portrait)

Abstract. The article presents the results of an ongoing theoretical, methodological and empirical study of engineers employed in Siberian industrial enterprises. The project is carried out in line with qualitative studies in sociology and involves the focused interview method. The interviews revealed a variety of attitudes towards different aspects of labor and industrial relations in enterprises, as well as their influence on subjectivity acquired by engineers in the course of their work. The discourse of engineers consists of their personal statements about the technical bases of enterprises, levels of their equipment. It includes assessment of the adequacy of monetary reward for industrial work that is relevant for the socio-economic domestic realities, as it highlights the problem and the request for public recognition. The author considers the process of labor subject formation as polyphonic (dialogical) – at the intersection of two types of attitudes to the profession of engineer: representatives of the reference group (engineer, his colleagues, family, friends) and the “outside” view (managers, the state, etc.), contributing to the value-normative regulation of the personality of engineers. It is shown that the key to the process of labor subject formation is the paradoxical experience that is realized in practices of conscious, intentional overcoming of structural limitations in the system of labor relations – the principle of “contrary to”.

Keywords: *Engineers; subject; becoming; focus interview; transgression; industrial enterprises*

References

Cooley, Ch. (2000). Human Nature and Social Order. Moscow. House of Intellectual Book. (In Russ.).

Kombarov, V.Yu. (2015) Phenomenon of the Subject of Labour at Industrial Plants: Poststructural Sociological Analysis and Building of Typology. *The World of Russia*. No.3. Pp. 88–107. (In Russ.).

Korel, L., Kombarov, V. (2010). Top Managers of Industrial Plants Talking About State Industrial Policy. *Sociological Studies*. No. 11. Pp. 26–34. (In Russ.).

Meskon, M., Albert, M., Hedowry, Ph. (2007). *Fundamental of Management*. Moscow. I.D. Williams. (In Russ.).

Strauss, A., Korbin, J. (2001). *Fundamental of Qualitative Studies: Grounded Theory, Procedures and Technics*. Moscow.

Patton, M. (2002). *Qualitative Research and Evaluation Methods*. Thousand Oaks.

For citation: Kombarov, V. Yu. (2019). Factors of the Becoming of Engineers as Subjects of Labor (Sociological Portrait). *ECO*. No. 6. Pp. 103-123. (In Russ.)
DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-6-103-123

Какая связь между демографическим потенциалом и экономическим развитием Республики Бурятия?

Ю.Г. БЮРАЕВА, доктор социологических наук, Отдел региональных экономических исследований Бурятского научного центра СО РАН, Улан-Удэ.
E-mail: julbur@yandex.ru

Аннотация. Возможность экономической модернизации и социально-экономического развития Российской Федерации и ее регионов, в том числе Республики Бурятия, во многом зависит от качества формирования демографического потенциала, который характеризуется негативными изменениями. В статье проанализированы количественные, структурные и качественные факторы демографического развития республики в период с 1990 по 2018 гг. Рассмотрены основные прогнозные характеристики населения – рождаемость, смертность, естественный и миграционный прирост (убыль). Снижение естественного прироста на фоне миграционного оттока, процессов старения, дисперсного характера расселения и недостаточного оборота населения свидетельствуют о дальнейшем сохранении проблемной демографической ситуации. Автор приходит к выводу, что на современном этапе социально-экономическое развитие невозможно без решения демографических проблем. Подчеркивается необходимость комплексного подхода при управлении демографическими и миграционными процессами.

Ключевые слова: демографический потенциал; Республика Бурятия; трудовые ресурсы; рабочая сила; кризис; миграция; демографическая политика

Постановка проблемы

Формирование условий для экономического роста в Республике Бурятия наталкивается на множество ограничений, одно из которых связано с ухудшением демографического потенциала. Последний отражает совокупность сложных, зачастую разнонаправленных процессов. Оценка объективных характеристик демографического потенциала лежит в основе формирования стратегии развития экономики и инвестиционных процессов в регионе.

С началом экономических реформ государство отказалось от целенаправленной экономической политики на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. Демографическая ситуация с 1990-х гг. здесь складывалась под влиянием социально-экономической трансформации российского общества, экономического кризиса, деградации

отраслей социальной сферы. Республика Бурятия постепенно утратила свои приоритеты, потеряла миграционную привлекательность, что стало основным ограничивающим фактором ее развития.

Сегодня на всех уровнях государственного управления растет осознание необходимости решения демографических проблем, вопросов развития человеческого капитала, совершенствования инструментов демографической и социальной политики как основы экономического развития регионов [Мингалева, Игошев, 2011]. Так, мировой опыт показывает, что в странах с высокой долей трудоспособного населения существует «демографическое окно возможностей»¹, которым какие-то из них (например, Юго-Восточная Азия в 1965–1990 гг.) успешно воспользовались, осуществив экономический рывок за счет продуманных комплексных мер в области развития человеческого капитала, эффективной политики государства в сфере образования и занятости. Те, которые пренебрегли подобной возможностью (Латинская Америка в тот же период), не смогли показать столь же высокие темпы экономического развития [Каримова, Цхай, 2014].

Основным вектором экономического роста в Юго-Восточной Азии стало не накопление физического капитала в форме материальных активов, а человеческий капитал и технический прогресс. Демографическое давление привело к институциональным, техническим и политическим изменениям. Это доказывает, что демографический рост может влиять на экономическое развитие вопреки таким факторам, как ошибочный политический выбор, коррупция и недостаток природных ресурсов².

Численность населения подвержена значительному влиянию экономических факторов и сама заметно воздействует на них. В связи с этим основной исследовательский фокус данной статьи направлен на анализ кризисных демографических процессов (количественных, структурных и качественных) и их проявления в экономическом развитии Республики Бурятия. Эмпирической базой для исследования послужили данные территориального органа

---

¹ Демографическое окно возможностей открывается при минимальной нагрузке иждивенцев на одного работающего. С экономической точки зрения, такая ситуация оптимальна из-за невысокого уровня экономической зависимости населения и роста относительного числа потенциальных работников, способных поддерживать лиц нетрудоспособного возраста (детей и пожилых).

² Взаимосвязи между экономикой и демографией [Эл. ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0171/analit05.php> (дата обращения: 02.05.2019).

Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия с 1990 по 2018 гг.³

В результате ухудшения уровня и качества жизни демографические процессы в Бурятии носили депопуляционный характер, отягощенный миграционным оттоком за пределы республики. За 1990–2018 гг. численность населения уменьшилась на 63,6 тыс. чел. (6,1%) и на данный момент составляет 984,5 тыс. чел. (табл. 1). Наибольшее сокращение численности произошло в отдаленных и северных районах – более чем в два раза в Муйском и Северо-Байкальском, на треть – в Баунтовском и Джидинском районах [Бюраева, 2018а].

Таблица 1. Показатели демографического развития населения Республики Бурятия в 1990–2018 гг.

Показатель	1990	2000	2010	2018	Темп прироста, 1990–2018, %
Численность населения, тыс. чел.	1048,1	1004,8	963,5	984,5	-6,1
Коэффициент рождаемости, промилле	18,3	11,6	17,0	14,5**	-20,8
Коэффициент смертности, промилле	9,1	13,1	12,7	10,7*	17,6
Коэффициент естественного прироста, промилле	9,2	-1,5	4,3	3,8*	-58,7
Коэффициент миграционного прироста, промилле	-0,8	-4,0	-3,4	-3,5*	-337,5
Число женщин на 1000 мужчин, чел.	1052	1082	1105	1098	4,4
Общая демографическая нагрузка, чел.	795	670	593	807	1,5
Средний возраст населения, лет	29,7	33,2	34,9	35,7	20,2

Источник. Рассчитано по: Население [Эл. ресурс]. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population (дата обращения: 22.02.2019).

* Данные на 2017 г.

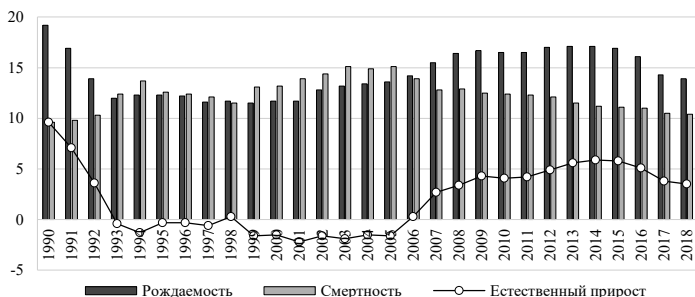
Количественные изменения численности населения

Снижение рождаемости началось еще до 1990 г. и продолжалось до 1999 г., в котором республика прошла точку исторического минимума в численности новорожденных – 11468 чел. Стабилизация социально-экономической обстановки привела к росту благоприятных тенденций. До 2005 г. увеличение рождаемости происходило также вследствие вступления в детородный

³ Население [Эл. ресурс]. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population (дата обращения: 22.02.2019).

возраст многочисленного поколения 1980-х. Затем количество женщин фертильного возраста начало снижаться, и рождаемость поддерживалась в основном благодаря программе по предоставлению материнского капитала, действующей с 2007 г. Тем не менее показатели рождаемости так и не достигли уровня 1990 г. (рис. 1).

Источник. Составлено по: Рождаемость, смертность и естественный прирост [Эл. ресурс]. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population (дата обращения: 22.03.2019).

Рис. 1. Коэффициенты естественного движения населения в Республике Бурятия в 1990-2018 гг., промилле

Сегодня, когда детородного возраста достигло поколение предыдущего демографического провала, вновь наблюдается ухудшение экономических условий, дефицит рабочих мест (за последние годы закрылся ряд крупных предприятий), либо угроза их сокращения, усиление криминогенной обстановки и общая неуверенность в будущем. Молодые люди фертильного возраста мигрируют за пределы региона или откладывают рождение детей на более поздний срок. Если в 1990 г. большинство мужчин регистрировали брак в возрасте от 20 до 24 лет, а женщины – в возрасте от 18 до 24 лет, то сейчас это происходит преимущественно в периоде от 24 до 29 лет.

В итоге после 2015 г. рождаемость вновь стала снижаться. На данный момент коэффициент рождаемости составляет 14,5 промилле, что в демографии относится к низкому уровню (до 16 промилле). Суммарно на одну женщину приходится 2,056 ребенка, что недостаточно для простого воспроизводства населения (2,15). Более того, согласно демографическому

прогнозу Росстата, рассчитанному до 2035 г.,⁴ в ближайшее десятилетие в республике ожидается снижение рождаемости до уровня 1993 г. Таким образом, Бурятии предстоит пережить еще один демографический провал, хотя и не столь глубокий, как в 1990-х гг. Поэтому первоочередное значение имеют задачи по сохранению института семьи с соответствующими репродуктивными установками, разрушение которого чревато усугублением демографического кризиса. В целом к 2035 г. по сравнению с 2018 г. рождаемость уменьшится на 10,7%.

С 1993 г. по 2005 г. смертность в республике превышала рождаемость (см. рис. 1). Сегодня коэффициент смертности (10,7 промилле) находится у нижней границы среднего уровня (от 10 до 15 промилле). При этом смертность среди мужчин, особенно в трудоспособном возрасте (8 промилле), почти в три раза выше, чем у женщин (2,7 промилле). По другим возрастным группам гендерная разница доходит до двух раз. Основная причина смертности – заболевания, они у мужчин встречаются на 81,3% чаще; преобладают болезни системы кровообращения (41,1%) и новообразования (17,2%).

Доля смертности населения в результате других причин составляет 14,7%, из них самоубийств – в 25,3% случаев, алкогольного отравления – в 12,9%. Необходимо отметить, что в целом 5% случаев смертей наступает под воздействием алкоголя. На будущее прогнозируется незначительное снижение смертности, а затем ее рост, который к 2035 г. по сравнению с 2018 г. составит 6%⁵.

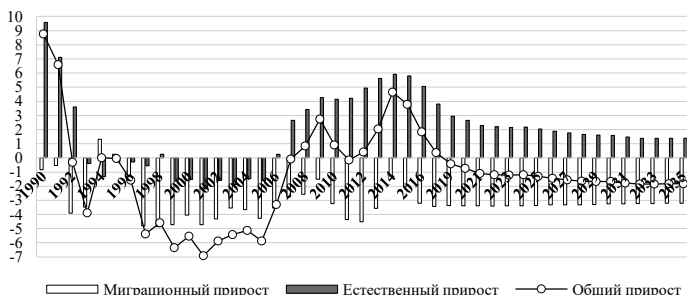
Тем не менее средняя продолжительность жизни постепенно возрастает. За последние 20 лет – на 9%. Наиболее всего данная тенденция затронула проживающих в городе мужчин (+11,9%). На данный момент продолжительность жизни всего населения составляет 70,7 лет, мужчин – 65,3 лет, женщин – 76 лет.

Тенденции низкой рождаемости на фоне среднего уровня смертности привели к снижению естественного прироста населения после 2015 г. По прогнозным данным Росстата, к 2035 г. его значение упадет на 39,7% от уровня 2018 г. (рис. 2).

---

⁴ Родившиеся, умершие, естественный прирост и миграция населения [Эл. ресурс]. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population (дата обращения: 28.02.2019).

⁵ Там же.

Источник. Рассчитано по: Родившиеся, умершие, естественный прирост и миграция населения [Эл. ресурс]. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population (дата обращения: 28.02.2019).

Рис. 2. Коэффициенты прироста населения Республики Бурятия и их прогноз в 1999–2035 гг., промилле

Однако общая убыль населения в Бурятии, как и в других регионах Дальнего Востока и Восточной Сибири, вызвана не столько естественными причинами, сколько не прекращающимся миграционным оттоком, порожденным сложной социально-экономической ситуацией в реформенный период. В целом с начала 1990-х гг. республику покинуло 84,3 тыс. человек⁶. Миграционный приток и естественный прирост не смогли компенсировать эти потери.

Как видно из рисунка 2, интенсивность миграционных процессов на фоне снижения естественного прироста приведет к снижению численности населения. Кроме того, отток из республики важно рассматривать с позиции качественных последствий. Уезжают и планируют переезд, как правило, активные, молодые, хорошо подготовленные кадры, в то время как среди прибывших преобладают лица с низкой профессиональной квалификацией. Это ведет к снижению качества рабочей силы региона.

Так, около 70% эмигрантов находятся в трудоспособном возрасте, 35,5% имеют высшее образование, а 25,4% – среднее профессиональное. На момент отъезда только 36,9% осуществляли трудовую деятельность, т.е. свыше половины уехавших

⁶ Общие итоги миграции населения Республики Бурятия [Эл. ресурс]. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population (дата обращения: 22.02.2019).

не смогли реализовать свой трудовой потенциал в республике в связи с общей безработицей и низким социальным потенциалом вакантных мест. Поэтому в эмиграционном потоке преобладают причины личного и семейного характера (33,2%) и в связи с работой или сменой работы у супруга (14%)⁷.

Отметим, что для учебы в других городах из республики уезжают свыше 40% выпускников школ, при этом ежегодно их доля возрастает. Процент возврата уехавших из региона абитуриентов, по нашим наблюдениям, ничтожно мал. Так, в 2018 г. доля выпускников, мигрировавших за пределы Бурятии для получения образования, в том числе в зарубежных вузах, составила 46,5%, что на 2,8% выше, чем в 2017 г.⁸

По мнению бывшего сенатора от Бурятии, академика РАН А.К. Тулохонова, результатом введения ЕГЭ стало «вымывание» лучших выпускников школы из села в города и далее в центральные вузы. В итоге во всех сибирских национальных автономиях, в том числе в Бурятии, остаются менее способные к учебе или не имеющие средств добраться до столичных городов, а также представители аборигенного населения, которые боятся московских скинхедов. Вполне понятно, что уехавшие из регионов студенты вряд ли вернутся домой [Тулохонов, 2017. С. 13]. Так, по данным мониторинга качества приема в вузы, проводимого НИУ ВШЭ, Республика Бурятия относится к регионам-аутсайдерам – 70-е место из 79⁹. В 2018 г. средний балл ЕГЭ абитуриентов на бюджетной основе составил 57,3, а на платном обучении – 56,7 баллов.

Помимо проблем с набором в республиканских вузах «утечка умов» может привести к негативным последствиям для развития региона с точки зрения кадрового обеспечения и формирования региональных элит, что в конечном итоге влечет невозможность реализации призыва главы государства о приоритетном развитии Сибири и Дальнего Востока.

---

⁷ Миграция [Эл. ресурс]. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 02.04.2019).

⁸ Аналитическая справка по образовательной миграции выпускников школ в 2018 году [Эл. ресурс]. URL: <http://egov-buryatia.ru/minobr/activities/napravleniya-deyatelnosti/vysshee-obrazovanie/statistika/> (дата обращения: 02.04.2019).

⁹ Мониторинг качества приема в вузы [Эл. ресурс]. URL: https://ege.hse.ru/stata_2018_all (дата обращения: 12.04.2019).

Сдвиги в структуре населения

Негативные структурные сдвиги заключаются, прежде всего, в ухудшении соотношения возрастных когорт. С 1990 г. значительно выросла численность населения старше трудоспособного возраста¹⁰ (+48,7%) за счет уменьшения числа молодежи¹¹ (-27%) и трудоспособных¹² (-6,7%). Соответственно до 35,7 лет увеличился средний возраст населения (см. табл. 1).

Распределение населения по возрастным группам, по состоянию на 2018 г. еще довольно благоприятно – нагрузка детьми превышает нагрузку пожилыми. Но в то же время доли трудоспособного населения и старше трудоспособного возраста не соответствуют оптимальным. Стабильное воспроизводство и достаточный удельный вес трудоспособного населения обеспечиваются при не менее 20% молодежи, около 65% взрослого трудоспособного населения и не более 15% пожилых, а в Бурятии мы имеем соотношение 25х55х20 (табл. 2).

Таблица 2. Демографическая нагрузка в Республике Бурятия, 1990–2018 гг.

Год	Доля населения в возрасте, %			Демографическая нагрузка на 1000 населения в трудоспособном возрасте		
	трудоспособном	моложе трудоспособного	старше трудоспособного	общая	детьми	пожилыми
1990	55,7	31,5	12,8	795	566	229
1995	56,6	29,0	14,4	765	512	253
2000	59,9	30,0	10,1	670	420	250
2005	63,9	21,2	14,9	565	332	233
2010	62,7	20,0	16,3	593	332	261
2015	58,0	23,3	18,7	724	402	322
2018	55,3	24,5	20,2	807	443	364

Источник. Рассчитано по: Численность населения по основным возрастным группам в разрезе муниципальных образований [Эл. ресурс]. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population (дата обращения: 06.05.2019).

Происходит старение населения, в результате чего ежегодно увеличивается нагрузка на взрослые трудоспособные когорты. Сегодня на 1000 человек трудоспособных приходится

¹⁰ Женщины 55 лет и старше, мужчины 60 лет и старше.

¹¹ Население до 15 лет включительно.

¹² Женщины 16–54 лет, мужчины 16–59 лет.

807 нетрудоспособных (см. табл. 2), что значительно превышает оптимальную нагрузку (около 500 иждивенцев на 1000). При невысокой производительности труда это ведет к низкому уровню душевых доходов. В перспективе это соотношение должно будет ухудшиться в связи с выходом на пенсию основного состава трудящихся и миграцией, но наступление этого сдвига было отсрочено решением о повышении пенсионного возраста, принятого Правительством РФ в 2018 г.

Соотношение женщин и мужчин влияет на жизненные сценарии граждан и их социализацию в ряде аспектов, наиболее явные из которых – невозможность создать семью для довольно значительной части представителей продуктивных возрастных групп, а также социально вынужденное замещение мужчин женщинами в исконно мужских профессиях.

Женщин в Бурятии больше, чем мужчин (1098 к 1000). При этом преобладание начинается с возрастной группы 35–39 лет, усиливается с возрастом и начиная с 70 лет достигает максимума – 2415 женщин на 1000 мужчин. Главная причина – значительно более ранняя и высокая мужская смертность. В пост-реформенный период рост смертности среди мужчин старшего возраста стал катастрофическим, что соответствует общероссийской тенденции, когда большая часть сильного пола не доживает до пенсии. Развал производства, вызвавший резкое снижение уровня жизни и массовую безработицу, способствовал росту смертности от отравления алкоголем, самоубийств, убийств и пр.

Качественные характеристики населения

Помимо негативных объемных и структурных факторов демографического развития, ухудшаются качественные характеристики населения республики (рост алкоголизма, наркомании и пр.), распространенность социально значимых болезней (ВИЧ, гепатит, туберкулез и т.д.), рост агрессивности в поведении. Так, эпидемиологическая ситуация по туберкулезу в республике продолжает оставаться напряженной. Несмотря на значительное снижение, показатель заболеваемости превышает среднероссийский на 17% и составляет 48,7 чел. на 100 тыс. чел. (в 1998 г. – 211,8 чел.)¹³.

---

¹³ Выявить и вылечить // Российская газета – Неделя – Восточная Сибирь № 287(7750) [Эл. ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/12/21/reg-sibfo/v-buriatii-kolichestvo-bolnyh-tuberkulezom-za-10-let-sokratilos-v-piat-raz.html> (дата обращения: 18.04.2019).

Положительной тенденции удалось добиться в результате комплексного подхода в рамках республиканской целевой программы по борьбе с туберкулезом, федеральной программы, нацпроекта «Здоровье», включающего рост материально-технической базы, решение кадровых проблем, профилактику и превентивную терапию, широкую просветительскую работу с населением.

Кроме того, на протяжении последних десятилетий республика относится к числу самых неблагополучных регионов РФ по суицидальной активности среди всего населения и, что особенно тревожно, по частоте суицидов среди подростков и молодежи. При этом если общее число самоубийств сокращается, то в случае с подростковыми суицидами такой динамики не наблюдается. Согласно последним данным, Бурятия занимает 3-е место по уровню самоубийств в РФ, который составляет 39,6 случаев на 100 тыс. чел¹⁴. Это в три раза выше, чем в среднем по стране и в два раза – критической отметки Всемирной организации здравоохранения, которая свидетельствует о тяжелом состоянии психического здоровья населения.

Резюмируя исследования бурятских ученых о причинах, провоцирующих суицидальную активность в республике, можно выделить рост стрессовых ситуаций в результате снижения качества и уровня жизни (сложности с трудоустройством, хроническое безденежье и пр.), развития тяжелых депрессий на фоне низкой адаптивности к меняющимся социальным реалиям, тяжелых климатических условий, плохого питания (преобладание простых углеводов, провоцирующих йододефицит) [Цыремпилов и др., 2015]. Проблема детского и молодежного суицида весьма специфична и нуждается в систематическом анализе и принятии соответствующих мер. Здесь особо важную роль играет профилактика суицидального поведения подростков. По мнению уполномоченного по правам ребенка в Бурятии Т. Вежевич, основной причиной суицидов среди молодежи является доминирование чувства безысходности и беспомощности¹⁵.

---

¹⁴ Смертность населения от внешних причин смерти по субъектам Российской Федерации за 2017 год [Эл. ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_106/Main.htm (дата обращения: 15.04.2019).

¹⁵ Ученые в Бурятии занялись проблемой детских суицидов [Эл. ресурс]. URL: <https://ulan.mk.ru/social/2019/02/15/uchenyev-buryatii-zanyalis-probleмой-detskikh-suicidov.html> (дата обращения: 18.04.2019).

Сказываются и этнические особенности. Согласно исследованиям Б.С. Положего и др. [Положий, 2010], для бурятского народа характерно преобладание низкой эмоциональности, низкой стрессоустойчивости и низкой динамической адаптации на фоне высокого уровня тревожности. Не в его традициях обращение за психологической медицинской помощью, поскольку буряты предпочитают держать все в себе. Чтобы снять возникающий стресс, люди здесь чаще прибегают к алкоголю как наиболее доступному способу, помогающему на время убежать от трудностей. И это верный шаг к алкоголизму.

Согласно национальному рейтингу трезвости субъектов РФ¹⁶, составляемому в рамках федерального проекта «Трезвая Россия», несмотря на снижение подушевого потребления алкоголя, Бурятия три последних года продолжает оставаться одним из самых сложных в этом отношении регионов¹⁷. В 2018 г. республика заняла 75-е место из 85 (41,89 баллов)¹⁸, что резко отличает ее даже от ближайших соседей. Например, Иркутская область находится на 64-м (39,35), а Забайкальский край – на 61-м месте (39,14). По мнению главного психиатра-нарколога Минздрава Бурятии А. Михеева, хронический алкоголизм в Бурятии остается на прежнем уровне, в отличие от РФ, распространенность как алкоголизма в целом, так и алкогольных психозов в республике не идет на убыль¹⁹.

Это, кроме прочего, свидетельствует о недостаточной эффективности антиалкогольной политики региональных властей. Очевидно, здесь необходим комплексный подход в рамках специальной программы, включающей широкую профилактическую работу с населением, использование опыта наиболее трезвых

---

¹⁶ Рейтинг рассчитывается на основе 6 критериев: число умерших от алкоголя и состоящих на учете больных алкоголизмом, количество совершенных в состоянии опьянения преступлений и число правонарушений, связанных с незаконным производством и оборотом спиртного, объем проданного алкоголя и анализ регионального законодательства в этой сфере (количество часов запрета продажи алкоголя в сутки и количество дней в году, когда продажа алкогольной продукции под запретом).

¹⁷ Рейтинг трезвости регионов – 2018 [Эл. ресурс]. URL: <http://www.trezvos.ru/calendar/702> (дата обращения: 03.04.2019).

¹⁸ 2015 г. – 55-е место, 2016 г. – 79-е место, 2017 г. – 83-е место.

¹⁹ Бальжиева В. В Бурятии пьют больше водки и «одобряют» открытие рюмочных [Эл. ресурс]. URL: <https://www.infpol.ru/107996-v-buryatii-pyut-bolshe-vodki-i-odobryayut-otkrytie-ryumochnykh/> (дата обращения: 03.04.2019).

регионов. Так, в Республике Саха-Якутии, в 140 поселениях действует полный запрет на реализацию алкоголя²⁰ (у Бурятии, кстати, тоже есть положительный опыт такого запрета для сельских поселений). Эксперты федерального проекта «Трезвая Россия» готовы оказывать информационное, аналитическое, юридическое сопровождение антиалкогольных региональных инициатив²¹. Определенные надежды на положительные сдвиги есть в связи с взятием данного вопроса главой республики под личный контроль.

Из проблемы алкоголизации населения республики вытекает и другая, не менее злободневная – уровень преступности, по которому Бурятия сегодня занимает 2-е место (на 1000 чел.) среди субъектов РФ и 4-е – по количеству тяжких и особо тяжких преступлений. По словам генерала-майора ФСБ А. Михайлова, Бурятии свойственна критически высокая молодежная преступность²² [Безопасность в России, 2019]. Большинство преступлений совершается против собственности. Так сказываются снижение уровня жизни и безработица.

Свою отрицательную роль играют информационные технологии и СМИ, продвигающие пропаганду «красивой» жизни, свободных отношений, подрывающие роль института семьи. Остро встает проблема общей деградации общества.

Динамика трудовых ресурсов

Естественная депопуляция и отток населения негативно влияют на качество и количество трудовых ресурсов в республике, что снижает возможности для развития производств, особенно – трудоемких. В данном аспекте наибольший интерес представляет структура экономически активного населения, состоящего из занятых в экономике и безработных. Устойчивая тенденция роста доли занятых, достигшая своего пика в начале 1990-х гг., прекратилась в связи с разразившимся социально-экономическим кризисом и начавшимся оттоком трудоспособного населения.

---

²⁰ В Бурятии пьют больше водки и «одобряют» открытие рюмочных [Эл. ресурс]. URL: <https://www.infpol.ru/107996-v-buryatii-pyut-bolshe-vodki-i-odobryayut-otkrytie-ryumochnykh/> (дата обращения: 18.04.2019).

²¹ Рейтинг трезвости регионов – 2018 [Эл. ресурс]. URL: <http://www.trezvros.ru/calendar/702> (дата обращения: 18.04.2019).

²² Безопасность в России [Эл. ресурс]. URL: <https://newizv.ru/article/tilda/18-02-2019/novye-izvestiya-sostavili-reyting-bezopasnosti-regionov> (дата обращения: 03.03.2019).

До 1998 г. наблюдалось монотонное снижение численности рабочей силы и занятых в экономике. К 2010 г. процесс замедлился, а затем сокращение продолжилось вновь (табл. 3).

Таблица 3. Трудовые ресурсы Республики Бурятия в 1992–2018 гг., тыс. чел. (среднегодовая численность)

Показатель	1992	2000	2010	2018*	Прирост, 1992–2010, %	Прирост, 2010–2018, %
Экономически активное население (15–72 года)	508,1	486,4	476,1	454,5	-6,30	-4,54
Занятые в экономике	478,9	395,5	426,8	412,3	-10,88	-3,40
Безработные	29,2	92,3	49,3	42,2	68,84	-14,40
Уровень безработицы, %	5,7	19,0	10,4	9,3	82,46	-10,58
Официально зарегистрированные безработные (на конец года)	1,7	7,8	8,8	5,5	417,65	-37,50
Уровень официальной безработицы (на конец года), %	0,3	1,6	1,8	1,2	500,00	-33,33

Источник табл. 3–4. Рассчитано по: Республика Бурятия – 95 лет: юбилейный сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. Улан-Удэ, 2018. С. 75–78.

* По предварительным данным Бурятстата.

В 2018 г. численность рабочей силы составила 454,5 тыс. чел., при этом уровень общей безработицы – 9,3% – в течение ряда лет заметно превышает средний по СФО (7,3%), РФ (5,2%) и ДФО (5,6%)²³, в состав которого республика вошла в 2018 г.

После 2000 г. сельское хозяйство, а также добыча полезных ископаемых, рыболовство и образование по совокупной численности занятых перестали входить в группу базовых отраслей региона (табл. 4). Принятие в 1999 г. федерального закона «Об охране озера Байкал» и введение особого режима природопользования наложили ограничения на масштабы и направления развития всего хозяйственного комплекса республики, и особенно тех отраслей, которые непосредственно связаны с использованием природных ресурсов – минерально-сырьевого комплекса, рыбного, охотничье-промыслового, сельского хозяйств, лесной промышленности и пр.

²³ Основные показатели рынка труда по субъектам Российской Федерации в 2017 г. [Эл. ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_13/Main.htm (дата обращения: 20.02.2019).

Таблица 4. Структура занятости населения Республики Бурятия в 2000 г., 2016 г., тыс. чел.

Вид экономической деятельности	2000	2016	Прирост, %
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	38,9	75,0	92,8
Обрабатывающие производства	44,4	42,5	-4,3
Образование	49,0	35,0	-28,6
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	83,9	33,0	-60,6
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	23,4	32,8	40,4
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	28,4	31,6	11,2
Строительство	16,4	29,3	78,8
Транспорт и связь	34,8	28,5	-18,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	17,8	28,2	58,2
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	20,1	15,4	-23,4
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	15,0	14,8	-1,1
Гостиницы и рестораны	5,1	11,1	117,3
Добыча полезных ископаемых	12,5	7,0	-44,3
Финансовая деятельность	4,6	5,9	28,2
Рыболовство, рыбоводство	1,1	0,9	-22,6
Всего	395,4	391,2	-1,1

Утрата аграрной специализации обусловлена также процессами моноурбанизации и концентрации населения в крупных населенных пунктах. В последние годы почти весь прирост населения региона поглощался столицей и близлежащими районами. Хотя следует отметить, что демографический потенциал села не обеспечивал потребности аграрного сектора в трудовых ресурсах вследствие низкого престижа сельского, особенно сельскохозяйственного труда, присущих ему высоких рисков, а также значительного отставания развития социальной сферы и инфраструктуры села. В настоящее время 57% населения республики проживает в столице и прилегающих к ней районах. Более того, по прогнозу до 2036 г. ожидаются дальнейшее сокращение численности сельского населения (-2,2%) и интенсивный рост городского (+13,4%)²⁴.

²⁴ Предположительная численность населения по полу и возрасту на начало года, человек [Эл. ресурс]. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population (дата обращения: 03.03.2019).

На региональном рынке труда складывается напряженная ситуация, когда при высокой потребности в работниках, с одной стороны, предложение труда не отвечает требованиям работодателей, а с другой – вакансии не соответствуют запросам соискателей по уровню оплаты и условиям работы. Сегодня наиболее востребованны квалифицированные рабочие и служащие, что стало следствием значительного сокращения численности кадров, подготовленных системой начального профессионального образования (с 1990 г. – в семь раз), ее реструктуризацией и переводом на республиканский бюджет. По данным республиканского агентства занятости, для квалифицированных рабочих и служащих предназначено более половины (51,2%) вакансий, для специалистов среднего звена – 8,2%, а для практически четверти вакансий вообще не требуется профессиональное образование. Лишь в 17% случаев работодателям необходимы специалисты с высшим образованием²⁵.

Однако среди выпускников региональной системы образования квалифицированные рабочие составляют всего 16,8%, специалисты среднего звена – 35,4%, в то время как практически половина имеет вузовский диплом (47,8%), с преобладанием экономистов (29,1%) и гуманитариев (13,8%)²⁶.

Рынок образовательных услуг характеризуется снижением качества выпускников вузов, необходимостью в переподготовке [подробнее см.: Бюраева, 2015, 2018б, в]. Согласно расчетам экспертов [Ионцев, Магомедова 2015], показатели индекса развития интеллектуального потенциала ухудшаются в большинстве регионов РФ. Происходит деинтеллектуализация человеческого капитала, когда при росте специалистов с высшим образованием число квалифицированных специалистов, в которых нуждается экономика, сокращается.

Опыт Южной Кореи

В определенной степени ситуация в республике аналогична проблемам, которые некогда сложились в развитии Южной Кореи и других так называемых «новых индустриальных странах», не обладающих значительными природными ресурсами. Бурятия,

²⁵ Республиканское агентство занятости [Эл. ресурс]. URL: <http://egov-buryatia.ru/azan/> (дата обращения: 11.12.2018).

²⁶ Рассчитано по: Республике Бурятия – 95 лет: юб. сб. Улан-Удэ, 2018. С. 141–142.

хотя и имеет богатые ресурсы, не может ими воспользоваться сполна ввиду экологических ограничений.

Опыт этих стран свидетельствует об исключительной роли государства в формировании благоприятного делового климата и стимулировании роста производственной активности предприятий. Так, в Южной Корее главными направлениями стратегии экономического развития были инвестиции в инфраструктуру и предоставление режима государственной поддержки примерно 30 крупным частным компаниям (чеболям) как локомотивам технологического развития страны на основе стратегического пятилетнего планирования. Доступ к государственным ресурсам предоставлялся в обмен на соответствие экономического результата стратегическим целям. Вместе с тем максимально полно были использованы преимущества геополитической обстановки, связанной с созданием альтернативы коммунистическим режимам в Азии, в результате чего был привлечен большой объем иностранных инвестиций [Агабеков, Левина, 2017].

Сегодня Южная Корея испытывает проблемы, аналогичные российским – рост разницы уровня доходов между столицей и регионами, стремление молодежи мигрировать из регионов в центр страны. В ответ на это правительство страны сделало ставку на сбалансированное пространственное развитие, мобилизацию роста в периферийных регионах и политику децентрализации. В настоящее время региональное развитие фокусируется на повышении региональной конкурентоспособности, «зеленых» технологиях и развитии экономики знаний [Атанов и др., 2014]. Так, в начале 2019 г. принят десятилетний план развития провинций, главной задачей которого является повышение уровня благосостояния и качества жизни периферийных регионов. К реализации запланированы 23 крупных проекта по строительству различных объектов инфраструктуры с целью создания новых рабочих мест и оживления экономики регионов. Общий объем финансирования – 21,5 млрд долл.²⁷ Проблемы безработицы решаются, в том числе за счет развития малого предпринимательства. Так, более 85% южнокорейских фирм имеют в штате

---

²⁷ Южная Корея решила потратить 21 млрд долларов на развитие регионов [Эл. ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/01/29/iuzhnaia-koreia-reshila-potratit-21-mlrd-dollarov-na-razvitie-regionov.html> (дата обращения: 24.04.2019).

пять и менее сотрудников. Кроме того, самозанятые составляют около 30% всех занятых [Агабеков, Левина, 2017].

Согласно исследованиям бурятских ученых, некоторые особенности корейского опыта могут быть адаптированы в отечественной методологии и практике: мобилизация роста в регионах посредством программ кросс-регионального сотрудничества и создания управленческих структур для поддержки инициатив «снизу»; выборочные инвестиции в конкурентоспособные отрасли и регионы для повышения региональной конкурентоспособности и территориального развития; создание новых двигателей роста НИОКР в области чистой энергетики и зеленых технологий; региональное развитие на основе специализации, децентрализации, местной автономии и инноваций [Атанов и др., 2014].

Заключение

Убыль населения из-за снижения рождаемости, высокой смертности в трудоспособных возрастах и миграционного оттока является следствием радикальных экономических преобразований 1990-х гг. Сегодня республика Бурятия относится к группе регионов с низкой рождаемостью и средним уровнем смертности. Ситуация осложняется старением населения, дисперсным характером расселения. Перспективные прогнозы показывают, что если не начать принимать меры, то республику ожидает сокращение численности. Проблемы ее экономического развития придется решать за счет трудовых мигрантов из соседних стран. Кроме того, обезлюдение приграничного региона, которым является Бурятия, представляет угрозу национальной безопасности страны.

Негативные демографические тенденции обусловлены, в первую очередь, отсутствием комфортных условий для экономической деятельности и проживания населения. Чтобы переломить эту ситуацию, необходимы кардинальные изменения экономической, социальной, демографической политики на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, которая должна быть направлена на развитие жизненного и трудового потенциала населения, его социальную поддержку. В том числе, по нашему мнению, следовало бы рассмотреть возможность снижения для жителей региона возрастной шкалы выхода на пенсию, уменьшение регулятивного давления государства (сокращение количества

регулятивных процедур для бизнеса при улучшении их качества) с целью активизации малого предпринимательства.

При этом дальнейший рост экономики, ограниченной особым режимом хозяйственной деятельности (большая часть территории республики входит в Байкальскую природную территорию), видится в развитии принципов «зеленой экономики» и видов экономической деятельности, не связанных с экологическими ограничениями и способствующих сохранению и развитию человеческого капитала. К ним можно отнести акваэкономику, здравоохранение, рекреацию, образование, в том числе экологическое, и др. Нашими коллегами в качестве решения данной проблемы предлагается получение республикой статуса пилотного региона по апробации новых механизмов создания и развития современных несырьевых производств на основе принятия отдельных федеральных документов [Дондоков, 2018].

В этом отношении определенные сдвиги есть в связи с переходом Бурятии в Дальневосточный федеральный округ и распространением механизмов поддержки и преференций, действующих на Дальнем Востоке. На данный момент республика стала участником ряда федеральных приоритетных проектов: Современная образовательная среда, Развитие санитарной авиации, Безопасные и качественные дороги, Формирование комфортной городской среды. Большие надежды связываются с реализацией плана социального развития центров экономического роста Бурятии («единая дальневосточная» субсидия). В него включены 73 мероприятия на 6 млрд руб. в сфере здравоохранения, образования, культуры, спорта, социальной защиты, ЖКХ и транспорта²⁸.

Литература

Агабеков С. И., Левина Е. А. Корпорации и экономический рост. Опыт Южной Кореи // ЭКО. 2017. № 3. С. 134–146.

Атанов Н. И., Мункодугарова А. Б., Семёнов Ф. В. Стратегические подходы Японии и Республики Корея к развитию регионов: уроки, полезные для России // Вестник БГУ. Серия «Экономика и право». 2014. № 2. С. 70–76.

Бюраева Ю. Г. Динамика демографического развития Республики Бурятия в разрезе муниципальных районов с 1990 по 2016 гг. // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального

---

²⁸ Бурятия может получить еще порядка 300 млн рублей в рамках «единой» дальневосточной субсидии [Эл. ресурс]. http://egov-buryatia.ru/press_center/news/detail.php?ID=36422 (дата обращения: 24.04.2019).

развития: сб. науч. ст. по итогам всерос. науч.-практ. семинара. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 98–116.

Бюраева Ю.Г. Дисбаланс спроса и предложения рабочей силы на региональном рынке труда (на примере Республики Бурятия) // ЭКО. 2015. № 5. С. 120–127.

Бюраева Ю.Г. Институциональные изменения системы высшего образования в Республике Бурятия // ЭКО. 2018а. № 10. С. 65–76.

Бюраева Ю.Г. Проблемы формирования и использования человеческого капитала в Республике Бурятия // Анализ и прогнозирование развития экономики Республики Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018б. [С. 50–60].

Дондоков З.Б.-Д. О стратегии-2035 и инструментах социально-экономического развития Республики Бурятия // Вестник БНЦ СО РАН. 2018. № 3. С. 105–112.

Ионцев В.А., Магомедова А.Г. Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и ее регионах // Экономика региона. 2015. № 3. С. 89–102.

Каримова Д.М., Цхай Л.А. Демографические аспекты социально-экономического развития Узбекистана // Демоскоп weekly. 2014. № 583–584 [Эл. ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0583/analit04.php> (дата обращения: 01.03. 2019).

Мингалева Ж.А., Игошев М.В. Формирование современного демографического потенциала как основа структурной модернизации экономики // Российское предпринимательство. 2011. Том 12. № 2. С. 24–30.

Положий Б.С. Суицидальная ситуация в Сибирском федеральном округе и пути ее улучшения // Актуальные вопросы суицидологии: проблемы и пути их решения в Республике Бурятия: мат-лы науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Пресс, 2010. С. 8–12.

Суицид у монгольских народов: сравнительный и ценностный аспекты, экономический ущерб, фармакотерапия / С.В. Цыремпилов [и др.] // Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика: мат-лы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. С. 214–221.

Тулохонов А.К. Записки провинциального сенатора. Улан-Удэ: ИД «ЭКОС», 2017. 96 с.

Для цитирования: *Бюраева Ю.Г.* Какая связь между демографическим потенциалом и экономическим развитием Республики Бурятия? // ЭКО. 2019. № 6. С. 124–144. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2019-6-124-144

Статья поступила 11.03.2019.

Summary

Byuraeva, Yu.G., Doctor of Sociological Sciences, Department of Regional Economic Studies of the Buryat Science Center, SB RAS, Ulan-Ude

What is the Relationship between the Demographic Potential and the Economic Development in the Republic of Buryatia?

Abstract. The possibility of economic modernization and socio-economic development of the Russian Federation and its regions including the Republic of

Buryatia greatly depends on shaping its demographic potential, which is going through some negative changes. The article analyzes quantitative, structural and qualitative factors of the demographic development in the republic in the period from 1990 to 2018. The main predictive characteristics of the population – birth-rate, mortality rate, natural and migratory increase (decrease) are considered. The declining natural increase against the background of the migration exodus, ageing processes, dispersed nature and insufficient turnover of the population point to persistent problems in the demography. The author concludes that socio-economic development is impossible without immediately resolving the demographic problem. However, it is absolutely necessary to apply an integrated approach in managing demographic and migration processes.

Keywords: *demography potential; Republic of Buryatia; human resources; labour; crisis; migration; demography politics*

References

- Agabekov, S.I., Levina, E.A. (2017). Corporations and Economic Growth in South Korea. *ECO*. No. 3. Pp. 134–146. (In Russ.). Doi: 10.30680/ECO0131–7652–2017–3–134–146
- Atanov, N.I., Munkodugarova, A.B., Semyonov, Ph.V. (2014). Strategic approaches of Japan and the Republic of Korea to the development of regions: lessons useful for Russia. *Vestnik BGU. Seriya «E'konomika i pravo». BSU bulletin. Economics and management*. No. 2. Pp. 70–76. (In Russ.).
- Byuraeva, Yu.G. (2018). Dynamics of the demographic development of the Republic of Buryatia in the context of municipal districts from 1990 to 2016. *Sbornik statej po itogam vserossiiskogo nauchno-prakticheskogo seminaru Respubliki na vostoke Rossii: traektorii ehkonomicheskogo, demograficheskogo i territorial'nogo razvitiya*. Proc. Rus. Sem. Republics in Eastern Russia: trajectories of economic, demographic and territorial development. Ulan-Ude. Pp. 98–116. (In Russ.).
- Byuraeva, Yu.G. (2015). The imbalance of demand and supply of labour in the regional labour market (on the example of the Republic of Buryatia). *ECO*. No. 5. Pp. 120–127. (In Russ.).
- Byuraeva, Yu.G. (2018a). The institutional changes in the system of the higher education in the Republic of Buryatia. *ECO*. No. 10. Pp. 65–76. (In Russ.). Doi: 10.30680/ECO0131–7652–2018–10–65–76
- Byuraeva, Yu.G. (2018b). Problems of formation and use of human capital in the Republic of Buryatia. In: *Analiz i prognozirovanie razvitiya e'konomiki Respubliki Buryatiya*. Ulan-Ude. Pp. 50–60. (In Russ.).
- Dondokov, Z.B.-D. (2018). The Strategy-2035 and instruments of social and economic development of the Republic of Buryatia. *Vestnik BNTS SO RAN. Bulletin oh the Buryat Scientific Center of SB RAS*. No 3. Pp. 105–112. (In Russ.). Doi: 10.31554/2222–9175–2018–31–105–112
- Ioncev, V.A., Magomedova, A.G. (2015). Demographic aspects of human capital development in Russia and its regions. *E'konomika regiona. Economy of Region*. No. 3. Pp. 89–102. (In Russ.).
- Karimova, D.M., Tskhaj, L.A. (2014). Demographic aspects of social and economic development of Uzbekistan. *Demoskop weekly*. No. 583–584. (In Russ.).

Available at: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0583/analit04.php> (accessed 01.03. 2019).

Mingaleva, Zh.A., Igoshev, M.V. (2011). Formation of the modern demographic potential as the basis for the structural economic modernization. *Rossijskoe predprinimatel'stvo. Russian Entrepreneurship*. V. 12. No. 2. Pp. 24–30. (In Russ.).

Polozhij, B.S. (2010). Suicidal situation in the Siberian Federal District and ways to improve it. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii Aktual'ny'e voprosy` suicidologii: problemy` i puti ix resheniya v Respublike Buryatiya*. Proc. Rus. Conf. Actual issues of suicidology: problems and their solutions in the Republic of Buryatia. Ulan-Ude. Pp. 8–12. (In Russ.).

Cyrepilov, S.V. and others (2015). Suicide among Mongolian peoples: comparative and value aspects, economic damage, pharmacotherapy. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Evrazijskaya paradigma Rossii: cennosti, idei, praktika*. Proc. Int. Conf. The Eurasian paradigm of Russia: values, ideas, practice. Ulan-Ude. Pp. 214–221. (In Russ.).

Tulokhonov, A.K. (2017). *Notes of the provincial senator*. Ulan-Ude, EKOS Publishing House. 96 p. (In Russ.).

For citation: Byuraeva, Yu.G. (2019). What is the Relationship between the Demographic Potential and the Economic Development in the Republic of Buryatia? *ECO*. No. 6. Pp. 124-144. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-6-124-144

Система дошкольного образования в Сибири: современное состояние и проблемы развития¹

А.Л. СИНИЦА, кандидат экономических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва. E-mail: sinitsa@econ.msu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния системы дошкольных образовательных организаций и уровня жизни педагогических работников (на примере покупательной способности их заработной платы) в Сибирском федеральном округе. Актуальность тематики обусловлена необходимостью вовлечения в трудовую деятельность женщин с детьми дошкольного возраста и повышения качества человеческого капитала в условиях дефицита рабочей силы. В ходе исследования было выявлено, что число дошкольных организаций, во многом зависящее от уровня экономического развития региона и политической воли руководства, с течением времени сокращается. Охват детей дошкольным образованием зависит от доли сельского населения и постепенно растет. Уровень жизни педагогов дошкольного образования низкий и продолжает снижаться, а зависит он в первую очередь от уровня экономического развития региона.

Ключевые слова: дошкольные организации; дошкольное образование; педагогический работник; заработная плата; Сибирский федеральный округ; экономика образования; уровень жизни

Введение

Перспективы социально-экономического развития России в значительной степени определяются сокращением численности населения в трудоспособном возрасте, что ведет к дефициту трудовых ресурсов. Это означает, что одной из важнейших задач становится формирование новой трудосберегающей экономики, в которой одним из важнейших факторов производства являются знания, позволяющие повысить эффективность использования экономических, географических и других факторов.

Достижению этой цели во многом способствует система дошкольного образования, которая вместе с системой общего образования дает основной массив знаний, умений и навыков,

---

¹ Работа подготовлена в рамках гранта РФФИ № 19-010-00867 «Система образования в регионах Крайнего Севера: текущее состояние, проблемы и перспективы развития и модернизации».

закрепляемых и расширяемых на последующих образовательных уровнях. Кроме того, она помогает матерям с детьми в дошкольном возрасте иметь оплачиваемую занятость вне дома.

Ключевые условия создания такой системы является наличие качественной инфраструктуры в требуемом объеме, подготовленного персонала, получающего достойную оплату за свой труд, и образовательных программ, отражающих потребности общества. Последний пункт находится вне нашей компетенции, поэтому затронем только первые два.

Наиболее серьезные проблемы системы дошкольного образования связаны с продолжающимся сокращением числа образовательных организаций и низким уровнем оплаты труда в них. Первый фактор влияет главным образом на доступность соответствующих услуг для населения, и оба отражаются на качестве этих услуг. Проблемы, порождаемые недоинвестированием в дошкольное образование, описаны в том числе и в зарубежной литературе [Chetty et al., 2010; Heckman, 2006]. В самом общем виде – снижение качества первого уровня образования неизбежно отражается на качестве и эффективности всех последующих ступеней, что негативно влияет на темпы социально-экономического развития и уровень жизни населения. В то же время доказано положительное воздействие развитой системы дошкольного образования на уровень женской занятости и рождаемость [Иванова, 2010; Мосакова, 2012; Adserà, 2004; Ahn, Mira, 2002]. Для регионов Сибирского федерального округа (СФО) эти проблемы накладываются на существенную неоднородность по социально-экономическим показателям и условиям проживания, высокую долю сельского населения в ряде регионов и очаговое расселение, значительные расстояния, сложные природно-климатические условия.

Предмет исследования

Целью работы является рассмотрение показателей развития системы дошкольного образования и оплаты труда педагогических работников в СФО. Нас интересует период действия Указа Президента № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» (Указ № 597)², закрепившего

---

² Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

повышение заработной платы педагогов до среднерегionalного уровня. Смог ли указ реально повлиять на ситуацию? Насколько он значим именно для СФО? Положение педагогов за время его действия улучшилось или негативный тренд не был преодолен? Изучение динамики заработка мы совместили с анализом более широкого круга показателей, характеризующих развитие системы дошкольного образования, чтобы выявить более широкий спектр проблем накопления человеческого капитала в регионах СФО. Сибирский округ мы рассматриваем в старых границах, которые существовали до принятия Указа Президента РФ от 03.11.2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849».

Выбор для изучения Сибирского федерального округа обусловлен несколькими причинами. Во-первых, здесь представлен широкий спектр регионов от экономически диверсифицированной Новосибирской области с высоким уровнем жизни и развитой системой образования до депрессивных республик Тыва и Алтай с преимущественно сельскохозяйственной ориентацией экономики, низким уровнем жизни населения при высокой рождаемости и слабо развитой системой образования. Во-вторых, обладая развитой промышленностью, СФО играет значительную роль в экономике страны, поэтому вопросам подготовки будущей рабочей силы в нем должно уделяться повышенное внимание.

Метод исследования

Низкий уровень финансирования системы образования приводит к тому, что «рост количества мест в детских дошкольных учреждениях катастрофически отстает от роста числа детей» [Смирнова, 2018]. Более того, введение с 1 января 2014 г. двухуровневой системы финансирования дошкольного образования привело к ухудшению ситуации с детскими садами во многих регионах, поскольку реформа не учитывала различия в уровне их социально-экономического развития [Хохлова, Ружникова, 2014].

Научные публикации, посвященные вопросам развития сети дошкольных образовательных организаций (далее – ДОО) в СФО, как правило, делают основной упор на оценке доступности этих услуг в отдельных регионах или их группах [Ойдуп, Ададимова, 2010; Филипов и др., 2016а; Ярославцева, 2018]. В частности,

отмечается, что охват детей сетью ДОО в Сибири увеличивается, но альтернативные формы предоставления услуг не находятся в фокусе внимания органов власти. Лишь некоторые исследователи охватывают более широкий круг вопросов [Казарина, Шабалина, 2015; Марков, 2012; Сачкова, 2011; Филипов и др., 2016b].

В данной работе автор исследует динамику таких показателей, как охват детей дошкольным образованием (поскольку он косвенно воздействует на женскую занятость, рождаемость и дальнейший жизненный путь детей и тем самым оказывает влияние на перспективы социально-экономического развития регионов), численность педагогических работников, а также размер и покупательную способность их заработной платы.

Необходимость доведения минимальных ставок оплаты труда в системе образования до среднего по экономике уровня отмечалась еще в ст. 54 закона РФ от 10.07.1992 г. № 3266–1 «Об образовании», но финансовых ресурсов для этого выделялось недостаточно, и благая цель так и не была достигнута. Указ № 597 представляет собой вторую попытку ее достижения, поэтому в отношении заработной платы педагогов мы рассматриваем период после 2013 г.

Экономически слабые регионы в этом смысле более уязвимы. Организация предоставления дошкольного образования финансируется преимущественно из региональных и местных бюджетов, поэтому уровень экономического развития и экономическая специализация региона оказывают заметное влияние на показатели, которые характеризуют развитие системы дошкольного образования. Другие факторы (доля сельского населения, наличие крупных организаций, доля занятых женщин, отношение к неработающим женщинам и другие) тоже чрезвычайно важны. Тем не менее основной упор мы делаем именно на показатели экономического развития, поскольку они дают правильное представление о регионе в целом и его перспективах.

Для оценки уровня экономического развития регионов используется синтетическая классификация, представленная в работе Голяшева и Григорьева [Голяшев, Григорьев, 2014. С. 37]. В ней выделены высокоразвитые, развитые, среднеразвитые и менее развитые регионы, а также приведена их экономическая специализация.

Подавляющее большинство ДОО находится в муниципальной собственности (хотя существуют детские сады регионального и даже федерального подчинения, но их гораздо меньше, и ситуация в них на общую картину не влияет), поэтому все показатели заработной платы педагогов рассматриваются преимущественно для муниципальных ДОО. Для обеспечения сопоставимости данных за 2013–2014 гг. с данными за 2015–2017 гг. используется заработная плата по полному кругу организаций, хотя новая методология расчета средней заработной платы является более корректной³.

Динамика основных показателей сети ДОО

За годы реформ российская система дошкольного образования лишилась 56,4% всех организаций (в СФО – 54,5%) (табл. 1). Основные потери пришлось на 1990-е гг., но и в 2000–2010-х годах закрылись почти 13,0 тыс. ДОО по стране и 1,1 тыс. в Сибири. Между тем число детей дошкольного возраста с 2000 г. значительно увеличилось [Синица, 2018], соответственно выросла и очередь на получение места в детском саду. Прогноз развития системы ДОО не позволяет надеяться на скорое решение этой проблемы, поскольку темпы ввода новых дошкольных организаций слишком низки [Синица, 2017]. В результате же большое количество матерей с детьми-дошкольниками испытывают сложности с трудоустройством, уровень жизни семей с такими детьми остается низким.

Наибольшее снижение числа ДОО (77,9%) было отмечено в Республике Алтай, наименьшее (23,1%) – в Республике Тыва. В обоих уровень рождаемости заметно выше среднероссийского, при этом в первом регионе доля сельского населения

---

³ Согласно Постановлению Правительства РФ от 14.09.2015 г. № 973 «О совершенствовании статистического учета...» с 2015 г. В качестве средней заработной платы выступает зарплата наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц (среднемесячный доход от трудовой деятельности)». Ранее этот показатель исчислялся путем деления суммы фонда оплаты труда работников списочного состава и внешних совместителей, ФОТ работников, заключивших гражданско-правовые договоры, и других работников несписочного состава на среднесписочную численность работников (без внешних совместителей и лиц, выполнявших работы по договорам) и на количество месяцев в периоде. В расчет включались сведения, предоставленные организациями всех видов деятельности и форм собственности. В результате нововведений размер средней заработной платы снизился.

значительно превышает 50%, однако, на наш взгляд, различия в большей степени связаны со структурой экономики. В Республике Алтай основу составляют животноводство и туризм. В Тыве доля аграрного сектора тоже высока, но существует и значительное число предприятий, ориентированных на добычу полезных ископаемых, для работников которых необходимо наличие детских садов, поскольку воспитывать детей дома им сложно. В пользу такого предположения говорит то, что следом за Тывой идут регионы с ориентацией на добычу и обработку полезных ископаемых: Кемеровская область, Республика Хакасия и Красноярский край, в которых за 27 лет закрылось 45,5%, 47,9% и 49,2% ДОО соответственно.

В 2014 г. дошкольное образование, а также услуги по уходу и присмотру за детьми в дошкольном возрасте получили право оказывать и другие организации, в первую очередь, школы. С их помощью удалось немного компенсировать потерю мест в ДОО (если учитывать все организации, осуществляющие дошкольное образование, уход и присмотр, то по сравнению с 1990 г. по стране в целом сокращение количества составило 43,9%, а в Сибирском округе – 36,3%). От этого выиграли все регионы, но особенно, в которых содержат малокомплектные детские сады в сельской местности невыгодно экономически, например, Республика Алтай (табл. 1). Для основной части регионов, в которых детские сады сохранились в большем объеме, такая мера была значительно менее заметной.

Таблица 1. Число ДОО и охват детей дошкольным образованием в России и регионах Сибирского ФО в 1990, 2000, 2013–2017 гг.

Регион	1990	2000	2013	2014	2015	2016	2017
<i>Число ДОО</i>							
Российская Федерация	87944	51329	43187	41322/ 50979	39533/ 50115	38362/ 49370	н.д.
Сибирский ФО	13599	7305	6713	6566/ 8799	6337/ 8717	6183/ 8663	н.д.
Республика Алтай	199	116	39	40/147	42/151	44/163	н.д.
Республика Бурятия	794	409	413	389/484	377/486	379/589	н.д.
Республика Тыва	264	217	220	216/263	207/244	203/207	н.д.
Республика Хакасия	332	167	171	171/290	175/293	173/281	н.д.
Алтайский край	1831	874	875	883/1426	817/1343	749/1264	н.д.
Забайкальский край	1019	544	489	492/580	469/619	466/638	н.д.

Окончание табл. 1

Регион	1990	2000	2013	2014	2015	2016	2017
Красноярский край	1968	1100	998	989/1108	987/1131	999/1149	н.д.
Иркутская область	1798	1022	957	916/1019	915/1020	885/998	н.д.
Кемеровская область	1696	1022	995	982/1103	949/1075	925/1044	н.д.
Новосибирская область	1638	837	707	705/1027	670/1024	662/1040	н.д.
Омская область	1413	703	632	574/918	528/897	497/873	н.д.
Томская область	647	297	217	209/434	201/434	201/417	н.д.
<i>Охват детей дошкольным образованием, %</i>							
Российская Федерация	66,4	55,5	63,0	64,6	66,2	66,5	66,5
Сибирский ФО	62,6	47,6	58,9	60,9	63,5	64,2	64,8
Республика Алтай	48,8	33,6	44,4	47,8	53,0	57,0	58,5
Республика Бурятия	65,1	36,5	54,1	56,7	58,6	61,0	61,3
Республика Тыва	54,3	46,1	38,6	42,5	46,6	48,1	57,3
Республика Хакасия	73,5	46,8	60,4	68,8	69,6	69,8	70,7
Алтайский край	63,4	44,9	57,3	58,9	60,5	61,9	62,3
Забайкальский край	54,7	39,3	56,4	58,3	57,5	57,1	57,3
Красноярский край	65,0	54,1	57,3	59,0	61,6	63,4	64,1
Иркутская область	66,2	54,7	60,6	64,0	68,9	68,4	68,4
Кемеровская область	59,5	51,2	65,2	67,0	68,2	68,9	70,2
Новосибирская область	62,1	46,0	61,3	61,8	64,9	65,2	63,6
Омская область	63,8	40,1	58,2	59,3	63,9	63,5	64,0
Томская область	60,7	54,9	64,0	64,5	66,5	67,9	68,4

Источник: данные Росстата. Охват детей дошкольным образованием. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43553>. Приложение «Образование» по субъектам РФ к сборнику «Социальное положение и уровень жизни населения России. 2014». URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_44/IssWWW.exe/Stg/17-10.xls. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Стат. сборник. М.: Росстат, 2017. С. 344–345. Образование в России. 2003. Стат. сборник. М.: Госкомстат России, 2003. С. 74–75, 206–207.

Примечания: н.д. – данные за этот год отсутствуют; в ячейках с двумя числами ДОО первое означает число самих ДОО, второе – всех организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми.

По охвату детей дошкольным образованием ситуация в СФО хуже, чем по стране в целом. Как правило, в экономически развитых регионах с высокой долей городского населения охват выше, чем в аграрных экономиках. В СФО нет высокоурбанизированных регионов, таких, например, как Мурманская область или Республика Коми, в которых охват превышает 80%, но при этом много субъектов с высокой долей сельского населения, где спрос на услуги ДОО ниже из-за меньшей потребности в институционализированном уходе и присмотре за ребенком.

В 1990–2000 гг. детские сады массово закрывались, а матерям с маленькими детьми было особенно трудно найти работу, поэтому многие из них ухаживали за детьми самостоятельно. С улучшением экономической ситуации после 2000 г. у женщин стало больше возможностей для получения оплачиваемой занятости вне дома, поэтому спрос на услуги детских садов, а следовательно, и охват детей дошкольным образованием возрос. В 2017 г. по сравнению с 1990 г. этот показатель в Сибири в целом вырос на 3,5% против 0,2% по стране. Он сократился лишь в Бурятии (на 5,8%), Хакасии (на 3,8%), Алтайском (на 1,7%) и Красноярском (на 1,4%) краях. Однако есть основания предполагать, что достижение дореформенных показателей в этих регионах произойдет уже в ближайшем будущем. Наибольший прирост охвата был в Кемеровской области (на 18,0%) и Республике Алтай (на 19,9%).

Динамика численности педагогических работников

За 2014–2017 гг. численность педагогов дошкольного образования, которые работают в ДОО, выросла в целом по стране на 6,8%, а в Сибирском ФО – на 5,5%, а если рассмотреть педагогов всех организаций, оказывающих услуги по присмотру и уходу, то прирост составит 5,2% и 5,7% соответственно (табл. 2). Это связано с увеличением числа мест в системе дошкольного образования⁴: не имея возможности строить новые детские сады, муниципальные власти наращивали загрузку имеющихся. Также определенный вклад вносит то, что часть педагогов работают не в ДОО.

Число педагогов в 2017 г. по сравнению с 2014 г. сократилось лишь в Кемеровской области и в Алтайском крае. Снижение более чем на 0,5% относительно 2016 г., на наш взгляд, было связано в четырех регионах (Кемеровской области, Республике Тыва, Алтайском и Забайкальском краях) с какими-то структурными трансформациями системы ДОО, а в Иркутской, Новосибирской областях и Республике Алтай – с фрикционной или институциональной безработицей.

---

⁴ Число мест в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/51563>.

Таблица 2. Численность педагогических работников в ДОО в России и регионах Сибирского ФО и их педагогическая нагрузка в 2014–2017 гг., чел.

Регион	2014	2015	2016	2017
Российская Федерация	630266 (10,8)	642834 (11,1)	656193 (11,2)	662739 (11,3)
Сибирский ФО	94336 (10,2)	96312 (10,6)	99068 (10,5)	99703 (10,6)
Республика Алтай	1144 (10,4)	1257 (10,5)	1392 (10,3)	1387 (10,5)
Республика Бурятия	3635 (14,5)	3680 (15,0)	3915 (15,1)	3931 (15,1)
Республика Тыва	2236 (8,7)	2411 (8,9)	2456 (8,8)	2392 (10,7)
Республика Хакасия	3025 (10,9)	3100 (11,0)	3203 (10,7)	3251 (9,6)
Алтайский край	9899 (10,7)	10083 (10,9)	10099 (11,1)	9845 (11,4)
Забайкальский край	4800 (11,7)	4757 (11,9)	4914 (11,5)	4898 (11,4)
Красноярский край	14789 (9,0)	15371 (9,3)	16221 (9,2)	16699 (9,2)
Иркутская область	12467 (10,9)	12709 (11,6)	12966 (11,4)	12927 (11,5)
Кемеровская область	15485 (9,3)	14990 (9,8)	15094 (9,7)	15320 (9,6)
Новосибирская область	13396 (9,4)	13884 (9,9)	14369 (9,8)	14282 (10,0)
Омская область	7391 (12,5)	7700 (13,3)	7883 (13,2)	7885 (13,4)
Томская область	6069 (8,7)	6370 (8,7)	6596 (8,7)	6916 (8,4)

Источник: данные Росстата. Численность воспитанников в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/51552>. Численность педагогических работников в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/51561>.

Примечания: в ячейках с двумя числами первое означает число педагогических работников, осуществляющих присмотр и уход за детьми, а второе – детей, приходящихся на одного педагога.

Если мы рассмотрим СФО в целом, то увидим, что на динамику численности педагогов оказывают влияние показатели развития сети ДОО и число рождений, а также экономическое развитие регионов.

Согласно Распоряжению Правительства РФ от 30 апреля 2014 г. № 722-р об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки», с 2014 г. по 2017 г. планировалось увеличить число детей в расчете на одного педагогического работника с 11,2 до 11,7. Средний уровень по стране был ниже данных значений примерно на 0,5 ребенка. В СФО высока доля сельского населения, поэтому число детей, приходящихся на одного педагогического работника, было еще ниже и за рассматриваемый период изменялось слабо. В регионах с высокой долей добывающей промышленности число

детей, приходящихся на одного педагога, ниже. Сделать выводы в отношении прочих регионов сложно.

Уровень жизни педагогических работников дошкольного образования

Заработная плата в системе дошкольного образования никогда не была высока. Указ Президента РФ № 597 должен был поднять ее до средних значений по экономике, но этого не произошло. Кроме того, в указе речь идет только о педагогах, но их работа невозможна без труда вспомогательного персонала, который оплачивается еще хуже. Причем, несмотря на актуальность этой проблемы для обеспечения качественного образования, присмотра и ухода за детьми в ДОО, она практически не освещается в литературе, а органы власти обращают на нее мало внимания.

За 2013–2017 гг. заработная плата педагогов дошкольного образования в Сибирском округе росла медленнее, чем по стране в целом (126,3% против 127,0%), но и в динамике средней по экономике зарплаты Сибирь отстает от России, причем гораздо сильнее, чем по оплате труда в системе ДОО (128,3 и 131,1% соответственно). Наибольший прирост был зафиксирован в аграрных Тыве (147,8%) и Алтайском крае (155,1%), где зарплата педагогов изначально была очень низкой. Наибольший разрыв от средней зарплаты по экономике демонстрируют промышленно развитые Кемеровская, Омская и Томская области (соответственно, 13,8, 8,2 и 8,5 п.п.).

В целом за рассматриваемый период ни один из регионов Сибири (как и округ, и страна в целом) не смог выполнить целевой норматив по доведению оплаты труда педагогов дошкольного образования до среднего по экономике уровня. Больше того, отношение их заработной платы к средней по экономике за эти годы во многих регионах и СФО в целом даже ухудшилось (табл. 3).

Еще более печальную картину дает распределение регионов по покупательной способности заработной платы педагогов ДОО (табл. 4). Данный показатель тоже снизился как по стране в целом, так и в большинстве регионов Сибири. Он вырос только в Республике Тыва (на 21,4%) и Алтайском крае (на 10,0%) и если Тыва стала регионом со средним уровнем покупательной

способности в СФО, то в Алтайском крае – одним из наиболее низких по стране в целом. Наибольшее снижение покупательной способности зарплат педагогов отмечено в промышленно развитых Кемеровской и Омской областях (на 14,2% и 18,0% соответственно).

Таблица 3. Отношение заработной платы педагогов в ДОО к средней по экономике заработной плате в 2013–2017 годах в стране в целом и в регионах Сибирского ФО, %

Регион	2013	2014	2015	2016	2017
Российская Федерация	74,3	76,9	76,2	72,6	71,8
Сибирский ФО	78,4	84,8	84,1	79,7	77,3
Республика Алтай	80,1	85,1	85,1	78,0	79,1
Республика Бурятия	88,8	90,9	95,4	93,4	88,0
Республика Тыва	66,0	70,5	70,3	65,4	79,5
Республика Хакасия	79,4	87,5	87,4	80,5	76,2
Алтайский край	62,1	79,6	75,3	69,7	76,3
Забайкальский край	65,8	68,1	69,6	64,1	65,2
Красноярский край	79,5	83,1	84,8	79,4	75,8
Иркутская область	74,0	84,9	83,8	78,1	75,5
Кемеровская область	90,9	93,4	91,3	87,1	81,2
Новосибирская область	76,5	88,1	87,9	85,2	79,9
Омская область	78,1	80,7	77,1	75,9	72,8
Томская область	83,1	85,3	82,8	78,8	77,7

Источник: расчеты автора на основе данных Росстата. Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника по полному кругу организаций. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/sr-zarplata/t4.xlsx.

Отметим, что средне- и наименее развитые регионы с большой долей сельского населения демонстрируют лучшую динамику заработной платы педагогов ДОО по сравнению с экономически развитыми и более урбанизированными субъектами Федерации. Это отличает Сибирский ФО от страны в целом, где в большинстве случаев уровень экономического развития оказывает положительное влияние на уровень жизни педагогов. Вероятно, такое положение можно объяснить изначально более низкой заработной платой в системе ДОО и низким средним уровнем жизни.

Таблица 4. Покупательная способность заработной платы педагогов в муниципальных ДОО в 2013–2017 гг. в стране в целом и в регионах Сибирского ФО

Регион	2013	2014	2015	2016	2017
Российская Федерация	2,81	2,88	2,48	2,51	2,55
Сибирский ФО	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Республика Алтай	2,30	2,34	1,98	1,97	2,03
Республика Бурятия	3,00	3,00	2,73	2,81	2,78
Республика Тыва	2,01	2,21	1,96	1,89	2,44
Республика Хакасия	2,76	3,04	2,76	2,71	2,67
Алтайский край	1,60	1,95	1,61	1,56	1,76
Забайкальский край	2,34	2,29	2,01	1,91	2,03
Красноярский край	2,88	2,98	2,68	2,62	2,58
Иркутская область	2,84	3,01	2,60	2,60	2,67
Кемеровская область	3,17	3,16	2,76	2,77	2,72
Новосибирская область	2,41	2,59	2,22	2,32	2,31
Омская область	2,84	2,78	2,31	2,34	2,33
Томская область	3,01	3,00	2,53	2,52	2,63

Источник: расчеты автора на основе данных Росстата. Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/. Величина прожиточного минимума. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30957>.

Определенную роль играют вахтовики, которые, получая заработную плату в одном регионе, тратят ее в другом, но при этом влияют на среднюю заработную плату в регионе своего трудоустройства. Аналогичное замечание можно сделать и в отношении крупных компаний, в основном связанных с добычей полезных ископаемых, деятельность которых тоже влияет на размер средней заработной платы, но главные налоги (в первую очередь налог на добычу полезных ископаемых) платятся в федеральный, а не местный бюджет. Это тоже влияет на положение педагогических работников в ДОО.

Социально-экономические итоги развития системы дошкольного образования

Наблюдаемые тенденции являются противоречивыми. При росте количества детей число ДОО сокращается, но охват дошкольным образованием растет, а нагрузка на педагогов меняется незначительно. Проблема с наличием мест в ДОО остается, но в большей степени она касается детей в возрасте от полутора

до трех лет. В половине регионов покупательная способность заработной платы педагога дошкольного образования ниже среднего по России уровня (в трех – значительно ниже).

Низкий уровень охвата детей дошкольным образованием несет как минимум два отрицательных экономических последствия. Наиболее важным из них является невозможность для значительного числа матерей с детьми в дошкольном возрасте (особенно с детьми до трех лет) найти оплачиваемую работу вне дома, поскольку на это время им не с кем оставить детей. Некоторые семьи выходят из положения с помощью бабушек-пенсионерок, но их число также сократится ввиду повышения пенсионного возраста. Кроме того, по мнению автора, это снижает темпы накопления социального капитала в будущем, так как родители не всегда могут заменить педагогов ДОО и дать все необходимые знания и навыки.

В свою очередь низкий уровень оплаты труда в системе ДОО, во-первых, приводит к сокращению объема внутреннего потребления в экономике, во-вторых, затрудняет привлечение новых сотрудников в эту важную для общества деятельность. Это имеет социальные последствия, наиболее важным из которых является падение престижа педагогической профессии, что снижает влияние системы образования на население. В то же время неспособность органов власти разрешить проблемы дефицита мест в детских садах ведет к росту социальной напряженности, снижению доверия к властям. Немаловажно и то, что часть детей (особенно из малодетных семей) не получает навыки социализации в рамках ДОО.

Есть и демографические последствия. Как уже указывалось, в современном обществе уход за детьми в дошкольном возрасте оказывает заметное влияние на репродуктивное поведение населения, поэтому низкая доступность дошкольного образования снижает уровень рождаемости в стране. Низкое развитие сети ДОО снижает миграционную привлекательность региона, что затрудняет привлечение дополнительной рабочей силы. Возможно, доступность ДОО в России является менее заметным фактором внутренней миграции, но в зарубежных странах (например, в Швеции или Норвегии) эта причина может быть достаточно веской для переезда на новое место жительства [Dahlberg et al., 2012; Rindfuss et al., 2007].

Заключение и выводы для политики в сфере развития дошкольного образования

Предоставление дошкольного образования находится в ведении муниципальных органов самоуправления, но концепция развития образования и объем финансирования – это прерогатива региональной (государственной) власти. В связи с этим для решения существующих проблем в системе ДОО необходимо участие всех уровней власти.

Мы установили, что уровень экономического развития региона оказывает заметное влияние на положение педагогов дошкольного образования: чем оно выше, тем выше и зарплаты работников, и их покупательная способность. Что касается показателей, характеризующих развитие системы дошкольного образования, мы можем предполагать, что на них в большей степени влияют степень урбанизации, политическая воля и уровень рождаемости, поскольку именно они определяют объем спроса на услуги ДОО, хотя показатели экономического развития тоже оказывают определенное влияние.

Мы не можем утверждать, что органы власти не обращают внимание на вопросы развития системы дошкольного образования (например, подписан Указ Президента РФ № 597), но эффективность реализуемых мер не всегда высокая. Кроме того, они позволяют решить далеко не все проблемы.

Кардинально повлиять на ситуацию могло бы строительство новых ДОО и реорганизация их сети, адаптированная под волнообразное изменение численности детей в дошкольном возрасте. В идеале структура сети ДОО должна быть такой, чтобы включение и изъятие из нее организаций могло бы осуществляться достаточно быстро, не приводя к социальной напряженности. Для этого можно было бы выделить в системе ДОО переменный фонд организаций, который входил бы в нее лишь в случае необходимости [Долгов, Сычева, 2013]. Кроме того, значительно снизить нагрузку на муниципальную сеть ДОО могут альтернативные формы ухода и присмотра за детьми: частные и семейные детские сады, институт сертифицированных нянь и т.д. В Сибирском ФО опыт развития таких форм имеется, например, в г. Томске⁵. В регионах

---

⁵ Постановление администрации г. Томска от 02.02.2011 г. № 78 «О реализации мер социальной поддержки отдельным категориям граждан».

Сибирского ФО есть и опыт выплат пособий родителям, чьи дети не посещают детские сады из-за отсутствия в них мест⁶. Однако приоритетной мерой в условиях низкого уровня жизни населения страны должно являться развитие государственной системы ДОО.

Развитие института сертифицированных нянь, на наш взгляд, также может быть одной из мер, которая при небольших финансовых затратах способна оказать заметный положительный эффект (пример существования такого института за рубежом см. в [Саралиева, Соловьева, 2008]). В качестве нянь могли бы выступать как профессиональные педагоги, так и лица, прошедшие специальные курсы. Также на муниципальном уровне необходимо создать базу данных лиц, которые хотели бы стать няней.

Такая няня должна осуществлять уход и присмотр за детьми у себя дома в течение определенного количества часов в неделю⁷. Муниципалитет должен следить за ее профессиональной пригодностью (контролировать наличие образования, организовывать курсы для желающих получить необходимые навыки и курсы повышения квалификации) и состоянием здоровья. Также в сферу его ответственности должен входить контроль за соблюдением обеими сторонами договора. Размер и форма оплаты труда нянь должна устанавливаться на местах с учетом особенностей муниципальных образований.

Введение этой меры должно благоприятно повлиять на занятость матерей с детьми в дошкольном возрасте, поскольку она позволит обеспечить более гибкий подход ко времени пребывания ребенка в системе ухода за детьми по сравнению с использованием традиционных детских садов и при этом родители будут уверены в качестве получаемого ухода. Дети будут воспитываться в условиях семьи, психоэмоциональный климат которой заменить в учреждениях возможно далеко не всегда. Лица, воспитывающие детей дома, получают дополнительную

---

⁶ В п. 14 ст. 2.3 подпрограммы 2 «Развитие дошкольного, общего и дополнительного образования» (приложение 6 к программе Красноярского края «Развитие образования», утвержденной Постановлением от 30.09.2013 г. № 508-п) для детей в возрасте от полутора до трех лет, проживающих в семьях со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума и не посещающих ДОО по причине отсутствия в них мест, установлена индексированная ежемесячная денежная выплата в размере 4109 руб.

⁷ При определении обязанностей за основу можно взять, например, профессиональный стандарт няни (работника по присмотру и уходу за детьми, который утвержден Приказом Минтруда России от 05.12.2018 г. № 769н «Об утверждении профессионального стандарта «Няня (работник по присмотру и уходу за детьми)»).

возможность официального заработка, который будет включен в трудовой стаж, и пенсионных отчислений.

В части обеспечения выполнения Указа Президента РФ № 597 следует обратить внимание, что повышать до среднего уровня по экономике нужно не совокупный размер доходов педагогов, а оклад, как основную его часть. Иначе их уровень жизни будет продолжать снижаться, что мы могли наблюдать на протяжении 2013–2017 гг.

Литература

Голяшев А. В., Григорьев Л. М. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2014. 48 с.

Долгов А. В., Сычева Е. Б. Методика проектирования и расчета сети дошкольных организаций в условиях демографической нестабильности // Академический вестник УралНИИПроект РААСН. 2013. № 4. С. 60–64.

Иванова Е. И. Рождаемость в современной России: ожидаемый подъем или конъюнктурный сдвиг // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Т. 8. М.: ИНП РАН, 2010. С. 610–626.

Казарина Л. А., Шабалина Е. И. Доступность дошкольного образования как фактор активизации ресурсного потенциала региона // Baikal Research journal. 2015. Т. 6. № 2. С. 26. Doi: 10.17150/2072–0904.2015.6(2).26. URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=20038> (дата обращения: 06.11.2018).

Марков С. Н. Оценка эффективности бюджетных расходов на дошкольное образование в Омской области // Сибирская финансовая школа. 2012. № 2 (91). С. 162–167.

Мосакова Е. А. Динамика занятости женщин и рождаемости в современных развитых странах мира // Вестник Воронежского государственного университета. Серия экономика и управление. 2012. № 2. С. 36–44.

Ойдуп Т. М., Ададимова Л. Ю. Проблемы и перспективы развития инфраструктуры сферы образования Сибирского федерального округа // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 39 (174). С. 52–58.

Саралиева Э. Х., Соловьева С. В. Альтернативные формы поддержки успешной семьи: проект «дневные мамы» // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 14–23.

Сачкова Е. А. Проблемы развития дошкольных учреждений // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2011. № 4. С. 45. URL: <http://brj-bguer.ru/classes/pdfDL.ashx?id=8214> (дата обращения: 06.11.2018).

Синица А. Л. Проблемы и перспективы развития системы дошкольных образовательных организаций в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 40. С. 206–221. Doi: 10.17223/19988648/40/17

Синица А. Л. Численность детей в дошкольном возрасте в России в 1990–2050 годах // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 6. С. 1173–1188. Doi: 10.24891/re.16.6.1173

Смирнова Е. С. Анализ доступности дошкольного образования в Российской Федерации (на примере Сибирского Федерального округа) // Развитие территорий. 2018. № 1 (11). С. 58–67.

Филипов Д. В., Черенкова Т. Н., Шевцова Е. В. Анализ региональной системы образования на примере Республики Алтай // Развитие территорий. 2016а. № 1 (4). С. 48–56.

Филипов Д. В., Черенкова Т. Н., Шевцова Е. В. Сравнительная и интегральная оценка систем дошкольного образования // Экономика образования. 2016б. № 4 (95). С. 120–147.

Хохлова И. С., Ружникова А. С. Оценка влияния перераспределения полномочий по обеспечению дошкольного образования на региональные и местные бюджеты в Сибирском федеральном округе // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 6 (98). С. 15–24.

Ярославцева Н. В. Прогнозирование развития системы образовательных услуг в регионах Западной Сибири // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 288–291.

Chetty R., Friedman J. N., Hilger N., et al. How does your kindergarten classroom affect your earnings? Evidence from project STAR. NBER Working Paper 16381, September 2010. Available at: <http://www.nber.org/papers/w16381>.

Heckman J. Skill formation and the economics of investing in disadvantaged children // Science. 2006. Vol. 312. № 5782. P. 1900–1902. Doi: 10.1126/science.1128898

Dahlberg M., Eklöf M., Fredriksson P., et al. Estimating preferences for local public services // Urban Studies. 2012. Vol. 49. № 2. P. 319–336. Doi: 10.1177/0042098011400769

Rindfuss R. R., Guilkey D., Morgan P. S., et al. Child care availability and first-birth timing in Norway // Demography. 2007. Vol. 44. № 2. P. 345–372. Doi: 10.1353/dem.2007.0017

Adserà A. Changing Fertility Rates in Developed Countries. The Impact of Labor Market Institutions // Journal of Population Economics. 2004. Vol. 17. № 1. P. 17–43. Doi: 10.1007/s00148-003-0166-x

Ahn N., Mira P. A note on the changing relationship between fertility and female employment rates in developed countries // Journal of Population Economics. 2002. Vol. 15. № 4. P. 667–682. Doi: 10.1007/s001480100078

Статья поступила 07.11.2018.

Для цитирования: *Синица А. Л.* Система дошкольного образования в Сибири: современное состояние и проблемы развития // ЭКО. 2019. № 6. С. 145–163. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2019-6-145-163

Summary

Sinitsa, A. L., Candidate of Sciences (Economics), Lomonosov Moscow State University, Moscow

Preschool Education System in Siberia: Performance Indicators and Living Standards of Educators

Abstract. The article is devoted to the development of the preschool education system and to the standard of living of pedagogical employees (as measured by the purchasing power of their salary). The problem is quite relevant for Russia, since being short of labor resources, the system needs additional female labor force. It is also true that the standard of living of pedagogical employees affects the quality of education. The Siberian Federal District was chosen because it plays an important role in the country's economy, and the time period under research allows studying the latest trends in the development of the education system. The number of preschool institutions has been decreasing and depends mostly on the political will, while coverage of children by preschool education has been growing and depends on the birth rate and labor demand. This leads to an increased group size in kindergartens, which is negatively perceived by parents. The living standard of teachers is low and continues to decline, although in the Siberian Federal District it is higher than the national average.

Keywords: *preschool institutions; pedagogical employees; salary; Siberian Federal District; economy of education; standard of living*

References

Adserà, A. (2004). Changing fertility rates in developed countries. The impact of labor market institutions. *Journal of population economics*. Vol. 17. No. 1. Pp. 17–43.

Ahn, N., Mira, P. (2002). A note on the changing relationship between fertility and female employment rates in developed countries. *Journal of Population Economics*. Vol. 15. No. 4. Pp. 667–682.

Chetty, R., Friedman, J.N., Hilger, N., et al. (2010). How does your kindergarten classroom affect your earnings? Evidence from project STAR. *NBER Working Paper 16381*. Available at: <http://www.nber.org/papers/w16381>.

Dahlberg, M., Eklöf, M., Fredriksson, P., et al. (2012). Estimating preferences for local public services. *Urban Studies*, Vol. 49. No. 2. Pp. 319–336.

Dolgov, A.V., Sycheva, E.B. (2013). Methods of engineering and designing of the preschool organizations network under the demographic instability. *Akademicheskij vestnik UralNIIProekt RAASN. Akademicheskij vestnik UralNIIProekt RAASN*. No. 4. Pp. 60–64. (In Russ.).

Filipov, D.V., Cherenkova, T.N., Shevtsova, E.V. (2016a). Comprehensive and integrated assessment preschool education system. *Ekonomika obrazovaniya. Economics of Education*. No. 4 (95). Pp. 120–147. (In Russ.).

Filipov, D.V., Cherenkova, T.N., Shevtsova, E.V. (2016b). Analysis of region education system on the example of the Altai Republic. *Razvitie territorii*. No. 1 (4). Pp. 48–56. (In Russ.).

Golyashev, A.V., Grigor'ev, L.M. (2014). *Types of Russian regions: stability and shifts in 2003–2013*. Moscow, Analiticheskii tsentr pri Privitel'stve Rossiiskoi Federatsii. 48 p. (In Russ.).

Heckman, J. (2006). Skill formation and the economics of investing in disadvantaged children. *Science*. Vol. 312. No. 5782. Pp. 1900–1902. Doi: 10.1126/science.1128898

Ivanova, E.I. (2010). Fertility in the Contemporary Russia: Expected increase, or structural shift? *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN*. Vol. 8. Moscow, INP RAN. Pp. 610–626. (In Russ.).

Kazarina, L.A., Shabalina, E.I. (2015). Availability of pre-school education as an activation factor for regional resource potential. *Baikal Research journal. Baikal Research Journal*. Vol. 6. No. 2. Pp. 26. Doi: 10.17150/2072–0904.2015.6(2).26. Available at: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=20038> (accessed 06.11.2018). (In Russ.).

Khokhlova, I.S., Ruzhnikova, A.S. (2014). Evaluating the impact of redistribution of pre-school education funding authority to regional and local budgets in the Siberian federal district. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii. Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*. No. 6 (98). Pp. 15–24. (In Russ.).

Markov, S.N. (2012). Estimation of efficiency of budget expenditures for preschool education in Omsk region. *Sibirskaya finansovaya shkola. Siberian financial school*. No. 2 (91). Pp. 162–167. (In Russ.).

Mosakova, E.A. (2012). Dynamics of fertility of women in modern developed countries. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya ekonomika i upravlenie. Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and management*. No. 2. Pp. 36–44. (In Russ.)

Oidup, T.M., Adadimova, L. Yu. (2010). Problems and prospects of development of the educational infrastructure of the Siberian Federal District. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. Regional economy: theory and practice*. No. 39 (174). Pp. 52–58. (In Russ.).

Rindfuss, R.R., Guilkey, D., Morgan, P.S., et al. (2007). Child care availability and first-birth timing in Norway. *Demography*. Vol. 44. No. 2. Pp. 345–372.

Sachkova, E.A. (2011). Problems of development of infant schools. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii. Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*. No. 4. P. 45. Available at: <http://brj-bgupep.ru/classes/pdfDL.ashx?id=8214> (accessed 06.11.2018). (In Russ.).

Saraliev, E.H., Solov'eva, S.V. (2008). Alternative forms of the successful family support: the “day mothers” project. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve. Woman in Russian Society*. No. 3. Pp. 14–23. (In Russ.).

Sinitsa, A.L. (2017). Problems and prospects of preschool institutions system development in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. Tomsk State University Journal of Economics*. No. 40. Pp. 206–221. Doi: 10.17223/19988648/40/17 (In Russ.).

Sinitsa, A.L. (2018). Number of preschool children in Russia in 1990–2050. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. Regional Economy: Theory and Practice*. Vol. 16. No. 6. Pp. 1173–1188. Doi: 10.24891/re.16.6.1173 (In Russ.).

Smirnova, E.S. (2018). Analysis of availability of pre-school education in Russian Federation (by the case of Siberian federal district). *Razvitie territorii*. No. 1 (11). Pp. 58–67. (In Russ.).

Yaroslavtseva, N.V. (2018). Forecasting the development of the system of educational services in the regions of Western Siberia. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. World of Science, Culture and Education*. No. 4 (71). Pp. 288–291. (In Russ.).

For citation: Sinitsa, A.L. (2019). Preschool Education System in Siberia: Performance Indicators and Living Standards of Educators. *ECO*. No. 6. Pp. 145–163. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-6-145-163

Дискуссия

На стыке различных отраслей/секторов народного хозяйства возникают самые сложные и неоднозначные проблемы взаимодействия, регулирования, согласования различных интересов. Их исследование представляется несомненно актуальным, но и несет с собой известные риски. Есть опасность, что без глубокого погружения в проблематику и специфику каждого из взаимодействующих секторов, выводы могут оказаться нерелевантными. В полной мере это относится к сегодняшней теме дискуссионного клуба – «энергетические» моногорода.

Авторы статьи «Совершенствование территориальной электро-энергетической политики в моногородах России», которая получила положительный отзыв рецензента, специализирующегося на муниципальной проблематике, недостаточно глубоко погрузились в тему сложного и порой противоречивого регулирования энергетической отрасли (к сожалению, в редакции слишком поздно поняли, что необходимо привлечь еще одного эксперта – по энергетическому профилю). Автор второго материала – «Моногорода и энергетика – а если серьезно?!» – не пытался соединить «коня и трепетную лань». Его небольшая заметка представляет собой лишь развернутую рецензию технического специалиста и опытного практика в сфере электроэнергетики на содержащиеся в первой статье послысы и предлагаемые выводы.

Читателям будет безынтересно изучить аргументы обоих оппонентов. В конце концов, слишком многие управленческие решения в нашей стране принимаются без достаточного понимания специфики «регулируемого объекта», а потому их реализация часто приводит к неожиданным, если не сказать плачевным, результатам.

Совершенствование территориальной электроэнергетической политики в моногородах России¹

А.А. ГИБАДУЛЛИН, кандидат экономических наук, Государственный университет управления, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», Московский открытый институт. E-mail: 11117899@mail.ru,

В.Н. ПУЛЯЕВА, кандидат экономических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ. E-mail: vnpulyaeva@fa.ru,

Е.Н. ХАРИТОНОВА, доктор экономических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ. E-mail: e.n.kharitonova@mail.ru,

Н.А. ХАРИТОНОВА, доктор экономических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва. E-mail: kharitonovana1951@gmail.com

Аннотация. Одной из особенностей России является наличие значительного количества моногородов, многие из которых оказались чрезвычайно уязвимы

¹ См. также статью "Моногорода и энергетика – а если серьезно?!", (С.182-191 этого же номера), опонирующую данному материалу.

в ситуации непрерывных экономических реформ и кризисов. Ухудшение социально-экономической ситуации, уровня жизни населения в монопрофильных населенных пунктах неизменно привлекает внимание общественности, научного сообщества, руководства страны. На федеральном, региональном уровнях приняты и реализуются программы поддержки таких муниципальных образований. Как показал анализ существующей нормативно-правовой базы, регулирующей статус и дополнительное финансирование моногородов в РФ, и научных публикаций, посвященных их проблемам, вопросы развития электроэнергетической отрасли в этих населенных пунктах остаются вне внимания как законодателей, так и ученых. Это в полной мере относится даже к энергетическим моногородам, где генерирующие станции являются градообразующими организациями. Оценка состояния профильных энергокомпаний в таких городах выявила, что в сравнении со среднеотраслевыми показателями их отличает более высокая степень изношенности основных фондов и низкие финансовые результаты. Преодолеть это отставание без привлечения дополнительных инвестиций не представляется возможным. В качестве одного из вариантов решения этой проблемы авторы предлагают прибегнуть к перераспределению тарифа на электроэнергию в моногородах, увеличив в нем долю средств, приходящихся на генерацию. Предполагается, что указанный механизм должен реализовываться открыто и публично в условиях системы государственного и муниципального контроллинга. Это позволит сформировать дополнительный поток целевых денежных средств, который можно будет направить на модернизацию оборудования электростанций.

Ключевые слова: моногород; электроэнергетика; градообразующая организация; государственная поддержка; тариф

В настоящий момент на территории Российской Федерации насчитывается более 300 монопрофильных муниципальных образований, социально-экономическое положение которых полностью зависит от результатов хозяйственной деятельности градообразующих предприятий. Государственная программа поддержки моногородов направлена в первую очередь на диверсификацию их экономики и уход от «монопрофильности». Однако этого невозможно добиться без наличия соответствующей инфраструктуры, к которой относится в том числе электроэнергетическое хозяйство, обеспечивающее жизнедеятельность бизнеса и населения.

Таким образом, в связи с реализацией государственной программы поддержки моногородов России актуальным представляется изучение уровня развития электроэнергетики в указанных населенных пунктах.

Нормативно-правовая база

Для обоснованности принимаемых на государственном уровне решений по поддержке моногородов были утверждены

критерии отнесения муниципальных образований (МО) к монопрофильным², а именно:

- муниципальное образование имеет статус городского округа или поселения, за исключением тех, где находится законодательный (представительный) орган власти субъекта Федерации;
- численность населения МО превышает 3 тыс. человек;
- количество работников градообразующей организации (или нескольких организаций, осуществляющих один и тот же вид деятельности или работающих в рамках единого производственно-технологического процесса) достигает 20% среднесписочной численности всех организаций в данном МО;
- осуществление градообразующей организацией деятельности по добыче полезных ископаемых (кроме нефти и газа) и (или) производству и (или) переработке промышленной продукции.

В утвержденный перечень вошли 319 моногородов³, которые законодатель делит на три категории: 1) находящиеся в сложном социально-экономическом положении (в том числе из-за проблем у градообразующих организаций) – 94 города; 2) имеющие риски ухудшения положения – 154 и 3) со стабильной социально-экономической ситуацией – 71.

В комплекс государственных мер по реабилитации проблемных моногородов входят:

- 1) создание территорий опережающего развития (ТОР) в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций и диверсификации экономики⁴;
- 2) инвестиционная поддержка бизнес-проектов за счет регионального и местного бюджетов, а также Фонда развития моногородов, созданного в 2014 г.;
- 3) организация обучения управленцев (руководителей администрации, представителей инвесторов и бизнеса) за счет средств

---

² Постановление Правительства РФ от 29.07.2014 г. № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения».

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.07.2014 г. № 1398-р (ред. от 13.05.2016 г.) «Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)».

⁴ Так, придание статуса ТОР г. Селенгинск (Республика Бурятия) позволит создать около 2 тыс. постоянных рабочих мест, привлечь инвестиции в объёме более 10 млрд руб. [Эл. ресурс]. URL: <http://government.ru/govworks/468/events/> (дата обращения: 09.09.2018).

Фонда развития моногородов с целью формирования команд, готовых к реализации проектов развития моногородов⁵;

4) реконструкция объектов инфраструктуры и улучшение городской среды⁶.

С 2015 г. в федеральном бюджете выделяются целевые расходы на поддержку монопрофильных МО – в виде субсидий «Фонду развития моногородов» в рамках госпрограммы «Экономическое развитие и инновационная экономика»⁷. В 2017 г. на указанные цели была запланирована сумма в 6,5 млрд руб.,⁸ что составляет 0,04% от всех расходов бюджета и 3,8% расходов Минэкономразвития РФ. В 2018 г. объем финансирования программы был сокращен до 4,6 млрд руб.⁹

Моногорода и их электроэнергетика в научных исследованиях

С 2010 г. в России началось активное формирование институциональных основ управления экономикой монопрофильных МО. В конце 2014 г. был сформирован их реестр и принято решение о создании государственной системы мониторинга их состояния¹⁰. Тогда же вырос интерес ученых к данной проблематике. Если в 2000–2009 гг. количество научных публикаций по теме моногородов в базе РИНЦ¹¹ насчитывало всего шесть позиций, то в период с 2010 г. по сентябрь 2018 г. в ней было зарегистрировано 954 работы.

Анализ научной литературы позволяет выделить следующие проблемы моногородов:

---

⁵URL: <http://www.skolkovo.ru/public/ru/exed-news/item/4626-2017-06-28-mg/> (дата обращения: 15.09.2018).

⁶ Например, программа «Пять шагов благоустройства» [Эл. ресурс]. URL: <http://моногорода.рф/about> (дата обращения: 13.09.2018).

⁷Федеральный закон от 01.12.2014 г. № 384-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов».

⁸Федеральный закон от 19.12.2016 г. № 415-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов».

⁹Федеральный закон от 05.12.2017 № 362-ФЗ (ред. от 03.07.2018) «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов».

¹⁰Приказ Минэкономразвития России от 26.12.2014 г. № 854 «Об организации в Минэкономразвития России ведения комплексного мониторинга социально-экономического положения монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)».

¹¹ РИНЦ – Российский индекс научного цитирования [Эл. ресурс]. URL: www.elibrary.ru (дата обращения: 27.09.2018).

1) сложность определения стратегии развития моногородов и методологии управления ими в целях обеспечения устойчивости экономики регионов в целом [Ишимов, Капицын, 2011; Землянский, Ломанов, 2014];

2) специфичность взаимосвязи «моногород – градообразующая организация», обусловленная особенностями хозяйственной деятельности предприятия-донора [Матюгина, Ярушкина, 2015];

3) низкая инвестиционная привлекательность территории расположения моногородов, препятствующая диверсификации муниципальной экономики [Подгульников и др., 2016];

4) недостаточно эффективная деятельность градообразующих организаций, обуславливающая снижение уровня жизни и отток населения [Зубаревич, 2010];

5) нередко отсутствие заинтересованности собственников градообразующих организаций в развитии экономики моногородов, приоритет – повышению конкурентоспособности производства [Ряховская, Полякова, 2016];

6) дефицит квалифицированных кадров, особенно в небольших городах [Павлова, 2012; Ахмедова, 2012];

7) низкая предпринимательская активность населения [Харитонов и др., 2016];

8) недостаточно развитые институты корпоративной социальной ответственности градообразующих организаций [Ишимов, Капицын, 2011];

9) экологические проблемы, влияющие на жизнь и здоровье местного населения [Хайдаров, 2013].

Среди возможных способов и мер решения этих проблем научное сообщество предлагает в первую очередь экономическую диверсификацию, снижение уровня зависимости экономики города (региона) от градообразующих организаций, поддержку малого и среднего бизнеса [Иванова, 2015; Милькина, 2014; Петрина, 2017; Харитонов и др., 2016; Biryukov, 2016]. Одни авторы разрабатывают различные механизмы взаимодействия градообразующих организаций и органов местной власти [Подгульников и др., 2016], другие предлагают методики критериальной оценки инвестиционных проектов развития моногородов [Антонов и др., 2012], различных параметров их экономики и социальной сферы [Satybaldina, 2013; Sechina et al., 2016; Trifonov et al. 2017; Zamyatina, Pilyasov, 2016]. Однако вопросы

развития электроэнергетической отрасли в монопрофильных МО Российской Федерации до сих пор не попадали в сферу внимания исследователей.

Состояние электроэнергетической отрасли России, в том числе в моногородах

В период формирования электроэнергетической системы России, начиная с 1920-х гг., строительство генерирующих мощностей осуществлялось на основании принципа сокращения издержек, как производителей, так и крупнейших потребителей энергии. В результате наиболее энергоемкие производства (металлургия, машиностроение, химическая промышленность и т.д.) либо строились вблизи мощных ГЭС, либо обзаводились собственными ТЭС, которые также обеспечивали тепловой энергией промышленных потребителей и население. Многие из этих крупных предприятий впоследствии стали градообразующими.

После распада СССР тяжелая экономическая ситуация, в которой оказались бывшие советские индустриальные гиганты, особенно – на удаленных территориях, привели к тому, что их социальная инфраструктура и обеспечивающие производства, к которым относятся и ТЭС, финансировались по остаточному принципу. В результате большинство бывших «ведомственных» электростанций, сетевых организаций до сих пор эксплуатируют оборудование, поставленное в момент строительства.

В стране в целом значительная часть энергетического оборудования уже давно выработала нормативный ресурс (рис. 1), что, безусловно, увеличивает вероятность возникновения техногенных катастроф, приводит к существенным экономическим потерям из-за возрастания затрат на ремонты [Gibadullin et al., 2018; Gibadullin et al., 2019]. В моногородах плачевное состояние энергетической инфраструктуры становится дополнительным сдерживающим фактором в процессе диверсификации экономики, удорожая любое производство, снижая инвестиционную привлекательность территории.

Кроме того, в шести населенных пунктах, получивших статус моногорода, сами энергетические предприятия являются градообразующими. В пяти из них работают теплоэлектростанции, в одном – атомная станция (табл. 1). Большинство этих объектов строились в середине XX века (1950–1960 гг.). Только в двух

из шести городов до распада СССР была другая доминирующая экономическая деятельность: в Красавино – легкая промышленность (льнокомбинат), в Гусиноозерске – угледобыча. Но когда они пришли в упадок, энергетические предприятия вынужденно «подхватили» экономическое развитие поселений и окружающей территории. Так, Красавинская ТЭЦ поддерживает стабильное энергоснабжение потребителей г. Красавино Вологодской области, благодаря ей потери энергии при передаче в сетях снижены более чем на 14%¹².

Источник: Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации. URL: <https://minenergo.gov.ru>

Рис. 1. Доля оборудования, эксплуатируемого за пределами нормативного срока службы/паркового ресурса от суммарной мощности оборудования объектов генерации, трансформаторов, линий электропередач (ЛЭП),%

В остальных случаях электростанции строились в заведомо небольших поселениях (Калтан, Лучегорск, Суворов, Удомля), в расчете на обеспечение потребителей данных муниципальных образований. То есть монопрофильность этих населенных пунктов была задана изначально¹³.

Как известно, рентабельность в российской электроэнергетике при производстве электрической энергии является наименьшей среди всей промышленности страны (около 6–7% против 12–15% в среднем по промышленности в течение 2013–2016 гг.), что

¹² Официальный сайт ГЭП «Вологдаоблкоммунэнерго». URL: <http://voce.ru/krasavinskaya-gt-tets/>

¹³ На основе истории городов, представленных на официальных сайтах муниципальных образований. URL: <http://monogorod.kemobl.ru/KALTAN/01.asp>, <http://adm-krasavino.ru/index.php/poselenie/istoriya>, URL: https://admingus.ru/istoriia_ghoroda, http://www.luchegorsk.info/index/pro_pgt_luchegorsk/0-4, URL: <https://suvorov.tularegion.ru/>, URL: <http://udomelskij-okrug.ru/>

обусловлено как особенностями данного рынка и жестким тарифным регулированием платы за передачу и распределение электрической энергии со стороны государства, так и наличием фактора «Х-неэффективности»¹⁴, присущего естественным монополиям.

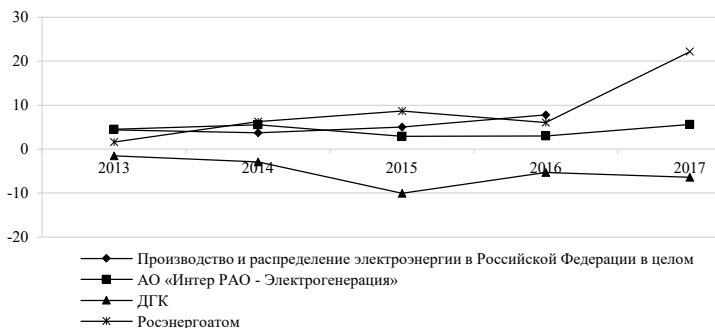
Таблица 1. Монопрофильные муниципальные образования, градообразующие организации которых принадлежат к электроэнергетической отрасли

№ п/п	Муниципальное образование, получившее статус моногорода	Численность населения, чел.	Градообразующие предприятия	Численность персонала градообразующих предприятий, чел.
<i>1-я категория – города с наиболее сложным социально-экономическим положением</i>				
1	Калтан, Кемеровская область	21 784	ПАО «Южно-Кузбасская ГРЭС» (ОАО «Мечел»)	1 589
2	Красавино, Вологодская область	6 432	Красавинская ГТ ТЭЦ (филиал ГЭП «Вологдаоблкоммунэнерго»)	95
<i>2-я категория – города, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения</i>				
3	Гусиноозерск, Республика Бурятия	23 436	Гусинозёрская ГРЭС (АО «Интер РАО – Электрогенерация»)	1 072
4	Лучегорск, Приморский край	19 886	ЗАО «Лучегорский топливно-энергетический комплекс», АО «Лучегорский угольный разрез» (обе входят в АО «ДГК»)	1 498
<i>3-я категория – города со стабильной социально-экономической ситуацией</i>				
5	Суворов, Тульская область	17 615	Черепетская ГРЭС (АО «Интер РАО – Электрогенерация»)	798
6	Удомля, Тверская область	28 669	Калининская АЭС (филиал АО «Концерн Росэнергоатом»)	3 700

Объективно оценить состояние дел непосредственно на градообразующих ТЭС не представляется возможным – все они входят в состав крупных генерирующих компаний (табл. 1), которые публикуют только консолидированную отчетность. Тем не менее, как показал наш анализ, из всех компаний, в состав которых входят градообразующие энерго мощности, только

¹⁴Фактором «Х-неэффективности» называется превышение фактических издержек производства над средними совокупными издержками, обусловленное низкой мотивацией менеджмента, отсутствием улучшений и т.д. Был предложен Х. Лейбенштайном [Leibenstein..., 1966].

АО «Концерн Росэнергоатом» имеет рентабельность выше среднеотраслевой. Финансовые результаты других гораздо скромнее, а ГЭП «Вологдаоблкоммунэнерго» на протяжении 2013–2017 гг. показывала убытки (рис. 2).

Источник: составлено авторами по данным финансовой отчетности компаний, приведенной на их официальных сайтах.

Рис. 2. Рентабельность производства в электроэнергетических компаниях России в 2013-2017 гг., %

Высокий уровень износа оборудования и низкая рентабельность производства электроэнергии обуславливают необходимость применения органами государственного и муниципального управления специальных мер, направленных на повышение энергоэффективности и привлечение инвестиций в модернизацию основных фондов. По нашему мнению, одним из способов решения данной проблемы, по крайней мере, в моногородах, мог бы стать новый подход к распределению тарифа на электроэнергию между участниками рынка энергоресурсов.

Специфика российского рынка электроэнергии и возможности привлечения дополнительных инвестиций в генерацию

На первоначальном этапе реформирования (1990–2007 гг.) электроэнергетика оставалась под контролем государства, а управлением занималась РАО «ЕЭС России». Функционирование отрасли в тот период ознаменовалось структурными преобразованиями, созданием федерального оптового рынка электрической энергии и мощности, а также ряда крупных предприятий, которые занимались управлением электроэнергетикой на отдельных

территориях. Прежде неразрывная технологическая цепочка «производство – передача – распределение – сбыт» в результате реформирования к 2008 г. была разбита. Генерирующие и сбытовые компании были переданы в частные руки, а сетевые компании и распределительные сети (Федеральная сетевая компания и ПАО «Россети») остались под государственным управлением.

Несмотря на то, что на рынке электроэнергии действует конкурентное ценообразование, населению и приравненным к нему категориям энергия отпускается по регулируемым тарифам. Последние заметно различаются по регионам Российской Федерации и ежегодно индексируются, но при этом все они заметно превышают цены оптового рынка.

В Российской Федерации тариф на электрическую энергию формируется из нескольких составляющих: плата за генерацию, передачу, сбыт и услуги инфраструктурных организаций. Потребительская ее стоимость варьирует в разных регионах в зависимости от протяженности сетей, типа электростанции и затрат на топливо. Но в среднем по Российской Федерации структура тарифа выглядит следующим образом:

- генерация энергии составляет около 35% от ее конечной стоимости для потребителей;
- стоимость услуг по передаче электроэнергии – около 59%;
- сбытовая надбавка гарантирующего поставщика – около 5%;
- около 1% получают инфраструктурные организации, которые включают оплату услуг системного оператора, администратора торговой системы, центра финансовых расчетов¹⁵.

При этом на оптовом рынке электроэнергии и мощности (ОРЭМ) цены не регулируются государством и зависят только от спроса и предложения. Порой это приводит к тому, что оптовые и розничные цены в зоне одной и той же ТЭС различаются в разы. Так, сравнив отпускные оптовые цены и потребительские тарифы на электроэнергию по Красноярской ГРЭС-2 (г. Зеленогорск) и Череповецкой ГРЭС, авторы выяснили, что жители Череповца покупают электроэнергию в три раза дороже, чем ГРЭС продает ее на оптовом рынке. В г. Зеленогорске тарифы для населения почти в пять раз превышают уровень отпускных

---

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 (ред. от 02.03.2019) «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии».

цен местной электростанции. Полученные результаты, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что доход от продажи энергии конечным потребителям (по крайней мере, в моногородах) распределяется между участниками производственной цепочки, а именно генерирующими компаниями и сетевыми компаниями несправедливо, и фактически генерирующие станции остаются недофинансированными.

В этой связи авторы предлагают в целях повышения рентабельности генерирующих компаний в моногородах изменить механизм перераспределения тарифа между участниками рынка электроэнергии [Гибадуллин, 2013], разделив его поровну между транспортировкой и генерацией. Сетевые компании при этом потеряют в среднем 15%, а генерирующие станции получат на 15% больше финансирования.

Определим дополнительную прибыль нескольких электростанций по формуле:

$$D = \left(\frac{T_{отп}}{2} - T_{произ} \right) \cdot B,$$

где D – дополнительный доход электростанции, коп.;

$T_{отп}$ – тарифная ставка на электроэнергию, отпускаемую потребителям, живущим в домах со стационарными электроплитами (при одноставочном тарифе или в полупиковой зоне), коп.;

$T_{произ}$ – отпускной тариф на электроэнергию, отпускаемую на оптовый рынок («на сутки вперед»), коп.;

B – объем выработанной электроэнергии, кВт·ч (по данным за 2016 г.).

По нашим расчетам, исследуемые станции могут получить значительный прирост дохода (табл. 2), который можно будет направить на инвестиции.

Таблица 2. Расчет экономического эффекта от внедрения механизма тарифного перераспределения

Генерирующий объект	Выработка электроэнергии, млн кВт·ч	Тарифная ставка на электроэнергию для оптового рынка, коп./кВт·ч	Тарифная ставка, на электроэнергию для потребителей, коп./кВт·ч	$T_{отп}/2$, коп./кВт·ч (с НДС)	Дополнительный доход, тыс. руб.
Череповецкая ГРЭС	4806	120,4	306	153	1 566 756
Гусиноозёрская ГРЭС	4910	115,9	302	151	1 723 410
Черепетская ГРЭС	2964	90,2	265	132,5	1 253 772
Калининская АЭС	27 136	109,8	272	136	7 109 632

В данной таблице мы не рассмотрели Красавинскую ГТ ТЭЦ и Южно-Кузбасскую ГРЭС, так как первая станция предназначена исключительно для выработки электроэнергии для потребителей, расположенных вблизи станции (ее мощность составляет всего 67 МВт), а во втором плата за генерацию составляет более 50% стоимости тарифа.

Однако для того, чтобы все это имело смысл, необходимо соблюсти обязательное условие о целевом использовании дополнительно полученных средств – в рамках утвержденных программ модернизации и обновления основных фондов ТЭС. По нашему мнению, реализовать подобный механизм возможно с использованием инструментов государственного и муниципального контроллинга [Касымов, Харитонов, 2014] и при обязательном соответствии принципам корпоративной социальной ответственности, когда компании проходят процедуру аудита принятых на себя публичных обязательств.

На наш взгляд, новый механизм распределения тарифов не исключает возможности применения дополнительных мер поддержки моногородов, используя действенные инструменты софинансирования соответствующих проектов, в том числе в режиме государственно-частного партнерства (ГЧП). Так, например, в г. Зеленогорске в 2012 г. был создан НКО «Фонд развития предпринимательства города Зеленогорска» при участии Правительства Красноярского края и ОАО «ТВЭЛ». **Основной целью фонда является развитие предпринимательства и создание рабочих мест в ЗАТО Зеленогорск.** Фонд оказывает финансовую поддержку в виде грантов и займов субъектам малого и среднего предпринимательства, ведущим деятельность или желающим открыть свое дело на территории города. Благодаря поддержке фонда количество субъектов малого и среднего предпринимательства в ЗАТО выросло с 517 в 2015 г. до 1856 в 2019 г.¹⁶

Целесообразность применения предлагаемых мер обусловлена действием следующих причин:

---

¹⁶ URL: <https://www.zeladmin.ru/malyj-i-srednij-biznes/informaciya-ob-organizacijah-obrazuyushih-infrastrukturu-podderzhki-subektov-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-usloviyah-i-o/nekommercheskaya-organizaciya-fond-razvitiya-predprinimatelstva-goroda-zelenogorska>

1) во всех моногородах России, отнесенных к 1-й и 2-й категориям, планируется реализация программ диверсификации экономики¹⁷, предполагающих открытие новых производств и, соответственно, увеличения потребления электроэнергии, рост нагрузок на старые генерирующие мощности потребует их обновления;

2) трудности привлечения частных инвестиций в модернизацию объектов электроэнергетики, связанные с длительным сроком окупаемости и масштабностью проектов [Воротников, 2017; Кузнецов, 2014; Чернов, 2015].

Собственно, указанный механизм перераспределения тарифа предлагается использовать до того момента, когда моногород перестанет отвечать критериям монопрофильного МО в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Ускорить этот процесс и дополнительно простимулировать диверсификацию моногородов, по нашему мнению, могло бы дополнительное сокращение тарифа для новых экономических субъектов, которые размещены непосредственно на территории моногорода, т.е. вблизи генерации, за счет уменьшения доли, приходящейся на транспорт энергии.

Выводы

Многочисленные научные исследования позволяют выделить основные проблемы монопрофильных муниципальных образований в Российской Федерации, для преодоления которых необходимо совершенствование институциональных основ управления отечественной промышленностью как на федеральном, так и на региональном уровне.

Авторы углубленно рассмотрели проблемы, связанные с таким важным сектором экономики моногородов, как электроэнергетика. Имеющиеся статистические данные свидетельствуют о высокой степени износа основных мощностей в отрасли, притом, что ее рентабельность существенно ниже, чем в целом по промышленности России.

Предложенный механизм тарифного перераспределения конечной стоимости электрической энергии для монопрофильных

---

¹⁷ Паспорт приоритетного проекта «Комплексное развитие моногородов» в редакции протокола от 30.11.2016 г. № 11.

муниципальных образований с увеличением доли генерирующих компаний может способствовать поддержанию и дальнейшему росту производства электроэнергии в моногородах, что повысит их конкурентоспособность и будет способствовать диверсификации экономики.

Указанные предложения авторов могут быть реализованы при развитии комплексной системы государственного и муниципального контроллинга, направленного на повышение уровня доступности и прозрачности информации о результатах финансово-хозяйственной деятельности генерирующих станций.

Литература

Антонов Г.Д., Иванова О.П., Антонова И.С. Подход к управлению проектами диверсификации моногорода (на примере Кузбасса) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 7. С. 15–22.

Ахмедова Д.Р. Эффективность профессиональной социализации в условиях моногорода // Управление мегаполисом. 2012. № 3. С. 30–35.

Воротников А.М. Финансирование проектов создания и развития локальной энергетики [Эл. ресурс]. URL: <https://energy.s-kon.ru/a-m-vorotnikov-finansirovanie-proektov-sozdaniya-i-razvitiya-lokalnoj-energetiki/> (дата обращения: 27.09.2018).

Гибадуллин А.А. Механизмы финансирования производственных комплексов электроэнергетики // Энергетика Татарстана. 2013. № 2 (30). С. 69–74.

Землянский Д.Ю., Ломанов С.В. Сценарии развития монопрофильных городов России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2014. № 5. С. 69–74.

Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.

Иванова О.П. Создание аутсорсингового центра как инструмент формирования условий для диверсификации экономики моногородов // Сибирская финансовая школа. 2015. № 1 (108). С. 9–12.

Ишимов В.М., Капицын В.М. Моногорода: организация устойчивого развития // Самоуправление. 2011. № 3. С. 14–15.

Касьмова Н.Б., Харитонова Н.А. Особенности организации системы контроллинга как инструмента антикризисного управления в электроэнергетическом комплексе Кыргызской республики // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 6 (66). С. 28.

Кузнецов Н.В. Финансовое обеспечение электроэнергетических предприятий России в условиях реализации программ развития отрасли // Фундаментальные исследования. 2014. № 8. Ч. 6. С. 1431–1438.

Матюгина Э.Г., Ярушкина Н.А. Развитие модели управляющего взаимодействия элементов урбанистической системы (моногородов) // Экономика и предпринимательство. 2015. № 10–1 (63–1). С. 564–568.

Милькина И.В. Актуальные проблемы развития малого предпринимательства в моногородах // «Экономика и управление отраслями, комплексами

на основе инновационного подхода», Международная науч.-практ. конф. (Элиста, 28 марта 2014 г.). С. 439–442.

Павлова А. Н. Специфические особенности рынка труда моногорода (на примере Северодвинска) и пути их решения // Новый университет. Серия: Экономика и право. 2012. № 3. С. 22–27.

Петрина О. А. К вопросу о государственной поддержке монопрофильных городов // Научный диалог: экономика и менеджмент: сборник научных трудов по материалам VII международной научной конференции. Международная научно-исследовательская федерация «Общественная наука». 2017. С. 25–28.

Подугольникова М. О., Гулиев Т. М., Набатова О. В. Моделирование инфраструктуры диверсификации экономики моногорода // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. 2016. Т. 17. № 4. С. 1104–1112.

Ряховская А. Н., Полякова А. Г. Модернизация российских моногородов: стратегические ориентиры институционального реформирования // Эффективное антикризисное управление. 2016. № 4 (97). С. 54–65.

Хайдаров Р. Р. Состояние экологии как фактор устойчивого развития моногорода // Власть. 2013. № 2. С. 072–075.

Харитонов Н. А., Харитонов Е. Н., Пуляева В. Н., Кунанбаева К. Б. Проблемы управления градообразующими организациями черной металлургии // Металлург. 2016. № 6. С. 4–13.

Чернов С. С., Фильченкова М. В. Специфика целевых инвестиций в энергетике // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 3 (32). С. 105–109.

Biryukov, V. V. The formation of territorial innovation models. Indian Journal of Science and Technology. 2016. Vol. 9. No. 12. P. 89534. DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i12/89534

Gibadullin, A. A., Pulyaeva, V. N., Yerygin, Y. V. The Need for a Digital Substation during the Digitalization of Energy. International Youth Scientific and Technical Conference Relay Protection and Automation, RPA, 2018. P. 8537223.

Gibadullin, A. A., Bortalevich, S. I., Yerygin, Y. V. Dynamic Invariance of the Electric Power System. Advances in Economics, Business and Management Research. Vol. 47. 2019. Pp. 299–302.

Leibenstein, H. Allocative Efficiency vs. X-Efficiency. American Economic Review. 1966. Vol. 56 (3). Pp. 392–415.

Satybaldina, E. V. Specific character of life of modern uralsmonotown. Middle East Journal of Scientific Research. 2013. Vol. 17. No. 7. Pp. 982–985.

Sechina, A., Pokrovskaya, N. V., Fedenkova, A., Kurmel, G. Corporate social responsibility as a tool to insure the well-being of monotowns in Russia. Proceedings of the 2016 Conference on Information Technologies in Science, Management, Social Sphere and Medicine (ITSMSSM 2016) “ACSR: Advances in Computer Science Research” Editors: Olga Berestneva, Alexei Tikhomirov, Andrey Trufanov. 2016. Pp. 439–441.

Trifonov, V., Loyko, O., Nesteruk, D., Zhironkin, S., Strekovtsova, E. (2017). Managing a monotown as a priority social and economic development area. AIP Conference Proceedings Proceedings of the III International Young Researchers Conference. Vol. 1800, Issue 1. Article number 050009.

Zamyatina, N.A. Pilyasov, A. Single-Industry Towns of Russia: Lock-In and Drivers of Innovative Search. Foresight. 2016. Vol. 10. No. 3. Pp. 53–64.

Для цитирования: Гибадуллин А. А., Пуляева В. Н., Харитоновна Е. Н., Харитоновна Н. А. Совершенствование территориальной электроэнергетической политики в моногородах России// ЭКО. 2019. № 6. С. 164-181. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-6-164-181

Статья поступила 01.10.2018.

Summary

Gibadullin, A.A., Candidate of Economics Sciences, State University of Management; National Research University "Moscow Energy Institute"; Moscow Institute of Technology, Pulyaeva, V.N., Candidate of Economics Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Kharitonova, E.N., Doctor of Economics Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Kharitonova, N.A. Doctor of Economics Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Improvement of Territorial Electric Power Policy in Monotowns of Russia

Abstract. One of the peculiarities of Russia is a significant number of single-industry towns, many of which turned out to be extremely vulnerable in the situation of continuous economic reforms and crises. Deteriorating socio-economic situation and the popular living standards in single-industry settlements has always attracted the attention of the public, the scientific community, and the country's leadership. There are federal and regional programs adopted and implemented to support such municipalities. Our analysis of the existing regulatory framework governing the status and additional funding of monotowns in the Russian Federation, as well as scientific publications on their problems, showed that development of electric power industry in these localities remains beyond the attention of both legislators and scientists. This fully applies even to energy single-industry towns, where generating stations are city-forming organizations. Assessment of the profile of energy companies in such cities showed that, in comparison with the industry average indicators, they are distinguished by a higher degree of depreciation of fixed assets and low financial results. It is not possible to overcome this lag without attracting additional investment. The authors propose a possible solution to this problem in redistribution of electricity tariffs in single-industry towns, increasing the share of funds attributable to generation. It is assumed that this mechanism should be implemented openly and publicly under state and municipal control. This will produce an additional stream of targeted funds, making it possible for power plants to upgrade equipment.

Keywords: *monotown; electric power industry; city-forming organization; state support; tariff*

References

Antonov, G.D., Ivanova, O.P., Antonova, I.S. (2012). Approach to managing single-city diversification projects (Kuzbass example). *National interests: priorities and security*. No. 7. Pp. 15–22. (In Russ.).

Ahmedova, D.R. (2012). Efficiency of professional socialization in the conditions of a single-industry city. *Management of a megacity*. No. 3. Pp. 30–35. (In Russ.).

Biryukov, V.V. (2016). The formation of territorial innovation models. *Indian Journal of Science and Technology*. Vol. 9. No. 12. Pp. 89534. DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i12/89534

Chernov, S.S., Filchenkova, M.V. (2015). Specificity of targeted investments in energy. *Business.Education.Right.Bulletin of the Volgograd Institute of Business*. No. 3 (32). Pp. 105–109. (In Russ.).

Gibadullin, A.A. (2013). Mechanisms of financing of industrial complexes of electric power industry. *Power engineering of Tatarstan*. No. 2 (30). Pp. 69–74. (In Russ.).

Ivanova, O.P. (2015). Creation of an outsourcing center as a tool for creating conditions for diversification of single-industry economy. *Siberian Financial School*. No. 1. (108). Pp. 9–12. (In Russ.).

Ishimov, V.M., Kapitsyn, V.M. (2011). Monotown: the organization of sustainable development. *Self-management*. No. 3. Pp. 14–15. (In Russ.).

Kasymova, N.B., Kharitonova, N.A. (2014) Features of the organization of the controlling system as an instrument of anti-crisis management in the electric power complex of the Kyrgyz Republic. *Management of economic systems: electronic scientific journal*. No. 6 (66). P. 28. (In Russ.).

Khaidarov, R.R. (2013). State of Ecology as a Factor of Sustainable Development of a Monotown City. *Vlast*. No. 2. Pp. 072–075. (In Russ.).

Kharitonova, N.A., Kharitonova, E.N., Pulyaeva, V.N., Kunanbaeva, K.B. (2016). Problems of management of city-forming organizations of ferrous metallurgy. *Metallurg*. No. 6. Pp. 4–13. (In Russ.).

Kuznetsov, N.V. (2014). Financial support of the electric power enterprises of Russia in the conditions of realization of programs of development of branch. *Fundamental researches*. No. 8. Part 6. Pp. 1431–1438. (In Russ.).

Leibenstein, H. (1966). *Allocative Efficiency vs. X-Efficiency*. *American Economic Review*. Vol. 56 (3). Pp. 392–415.

Matyugina, E.G., Yarushkina N.A. (2015). Development of the model of managing the mutual influence of the elements of the urban system (single-industry towns). *Economics and Entrepreneurship*. No. 10–1 (63–1). Pp. 564–568. (In Russ.).

Milkina, I.V. (2014). Actual problems of small business development in monotowns. *Economics and management of industries, complexes on the basis of an innovative approach*, *International scientific-practical. Conf.* (Elista, March 28, 2014). Pp. 439–442. (In Russ.).

Pavlova, A.N. (2012). Specific features of the single-city labor market (by the example of Severodvinsk) and ways to solve them. *New University. Series: Economics and Law*. No. 3. Pp. 22–27. (In Russ.).

Petrina, O.A. (2017). On the issue of state support of mono-profile cities. *Scientific dialogue: Economics and Management: a collection of scientific papers on the materials of the VII International Scientific Conference. International Scientific and Research Federation "Social Science"*. Pp. 25–28. (In Russ.).

Podugolnikova, M.O., Guliev, T.M., Nabatova, O.V. (2016). Modeling of the infrastructure for diversifying the monocity economy. *Bulletin of the Siberian State Aerospace University. Academician M. F. Reshetnev*. T. 17. No. 4. Pp. 1104–1112. (In Russ.).

Ryakhovskaya, A.N., Polyakova, A.G. (2016). Modernization of Russian monocities: strategic guidelines for institutional reform. *Effective crisis management*. No. 4 (97). Pp. 54–65. (In Russ.).

Satybaldina, E.V. (2013). Specific character of life of modern uralsmonotown. *Middle East Journal of Scientific Research*. Vol. 17. No. 7. Pp. 982–985.

Sechina, A., Pokrovskaya, N.V., Fedenkova, A., Kurmel, G. (2016). Corporate social responsibility as a tool to insure the well-being of monotowns in Russia. Proceedings of the 2016 Conference on Information Technologies in Science, Management, Social Sphere and Medicine (ITSMSSM 2016) “ACSR: Advances in Computer Science Research” Editors: Olga Berestneva, Alexei Tikhomirov, Andrey Trufanov. Pp. 439–441.

Trifonov, V., Loyko, O., Nesteruk, D., Zhironkin, S., Strekovtsova, E. (2017). Managing a monotown as a priority social and economic development area. *AIP Conference Proceedings Proceedings of the III International Young Researchers Conference*. Vol. 1800, Issue 1. Article number 050009.

Vorotnikov, A.M. (2013). Financing projects for the creation and development of local energy (In Russ.) Available at: <https://energy.s-kon.ru/a-m-vorotnikov-finansirovanie-proektov-sozdaniya-i-razvitiya-lokalnoj-energetiki/> (accessed 27.09.2018).

Zamyatina, N.A., Pilyasov, A. (2016). Single-Industry Towns of Russia: Lock-In and Drivers of Innovative Search. *Foresight*. Vol. 10. No. 3. Pp. 53–64.

Zemlyansky, D. Yu., Lomanov, S.V. (2014). Scenarios for the development of mono-profile cities in Russia. *Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography*. No. 5. Pp. 69–74. (In Russ.).

Zubarevich, N.V. (2010). *Regions of Russia: inequality, crisis, modernization*. Moscow, Independent Institute of Social Policy. 160 p. (In Russ.).

For citation: Gibadullin, A.A., Pulyaeva, V.N., Kharitonova, E.N., Kharitonova, N.A. (2019). Improvement of Territorial Electric Power Policy in Monotowns of Russia. *ECO*. No. 6. Pp. 164-181. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-6-164-181

Моногорода и энергетика – а если серьезно?!¹

С.В. БУХАРОВ, Новосибирск. E-mail: bukharov_s_v@mail.ru

Аннотация. По давней традиции «ЭКО» мнение научных работников о тех или иных проблемах реального сектора экономики мы стараемся дополнять/оттенять экспертной точкой зрения специалистов-практиков. Сегодня эту роль взял на себя С.В. Бухаров, имеющий более 15 лет опыта работы в области финансово-экономического управления в энергетике (ОАО «Новосибирскэнерго», ТГК-13). В качестве эксперта он принимал участие в подготовке материалов для обращения в Правительство РФ об отнесении рабочего поселка Линево Искитимского района Новосибирской области к ценовой зоне теплоснабжения. Он попытался оценить предлагаемые авторами статьи «Совершенствование территориальной электроэнергетической политики в моногородах России» меры с точки зрения последствий для энергетического комплекса соответствующих регионов и пришел к выводу, что они категорически неприменимы в текущих условиях функционирования локальных энергосистем.

Ключевые слова: энергоснабжение; моногорода; тарифное регулирование; котловой тариф; электроэнергетика

В статье «Совершенствование территориальной электроэнергетической политики в моногородах России» предпринята попытка рассмотреть вопрос развития электроэнергетической отрасли в монопоселениях на примере шести моногородов.

По мнению авторов, рассматриваемые в статье энергетические предприятия в сравнении со среднеотраслевыми показателями отличает более высокая степень износа основных фондов и низкие финансовые результаты, что требует привлечения в них дополнительных инвестиций, в частности – за счет «перераспределения тарифа на электроэнергию в моногородах, увеличив в нем долю средств, приходящихся на генерацию».

Углубленное изучение темы показывает ошибочность как изначального посыла, так и сделанных в статье выводов и предлагаемых мер.

Действительно, проблема стабилизации социально-экономической обстановки и развития в монопоселениях является весьма актуальной. Особую остроту она получила после кризиса

---

¹ Статья написана в порядке дискуссии с материалом «Совершенствование территориальной электроэнергетической политики в моногородах России» (С. 164-181 этого номера)

2008–2009 гг. Но при чтении названной статьи неизбежно возникают вопросы, на которые я попытаюсь ответить:

– насколько аргументирован базовый посыл, от которого отталкиваются авторы – об износе основных фондов, превышающих среднеотраслевые показатели по рассматриваемым примерам?

– какова экономическая обоснованность и организационно-техническая реализуемость предлагаемых решений?

– в какой мере глубина понимания авторами предмета позволяет им сформулировать свои предложения?

Вводная информация

Синтезу любого предложения предшествует фаза анализа, для реализации которой требуется понимание предмета, в том числе в нашем случае – нормативных правил оптового и розничных рынков электрической энергии в части, имеющей отношение к рассматриваемому вопросу.

1. С 1 января 2011 г. цены на электроэнергию (мощность), поставляемую потребителям, складываются под воздействием спроса и предложения и не подлежат государственному регулированию². Исключение составляют поставки электрической энергии группе «население» и потребителям отдельных зон оптового рынка. При этом из шести рассмотренных моногородов в неценовой зоне оптового рынка расположен только Лучегорск (Приморский край).

2. Все электростанции, установленная мощность которых равна или превышает 25 МВт, обязаны поставлять вырабатываемую электрическую энергию только на оптовый рынок³. В отдельных случаях возможны исключения, но ни одна из станций, приведенных в статье, под эти исключения не попадает. При этом необходимо подчеркнуть, что оптовый рынок электроэнергии является рынком финансовым, а не физическим, то есть невозможно достоверно определить, какая конкретно станция выработала порцию энергии, приобретенную конкретным потребителем.

² Часть 2 ст. 40 федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике».

³ Часть 5 ст. 36 федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике».

3. На оптовом рынке электроэнергии торгуются два товара – собственно электрическая энергия и мощность⁴. Через оплату электроэнергии производителю компенсируются его условно-переменные затраты, а через оплату мощности – условно-постоянные.

4. При установлении тарифов на услуги по передаче электроэнергии применяется так называемый котловой метод, в соответствии с которым эти тарифы устанавливаются едиными всех для всех потребителей, расположенных на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, независимо от того, к сетям какой сетевой организации эти потребители присоединены⁵. При этом расчет котловых тарифов производится исходя из суммы необходимых валовых выручек всех сетевых организаций⁶ региона, а выручка распределяется между этими сетевыми организациями при помощи механизма индивидуальных тарифов для взаиморасчетов.

Конечная («розничная») цена электроэнергии (кроме населения и приравненных к ним потребителей), как верно отмечают авторы статьи, является суммой следующих составляющих:

- цена покупки электрической энергии (условно свободная);
- цена покупки мощности (частично условно свободная, частично регулируемая);
- стоимость услуг инфраструктурных организаций оптового рынка (регулируемая);

⁴ Так как мощность не подходит под определения объектов гражданских прав, данных в ст. 128 ГК РФ, то п. 42 «Правил оптового рынка электрической энергии и мощности», утвержденных постановлением Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172, она определена следующим образом: «В целях обеспечения надежной и бесперебойной поставки электрической энергии на оптовом рынке осуществляется торговля мощностью – особым товаром, продажа которого влечет возникновение у участника оптового рынка обязательства по поддержанию принадлежащего ему... генерирующего оборудования в состоянии готовности к выработке электрической энергии, в том числе путем проведения необходимых для этого ремонтов... и возникновение соответствующего указанному обязательству у иных участников оптового рынка права требовать его надлежащего исполнения в соответствии с условиями заключенных договоров купли-продажи (поставки) мощности».

⁵ «Основы ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике», утвержденные постановлением Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178.

⁶ Отметим, что сетевая организация может осуществлять свою деятельность на территории нескольких муниципальных образований.

- стоимость услуг по передаче электроэнергии (регулируемая);

- сбытовая надбавка (регулируемая, если электроэнергия приобретается у гарантирующего поставщика, свободная – если у сбытовой организации).

При этом для населения энергия отпускается по регулируемым тарифам, расчет составляющих которых производится следующим образом:

- из величины тарифа (устанавливаемого в рамках предельных величин, утверждаемых ФАС России для каждого региона в отдельности) вычитается составляющая приобретения энергии и мощности на оптовом рынке⁷;

- далее вычитается величина сбытовой надбавки, устанавливаемая региональным регулятором;

- остаток принимается как тариф на услуги по передаче энергии.

Расчет тарифа на услуги по передаче для населения обратным счетом приводит к тому, что этот тариф оказывается ниже экономически обоснованного, а иногда даже отрицательным. Разница между рассчитанным и экономически обоснованным тарифом включается в необходимую валовую выручку, используемую для расчетов тарифов на услуги по передаче для прочих потребителей, и является источником формирования так называемого перекрестного субсидирования между двумя группами потребителей: населением и прочими (перекрестки).

Что не так в предложенном рецепте

При анализе предложенных мер будем исходить из того, что их реализация сводится только к перераспределению выручки⁸ от продажи электрической энергии между субъектами хозяйственной деятельности и не влечет за собой изменений действующих рыночных правил.

---

⁷ Цена электрической энергии и мощности, приобретаемой на оптовом рынке для поставки населению, устанавливается ФАС России.

⁸ Именно просто выручки, а не тарифной выручки, как написано у авторов статьи, так как по регулируемым тарифам реализуется примерно 15–17% электроэнергии. Столько в среднем составляет доля потребления населения.

Авторы по результатам сравнения отпускных цен производителей⁹ и цен для конечных потребителей¹⁰ делают вывод о неравномерном и несправедливом распределении доходов от продажи между производителями и сетевыми организациями, которое приводит к недофинансированию генерирующих станций. Если принимать во внимание устройство российского оптового и розничных рынков, а тем более – различия в формировании конечной цены для населения и прочих потребителей, это мнение глубоко ошибочное. Недофинансирование¹¹ станций может быть следствием двух причин:

– складывающейся на оптовом рынке электроэнергии конъюнктуры, при которой равновесная цена не покрывает переменные затраты генераторов;

– станция экономически не востребованна на оптовом рынке и по этой причине не может пройти конкурентный отбор мощности, вследствие чего лишается возможности получить плату за мощность.

В последнем случае, если работа станции необходима по технологическим причинам, она может получить статус вынужденного генератора, условно-постоянные затраты которого компенсируются по тарифу, устанавливаемому ФАС России. Из числа приведенных в списке статус вынужденного генератора имели или имеют Красавинская ГТ-ТЭЦ, Гусиноозерская ГРЭС, Черепетская ГРЭС¹².

Допустим, в указанных муниципальных образованиях сбытовые организации и местные электростанции заключили прямые договоры на поставку определенных объемов электроэнергии¹³. Как в условиях котлового тарифообразования на услуги по передаче можно организовать перераспределение

⁹ В данном случае не принципиально, цену продажи какого товара использовали для сравнения – цену электроэнергии или одноставочную цену на электроэнергию с учетом мощности.

¹⁰ А какими величинами так называемого «тарифа» авторы реально оперируют в своих расчетах? – тарифами для населения или ценами для конечных потребителей? Последние вообще-то по уровням напряжения еще дифференцируются и по категориям потребления.

¹¹ Необходимо подчеркнуть, что *речь идет о деятельности станций на рынках электрической энергии!* Но все приведенные в примере станции вырабатывают еще и тепловую энергию.

¹² См. распоряжения Правительства Российской Федерации от 15.10.2015 № 2065-р, от 29.07.2016 № 1619-р, от 31.07.2017 № 1646-р, от 30.12.2018 № 3020-р.

¹³ Заключение таких прямых договоров допускается Правилами оптового рынка.

выручки между генерирующими и сетевыми организациями? А главное – кто и каким образом компенсирует сетевым организациям недофинансирование их производственной деятельности?

А авторы, очевидно, предполагают, что это произойдет в результате увеличения полезного отпуска вследствие роста экономической деятельности в моногородах. Но когда именно произойдет этот рост и в каком объеме? Будет ли его достаточно для компенсации недополученных доходов? Не приведет ли эта ситуация к текущему недофинансированию ремонтов сетевых объектов и снижению надежности электроснабжения? Получению ответов на эти вопросы, а это фактически риски предлагаемой модели, авторы статьи по какой-то причине не уделяют внимания.

Кроме того, коль скоро речь идет о полных объемах полезного отпуска, а выше уже указывалось, что все перечисленные в статье станции являются поставщиками оптового рынка¹⁴, в предлагаемую схему перераспределения тарифа неизбежно попадут сетевые организации, действующие не просто за пределами моногородов, но и находящиеся на территории других субъектов Российской Федерации. Фактически предлагаемый авторами механизм приводит к возникновению межтерриториального перекрестного субсидирования.

Наконец, вызывает недоумение, почему авторы не обратили внимания на тот факт, что большинство рассматриваемых станций, помимо электрической вырабатывают еще и тепловую энергию, которая *полностью потребляется внутри муниципальных образований*, и от надежности и качества теплоснабжения зависит жизнедеятельность в поселениях.

Может быть, резервы повышения эффективности следует искать в этом направлении?

---

¹⁴ Если бы станции являлись поставщиками розничного рынка, то предлагаемые модель в этой части можно было бы реализовать. Но можно гарантировать, что такие станции не смогли бы покрывать собственной выработкой пики потребления и для покрытия этих пиков пришлось бы приобретать электроэнергию на оптовом рынке, что приводило бы к разбалансировке предлагаемой модели.

Выбор субъектов для анализа

Заявленный авторами посыл об износе основных фондов во всех моногородах также не выдерживает критики. Реальный анализ, даже по имеющимся открытым источникам, не произведен, в то время как:

– на Черепетской ГРЭС в 2014–2015 гг. реализована инвестиционная программа и введены в эксплуатацию два новых пылеугольных энергоблока мощностью по 225 МВт каждый. В связи с выводом с 1 января 2017 г. устаревшего неэффективного оборудования второй очереди ГРЭС снизила установленную мощность до 450 МВт, что позволило повысить операционную эффективность и конкурентоспособность станции, а также увеличило коэффициент использования установленной мощности более чем в два раза¹⁵;

– Красавинская ГТ ТЭЦ¹⁶ введена в эксплуатацию в 2013 г., то есть это практически новая станция.

Авторы справедливо отмечают, что многие теплофикационные станции (ТЭЦ) строились вблизи от крупных промышленных потребителей (энергоёмких производств). При этом в части тепловой энергии первичной была нагрузка, формируемая именно промпредприятиями, тепло- и горячее водоснабжение непромышленных зданий, включая бытовое и социальное потребление, было для них вторичным. В отличие от ТЭЦ, конденсационные станции (ГРЭС) строились для *электроснабжения энергорайонов*, а не отдельных предприятий/поселений. В частности:

– Гусиноозёрская ГРЭС обеспечивает электроэнергией потребителей Бурятии и соседних регионов, а также тепловой энергией город Гусиноозёрск¹⁷;

– ЗАО «Лучегорский топливно-энергетический комплекс» (Приморская ГРЭС) вырабатывает половину объема электроэнергии,

¹⁵ URL: <http://irao-generation.ru/stations/cherepetzg/>

¹⁶ Данный объект является примером недостаточной проработки вопроса. Красавинская ГТ ТЭЦ - филиал ГЭП «Вологдаоблкоммунэнерго». ГЭП признано банкротом, и в отношении организации открыто конкурсное производство. Исходя из информации с сайта предприятия (URL: <http://voce.ru/>) можно предположить, что проблемы являются следствием деятельности «Вологдаоблкоммунэнерго» на рынке тепловой, а не электрической энергии.

¹⁷ URL: <http://irao-generation.ru/stations/gusozerg/>

потребляемой в Приморском крае, и обеспечивает теплом поселок Лучегорск¹⁸;

– Черепетская ГРЭС строилась для снятия пиковых нагрузок в пределах Московской, Тульской, Орловской, Брянской и Калужской областей¹⁹;

– Калининская АЭС выдает мощность в Объединенную энергосистему Центра по высоковольтным линиям на Тверь, Москву, Санкт-Петербург, Владимир, Череповец. Благодаря своему географическому расположению станция осуществляет высоковольтный транзит электроэнергии²⁰.

Решения по строительству этих станций принимались в рамках программ развития *всей Единой энергосистемы России*, а не муниципального образования и даже не региона. Очевидно, что эти особенности необходимо учитывать, предлагая любые мероприятия в отношении данных станций, в том числе – в рамках программ развития моногородов.

Наконец, вызывает недоумение предлагаемый авторами единый подход к развитию энергосистем шести моногородов, несмотря на то, что они относятся к различным предусмотренным правительством категориям²¹. Оценка ситуации в этих городах приведена в таблице.

В целом в отношении всех упомянутых в статье муниципальных образований можно сделать следующие выводы:

– риски снижения надежности и качества электроснабжения отсутствуют;

– *риски* снижения надежности и качества **теплоснабжения**, связанные с работой источников тепловой энергии, существуют только в Красавино, но это риски нестабильности финансирования текущей деятельности станции из-за банкротства ее собственника, а не технологические;

– риски, связанные с высвобождением персонала градообразующего предприятия, требуют внимания только в Калтане.

¹⁸ URL: http://museum.rao-esv.ru/power_facilities/152/

¹⁹ URL: <http://iraao-generation.ru/stations/cherepetzg/>

²⁰ URL: http://rosenergoatom.ru/stations_projects/sayt-kalininskoy-aes/

²¹ Постановление Правительства РФ от 29.07.2014 г. № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения».

Ситуация в шести монопрофильных поселениях, где градообразующими являются энергетические предприятия

№ п/п	Муниципальное образование, получившее статус моногорода	Перечень градообразующих предприятий	Оценка ситуации
<i>1-я категория – города с наиболее сложным социально-экономическим положением</i>			
1	Калтан, Кемеровская область	ПАО «Южно-Кузбасская ГРЭС» (ОАО «Мечел»)	Риски прекращения деятельности станции отсутствуют
2	Красавино, Вологодская область	Красавинская ГТ ТЭЦ (филиал ГЭП «Вологдаоблкоммунэнерго»)	ГЭП «Вологдаоблкоммунэнерго» находится в состоянии банкротства. Конкурсным управляющим проводятся торги имущества. При появлении у имущественного комплекса ТЭЦ нового собственника станции ничто не угрожает в силу ее востребованности на рынке. Дополнительно необходимо отметить, что проблемы поселения связаны с банкротством льнокомбината
<i>2-я категория – города, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения</i>			
3	Гусиноозерск, Республика Бурятия	Гусиноозёрская ГРЭС (АО «Интер РАО – Электрогенерация»)	Риски прекращения деятельности станции отсутствуют
4	Лучегорск, Приморский край	ЗАО «Лучегорский топливно-энергетический комплекс» (филиала Приморская ГРЭС), АО «Лучегорский угольный разрез» (обе входят в АО «ДГК»)	Риски прекращения деятельности станции отсутствуют
<i>3-я категория – города со стабильной социально-экономической ситуацией</i>			
5	Суворов, Тульская область	Черепетская ГРЭС (АО «Интер РАО – Электрогенерация»)	Риски прекращения деятельности станции отсутствуют
6	Удомля, Тверская область	Калининская АЭС (филиал АО «Концерн Росэнергоатом»)	Риски прекращения деятельности станции отсутствуют

Источник: составлено автором на основании открытых источников.

Заключение

При анализе любой производственно-экономической системы необходимо досконально изучить условия ее хозяйствования. Как производственные, так и регуляторные, нормативные рамки в которых ведут свою деятельность субъекты – участники этой системы.

Предлагаемые авторами статьи «Совершенствование территориальной электроэнергетической политики в моногородах России» меры по повышению рентабельности генерирующих компаний в «энергетических» моногородах не реализуемы

и экономически не обоснованны. Учитывая, что все перечисленные в статье электростанции, кроме Калининской АЭС, работают в режиме комбинированной выработки электрической и тепловой энергии, любые предложения по повышению их экономической эффективности следует рассматривать в комплексе, то есть в отношении работы этих станций на рынках как электрической, так и тепловой энергии.

Если концентрироваться на предмете статьи, то нужно отметить, что проблема моногородов не является чисто российской. Достаточно вспомнить американский «ржавый пояс». То есть проблема в мире известна и решается, пусть и с переменным успехом. Но вряд ли экономически обоснованно включать в число используемых для этого механизмов описанную оппонентами схему перераспределения доходов между хозяйствующими субъектами внутри отдельных поселений.

Статья поступила 20.02.2019.

Summary

Bukharov, S.V., Novosibirsk

Power and Single-Industry Towns – are we Serious?!

Abstract. According to a long-standing tradition of our journal, we try to complement opinions of scientists on various problems of economy with a point of view of experts.

In this issue, we asked S. V. Bukharov, a representative of energy business, to take part in our discussion. He has over 15 years of experience in financial and economic management of power engineering (Novosibirskenergo Group, TGK-13, Association NP Market Council and others).

As a consultant, he participated in preparation of materials for the Government of the Russian Federation concerning a decision to include the workers' village of Linevo of the Iskitimsky District of the Novosibirsk Region into a heat supply price zone.

He tried to evaluate the measures proposed by the authors of the article «Improvement of territorial power electricity policy in monotowns of Russia» in terms of consequences for the energy complex of respective regions and concluded that they are absolutely inapplicable under the current operating conditions of local power systems.

Keywords: *single-industry towns; electric power station; city-forming organization; tariff; wholesale electric energy market*

Для цитирования: *Бухаров С.В.* Моногорода и энергетика – а если серьезно?! // ЭКО. 2019. № 6. С. 182-191. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-6-182-191

For citation: *Bukharov, S.V.* (2019). Power and Single-Industry Towns – are we Serious?! *ECO*. № 6. Pp. 182-191. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-6-182-191

Правила для авторов

Для **англоязычного списка литературы (References)** необходимы транслитерированные ссылки на русскоязычные источники, оформленные в соответствии с международными требованиями. Рекомендуем использовать для этого транслитерацию в формате BSI. При верификации **References** необходимо использовать англоязычные данные из оригинала статьи – Ф.И.О. авторов, англоязычное заглавие статьи.

Пример представления англоязычных ссылок

Статья в журнале

Заголовок статьи дать только на английском языке (прямым шрифтом), название журнала транслитерировать и дать курсивом. Если журнал не использует англоязычное название (**проверить сайт издания**), то **переводить** его самостоятельно **на английский язык не следует**. Если использует англоязычное название, то дать курсивом, отделив точкой от транслитерированного.

Deryabina, M. (2006). Reformino natural mjnnpolies: theory and practice. *Voprosy Ekonomiki*. No. 1. Pp. 102–121. (In Russ.).

Gofman, A. B. (2015). Conceptual approaches to analysis of social unity. *Sotsiologicheskie Issledovaniya. Sociological Studies*. No.11. Pp. 29–36. (In Russ.).

Книга

Название книги должно быть дано на английском языке курсивом, без транслитерации.

Shumpeter, J. (1954). *History of economic analysis*. New York, Oxford University Press. 200 p.

В следующих номерах вы прочтете:

Тема номера: Проблемы развития энергетики России

- Организационные и технологические трансформации в электроэнергетике
- Централизованное теплоснабжение в России: текущее состояние и проблемы
- Оптимизация энергоснабжения потребителей в условиях нового энергетического реализма
- ГЧП – фактор развития или существования энергетики России?
- Вопросы государственной энергетической политики в решениях ГКО СССР (1941-1945 гг.)

А также:

Специфика экономики совместного потребления и условия ее развития
Проблемы и перспективы функционирования банковской системы в регионах России

Трудный путь становления современной системы регионального и муниципального управления, или топтание на месте

ВВП как стоимостной измеритель объема экономики и индикатор экономического роста

Расходы муниципалитетов и доходы населения российской Арктики

Мобилизация и конкуренция в советском атомном проекте

Инсценирующая диктатура: судебный процесс «Промпартии» 1930 г.

0131-7652. «ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).
2019. № 6. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35;

E-mail: eco@ieie.nsc.ru

© Редакция журнала «ЭКО», 2019. Выход в свет 28.06.19
Формат 84x108 1/32. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,08
Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 350. Заказ 98.

ФГУП «Издательство СО РАН»

630090, г. Новосибирск, Морской проспект, 2